

192

Б 68

Л.О.БЛАНКИ
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

*Под общей редакцией
академика*

В. П. ВОЛГИНА

МСМЛII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

Л.О.БЛАНКИ
ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Перевод с французского и комментарии

Ф. Б. ШУВАЕВОЙ

Вступительная статья

В. П. ВОЛГИНА

MCMLII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Карандашный портрет Бланки работы Давида
д'Анжера (1840)

В.П.Волгин. Политические и социальные идеи Бланки

I. Статьи и выступления до революции 1848 года

1. Процесс пятнадцати. Защита гражданина Бланки
2. [Речь 2 февраля 1832 г. в «Обществе друзей народа»]
см. первую публикацию этого док-та Саулом Красным <http://istmat.info/node/39384>
3. Кто варит суп, тот пусть и ест его

Приложения

1. [Вопросник для вступающего в «Общество семейств»]
2. [Вопросник для вступающего в «Общество времен года»]
3. [Воззвание Комитета «Общества времен года» в день восстания 12 мая 1839 г.]

II. Статьи и выступления в связи с событиями революции 1848 года

1. [Речь 25 февраля 1848 г.]
2. [О борьбе за красное знамя]
3. [Адрес «Центрального республиканского общества»
Правительству от 1 марта 1848 г.]
4. [Об отсрочке выборов] (первая петиция)
5. [Об отсрочке выборов] (вторая петиция)
6. [Демократическим клубам Парижа, Манифест от 25 марта 1848 г.]
7. [Проект адреса Правительству]
8. Исповедание веры
9. [Адрес «Центрального республиканского общества»
Временному правительству от 20 апреля 1848 г.]
10. [Адрес от 3 мая 1848 г. о руанских событиях]
11. Обращение к народу
Тост 10 февраля 1851 г.
12. [Комментарии к тосту Бланки от 10 февраля 1851 г.]
13. [Письмо Майару]

III. Статьи заметки из «Социальной критики»

Том I

1. Ростовщичество
2. Капитал - синоним ростовщичества
3. Коммунизм - будущее общества

Том II

1. Сент-Этьен
2. Триада
3. Происхождение богатства
4. Коммунизм и прудонизм
5. Сторонники раздела земель
6. Сен-симонисты. Интеллектуальный кредит
7. Детоубийство. Его причины - бог и капитал
8. Филантропы
9. Война капитала с революцией
10. Секты и революции
11. Земельная собственность

12. Проект речи
13. О кооперативе
14. Стачка и кооперация
15. Равноценность - закон обмена
16. Прогрессивный налог
17. Капиталистическая пресса
18. Примитивный коммунизм
19. Победа индустрии
20. Политическая экономия без морали

IV. Статьи из газеты «Отечество в опасности»

1. Реакция
2. 1792-1870
3. Перемирие и капитуляция
4. Открытый союз реакции с Бисмарком
5. Захватчики

V. Инструкция к вооруженному восстанию

см. первую публикацию этого док-та Саулом Красным <http://istmat.info/node/39388>

Комментарии

Луи-Огюст Бланки. Биографический очерк

Примечания

Сочинения Л.-О.Бланки

Литература о Бланки

Тематически связанные материалы и работы, посвященные Бланки, можно читать в нашем сообществе и библиотеке - раздел «ВЕСНА НАРОДОВ» <http://istmat.info/node/28559>

темы

<http://istmat.info/node/27690>

<http://istmat.info/taxonomy/term/638>

<http://vive-liberta.diary.ru/?tag=1355431>

В. П. ВОЛГИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ БЛАНКИ

Луи Огюст Бланки прожил долгую жизнь, отдав делу революционной борьбы около полувека. Его последние политические выступления относятся к 1880 г. Но его мировоззрение, основные политические и социальные идеи, которыми он руководствовался в своей революционной деятельности, сложились в 30—40-х годах XIX века и окончательно оформились во время революции 1848 г. Ни дальнейший рост классовой борьбы пролетариата, ни возникновение и распространение научного коммунизма не внесли существенных изменений в революционные взгляды Бланки. «...Бланки,— писал Энгельс в 1874 г.,— революционер прошлого поколения»¹. Остановившись в своем идейном развитии на уровне, достигнутом им в 30—40-х годах,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 225.

Бланки не сумел понять и усвоить теорию научного коммунизма, хотя и был знаком с деятельностью и с рядом трудов Маркса. Однако как представитель домарксовского, утопического коммунизма он заслуживает большого внимания со стороны исследователей истории социальной мысли.

Тридцатые и сороковые годы XIX века отмечены во Франции значительным ростом крупной капиталистической промышленности, ростом рабочего движения, проявившегося в лионских восстаниях ткачей 1831 и 1834 гг. и в многочисленных забастовках (в 1832—1833 гг. были моменты, когда забастовки охватывали почти всю парижскую промышленность, в 1840 г. забастовки широко развернулись по всей стране). С ростом капиталистической промышленности и рабочего движения росло и классовое самосознание французского пролетариата. В рабочем классе пробуждалось понимание того, что у него имеются собственные политические задачи, для решения которых необходима самостоятельная политическая организация. Но пути построения такой организации пролетариат искал ощупью, учась на собственных ошибках.

По мере развития реальной классовой борьбы пролетариата утопические системы социализма утрачивали свое прогрессивное значение, «школы» утопического социализма вырождались в секты, каждая из которых предлагала свои средства устранения социального зла, примирения классовых противоречий.

Идеи утопического социализма все более становились достоянием мелкой буржуазии. Мелкобуржуазные и буржуазные черты, свойственные в той или иной мере каждой утопической системе, получили в это время свое полное развитие. Люди, считавшие себя наследниками великих утопистов, искали себе поддержки скорее среди образованных классов. Рабочий класс, наоборот, все более тяготел к коммунизму. «Социализм,— говорит Энгельс, характеризуя отношения этой эпохи,— означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее»¹.

Однако рабочий класс не был в состоянии освободиться сразу и полностью от чуждых его классовым интересам влияний. Французские рабочие были связаны еще очень крепко с мелкобуржуазной средой, из которой они в большинстве случаев происходили и которая, несмотря на рост крупной промышленности, все же составляла весьма большую часть трудового населения Франции; в психологии рабочих этого периода было еще много мелкобуржуазных пережитков. Деятели французского коммунистического движения 40-х годов, пытавшиеся дать коммунизму теоретическое обоснование, оказались бессильны создать научную теорию коммунизма. Философской основой их построений оставался в лучшем случае механистический материализм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 52.

XVII века. Они не сумели преодолеть характерное для XVIII века рационалистическое учение об обществе, о «естественном» и «разумном» порядке общественных отношений, не сумели обосновать коммунизм исторически. В своих попытках наметить пути осуществления коммунизма они примыкали к революционным традициям бабуизма. Их коммунизм оставался утопическим, несмотря на их революционность и стремление связать дело коммунизма с борьбой рабочих. Среди этих коммунистов-утопистов Бланки по своей безграничной преданности делу революционного преобразования общества бесспорно занимал в глазах современников первое место. «...Пролетариат,— писал Маркс в «Классовой борьбе во Франции»,— все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки»¹.

I

Кипучая революционная деятельность, заполнившая всю сознательную жизнь Бланки, началась еще во время реставрации. В 20-х годах юный Бланки участвовал в заговорщической организации карбонариев. В конце 20-х годов он был трижды ранен в уличных стычках с полицией и войсками и впервые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 189.

арестован. В июле 1830 г. он принимал активное участие в революционной борьбе и был горько разочарован ее результатами — установлением буржуазной монархии Луи-Филиппа.

Вступив в республиканское общество «Друзей народа», Бланки примкнул к его левому крылу. К первым годам июльской монархии относятся два документа, характеризующие взгляды Бланки этого периода. Первый из них — выступление на судебном процессе «Друзей народа» в январе 1832 г. (так называемый «процесс пятнадцати»), второй — речь на собрании, организованном обществом 2 февраля того же года. Выступление на процессе было тогда же напечатано «Друзьями народа» в сборнике, посвященном процессу, речь дошла до нас в рукописи.

В речи на суде Бланки резко поставил проблему классового расслоения общества, связав борьбу за политические права, которую ведут «Друзья народа», с материальными нуждами, интересами и страданиями народных масс. Однако представления Бланки о классах современного ему общества не отличаются необходимой четкостью, а его социальная программа еще весьма неопределенна.

На вопрос председателя суда о профессии Бланки с гордостью ответил: «Пролетарий». Но дальнейшие его пояснения показывают, что для него слово «пролетарий» означало трудящегося вообще. Такова профессия, заявил он, тридцати миллионов французов,

которые живут своим трудом и лишены политических прав. Ясно, что понятию «пролетарий» Бланки придает здесь тот же смысл, какой демократические деятели того времени придавали понятию «народ». Противопоставление: «аристократия богатства» — «народ» или «буржуазия» — «народ», — характерно для общественной мысли изучаемого периода. Неотчетливость этого противопоставления отражала, несомненно, недостаточный уровень капиталистического развития Франции, незавершенность промышленной революции. Как мы еще увидим, Бланки зачастую заменяет слово «пролетарии» словом «народ» или словом «бедные» как равнозначными.

Современный политический порядок, заявлял в той же речи Бланки, установлен в целях эксплуатации бедного богатым. Государство — механизм, перекачивающий средства из рук народа в сундуки нескольких тунеядцев. Законы издают 100 тысяч избирателей, их применяют 100 тысяч судей, исполняют 100 тысяч национальных гвардейцев. И все эти избиратели, судьи, национальные гвардейцы — один круг людей, захвативших в свои руки все функции власти. 30 миллионов пролетариев остаются вне этой системы, они только платят.

Политический вывод, к которому ведет Бланки своих слушателей, ясен: для устранения общественных зол необходимо, чтобы народ взял власть в свои руки, необходимо установление политической демократии. Общая социальная тенденция речи бесспорна: цель

борьбы Бланки видит в установлении социального равенства. Но о необходимости социалистического преобразования общества он не говорит. Из конкретных мероприятий, необходимых для улучшения участи угнетенных, он выдвигает лишь реформу налогов и системы кредита. Современные грабительские налоги должны быть отменены; должны быть введены налоги, изымающие излишек у туенядцев, чтобы распределять его через систему национальных банков (идея, внушенная, по видимому, пропагандой сен-симонистов) среди бедняков, которых отсутствие средств обрекает на бездействие¹.

Более конкретную характеристику классовых сил, борющихся в современной ему Франции, Бланки дал в своем выступлении на собрании 2 февраля.

Между классами, составляющими нацию, говорил здесь Бланки, идет смертельная борьба. В истории Франции ясно обнаруживается влияние трех «интересов»: интересов так называемого высшего класса, интересов среднего класса, или буржуазии, наконец, интересов народа. В 1814—1815 гг. буржуазия, утомленная правлением Наполеона с его непрерывными войнами, встретила Бурбонов как посланцев божиих. Бурбоны вознаградили за это буржуазию Хартией, при посредстве которой знать, крупные собственники, с одной сторо-

¹ «Procès des quinze. Publié par la Société des Amis du peuple». Paris, 1832, стр. 77—85.

ны, и средний класс — с другой, поделили между собой власть над страной. Народ был отстранен.

Буржуазия поддерживала Бурбонов вплоть до 1825 г. Но затем Карл X решил отстранить ее, как в 1815 г. был отстранен народ. Буржуазия была возмущена, началась война буржуазии против правительства Карла X в газетах и на выборах. Однако борьба велась во имя Хартии, только во имя Хартии. Интересы народа не принимались в расчет. Ни та, ни другая сторона не ожидала его вмешательства.

Когда народ поднялся, пробудившись от сна, в котором он пребывал в течение 15 лет, буржуазией овладел ужас. Сначала она ждала победы Карла X и трепетала перед ее последствиями; затем, когда вопреки ее ожиданиям победил народ, она была совершенно ошеломлена. Но народ не сумел воспользоваться своей победой. В краткой борьбе июльских дней из народа не успели выделиться его естественные вожди, и он доверился тем, кто возглавлял буржуазию в ее борьбе против Бурбона. Народ, одержав победу, вернулся в свои мастерские, буржуазия вышла на арену. Средний класс, прятавшийся во время сражения и его не одобрявший, похитил плоды победы, достигнутой вопреки его воле; а народ, который сделал все, не получил ничего. Но все же народ появлялся на политической сцене, он совершил акт властелина. «Отныне война будет идти в основном между ним и

средним классом, а не между буржуазией и высшими классами. Наоборот, буржуазия по необходимости будет призывать на помощь своих старых врагов, чтобы с бóльшим успехом сопротивляться угрожающему нашествию пролетариев».

«Два принципа разделяют Францию: принцип легитимности и принцип народного суверенитета», — таков вывод Бланки из его исторического обзора. Третьего знамени нет. Все, кто боится анархии и держится за старые формы, группируются вокруг знамени легитимности. Все люди будущего, массы, измученные эксплуатацией, объединены идеей народного суверенитета¹.

Как мы видим, и в этой речи характеристика социальных групп отличается неопределенностью, и в этой речи нет указаний на конкретные мероприятия, при помощи которых массы смогут добиться освобождения от эксплуатации. Пока в центре внимания Бланки стоит политическая цель борьбы — установление народного суверенитета. Однако весьма вероятно, что у него были уже и в 1832 г. известные симпатии к социализму. Он, несомненно, еще до революции 1830 г. был знаком с произведениями сен-симонистов и с книгой Буонарроти «Заговор равных». Во всяком случае к 1834 г. социалистические

¹ Изложение речи Бланки 2 февраля 1832 г. мы даем по тексту речи, напечатанному в книге: R. G a r a u d y. Les sources françaises du socialisme scientifique, стр. 222—232.

убеждения Бланки полностью оформились. В относящейся к этому году статье, предназначенной им для журнала «Le libérateur», Бланки выступает уже не только против неравенства, но и против примитивных уравнилельных рецептов борьбы с общественным злом, противопоставляя им принцип «ассоциации».

Существуют два источника богатства, пишет Бланки: разум и труд. Это — душа и жизнь человечества. Но для их действия необходим пассивный элемент — земля. Эта необходимая основа деятельности людей должна бы принадлежать им всем.

Захват земли и установление собственности сначала на земли, а затем на накопленные продукты труда, именуемые капиталом, породили конфликт между правом человека на существование и привилегией небольшого числа собственников. Капитал составляет необходимую для труда первичную материю. Поэтому большинство, не обладающее капиталом, принуждено трудиться на пользу владеющего меньшинства. Логическим следствием такой организации является рабство. Принцип равенства, заложенный в сердце человека, в течение ряда веков стремится уничтожить эксплуатацию человека человеком во всех ее формах. Но все же рабство существует и сейчас. Нельзя считать свободным того, кто, будучи лишен орудий труда, находится всецело в руках привилегированных. Положение рабочего хуже, чем положение негров-рабов

на плантациях. Рабочий не составляет капитала, подобно рабу; его беречь незачем, его смерть не есть потеря, ибо всегда найдутся другие ему на смену.

Держать бедняка в покорности помогало его невежество, порожденное рабством. Но сейчас, говорит Бланки, положение чревато мятежом. Если в Лионе пролетариат поднялся, как один человек, то это свидетельствует о том, что противоречие интересов достигло такой остроты, при которой не может устоять даже самое упорное ослепление. Чувствуя это, защитники существующего порядка начинают проповедовать общность интересов, солидарность между капиталистом и рабочим. Мало кто этому поверит: каждый день проливает новый свет на эту выдумку об ассоциации паразита и его жертвы. Факты свидетельствуют о борьбе, о борьбе не на жизнь, а на смерть между прибылью и заработной платой. Бланки убежден, что победа в этой борьбе достанется не бездельникам, а трудящимся, что право собственности идет к своему закату.

Человечество идет к равенству. Но Бланки считает нужным подчеркнуть, что равенство не может быть достигнуто разделом земельных владений. Бесконечное дробление земли ничего не изменит по существу в праве собственности. Обладание орудиями труда и дух эксплуатации восстановят вновь большие состояния и неравенство. Индивидуальная собственность должна быть заменена ассоциацией.

Только ассоциация обеспечит господство справедливости и равенства¹.

В изложенной статье чувствуются известные следы влияния на Бланки сен-симонизма и фурьеризма. К этим источникам восходят, вероятно, учение о смене форм эксплуатации в истории человечества и понимание будущего общественного строя как ассоциации. Но, говоря о возможном влиянии на Бланки утопических школ начала XIX века, необходимо сразу же отметить, что их мирный утопизм и религиозная окраска их учений оставались всегда чуждыми Бланки. Усваивая те или иные идеи из наследия сен-симонизма или Фурье, он сочетал их с революционными традициями бабувизма.

В этой же статье 1834 г. имеется еще одна заслуживающая внимания черта: характеристика положения наемного рабочего в капиталистическом строе. Эта характеристика, конечно, очень абстрактна, подобные ей можно найти даже в XVIII веке (например, у Ленге). Но все же здесь Бланки делает известный шаг вперед к уточнению понятия «пролетарий», тем самым приближаясь к пониманию подлинной движущей силы предстоящего социального переворота. Как мы увидим, полной ясности в этом вопросе Бланки не было суждено достигнуть. Не подлежит сомнению, что этот шаг в развитии социальных взглядов Бланки явился результатом тех толчков,

¹ Blanqui. Critique sociale, т. II, стр. 118—127.

которые получала его мысль от окружающей его действительности — от растущей классовой борьбы французского пролетариата, в частности, от борьбы лионских рабочих, о которой он в статье упоминает.

1834 год можно считать поворотным пунктом в истории революционного движения во Франции 30-х годов. В 1834 г., после подавления лионского и парижского восстаний, под гнетом правительственных репрессий представители буржуазии и буржуазной интеллигенции, игравшие заметную роль в республиканских обществах предыдущего периода, отхлынули от революционных организаций. Вновь возникшие тайные общества вербовали своих членов почти исключительно в рабочей среде и в близком к пролетариату слое мелкой буржуазии. В этих новых тайных обществах — в «Обществе семейств» и в «Обществе времен года» — Бланки выдвинулся на руководящее место. О тех идеях, которые пропагандировал Бланки в это время, мы можем судить по программным документам обществ. В составлении их принимал участие, конечно, не только Бланки, но с основными их положениями он, несомненно, был согласен.

Документы, о которых мы говорим, исходят из того, что существующее правительство действует в интересах небольшого числа привилегированных. До 1830 г. это была аристократия рождения. Когда в 1830 г. аристократия рождения была сокрушена, ее место заняла аристократия богатых: денежные люди,

банкиры, поставщики, монополисты и т. д., словом, хищники, эксплуататоры, жиреющие за счет народа. К народу, т. е. к тем, кто трудится, законы относятся, как к рабам. Участь пролетария в современном обществе подобна участи раба и негра, соткана из нищеты и страданий. Конечной целью организации объявляется свержение существующего правительства силой оружия. Предстоящая революция должна быть не политической революцией, а социальной. Необходимо уничтожить не только королевскую власть, но и все виды аристократии, все виды привилегии. На место королевской власти должно быть поставлено самоуправление народа, т. е. республика. Но народ не может сразу после революции взять власть в свои руки. Социальное тело поражено гангреной, для его спасения нужны героические средства, нужна на некоторое время сильная революционная власть¹.

Излагаемые нами документы, как и выступления Бланки 1832 г., не дают нам ясного ответа на вопрос о социальных целях революции, хотя и говорят, что это — революция социальная. Они ограничиваются в этом отношении лишь общими формулами: в основе общества должно лежать равенство; существование каждого члена общества должно быть обеспечено — при том условии, что он является

¹ Ménilhou. Rapport (Affaire de 12 et 13 mai 1839), стр. 18—19, 57, 61; De la Hodde. Histoire des Sociétés secrètes. 173—174, 192—194.

трудящимся; все члены общества имеют равные права и равные обязанности и т. д. Основным общественным противоречием и здесь представляется противоречие между «аристократией богатства» и «народом» как совокупностью трудящихся. Важную особенность документов составляет требование революционной диктатуры, унаследованное Бланки от бабуизма и прочно вошедшее в его концепцию революционного процесса. Следует, однако, подчеркнуть, что диктатура в понимании Бланки есть диктатура небольшого числа революционеров, а отнюдь не диктатура революционного класса.

12 мая 1839 г. «Общество времен года» одним из вождей которого был Бланки, сделало попытку поднять в Париже восстание. Эта попытка носила заговорщический характер. Манифест повстанцев призывал к установлению царства равенства, к устранению эксплуатации. Во имя таких требований мог подняться только рабочий класс. Но французский рабочий класс конца 30-х годов XIX века еще не созрел для победоносной социальной революции. Ошибочная заговорщическая тактика «Общества времен года» привела к тому, что революционная попытка 1839 г. не имела даже того успеха, на какой она могла рассчитывать в условиях 30-х годов. «Воспитанные в школе заговорщичества, спянные соответственной строгой дисциплиной,— говорил Энгельс о революционерах типа деятелей 1839 г.,— они полагали, что сравнительно

небольшое число решительных, хорошо организованных людей может в благоприятный момент не только захватить власть, но, действуя с чрезвычайной энергией, удержать ее в своих руках, пока не удастся вовлечь народ в революцию...»¹ В движении 1839 г. все указанные Энгельсом черты заговорщичества, сложившиеся в основном на почве незрелости классового самосознания пролетариата, проявились с большой яркостью. Правильно оценивая все значение революционной дисциплины и организованности, деятели 1839 г.— и в их числе Бланки — не понимали, что эти прекрасные качества могут обеспечить успех лишь тогда, когда обладающая ими революционная организация тесно связана с массами рабочего класса и выступает как его естественный представитель и руководитель. Такой связи у «Общества времен года» не было даже с парижскими рабочими, не говоря уже о широких массах французского пролетариата. Массы не вышли на улицу 12 мая 1839 г., и выступление разрозненных групп заговорщиков было легко подавлено.

* * *

Последовавший арест вырвал Бланки из рядов активных революционных борцов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 92.

вплоть до революции 1848 г. Годы заточения не прошли для Бланки бесплодно. В революцию он вошел несравненно более зрелым политическим борцом, зачастую способным нащупать практические решения, наиболее соответствующие интересам трудящихся, хотя и попрежнему не способным создать социалистическую теорию, научно освещающую путь к победе коммунизма.

С первых же дней революции, казавшейся победоносной, Бланки указывает на опасности, угрожающие молодой республике. Он отмечает наличие двух борющихся тенденций развития — к «уравнительной республике» и к «буржуазному конституционализму». Вся его деятельность, вся его пропаганда подчинены единой задаче — задаче борьбы против буржуазной реакции, грозящей свести на нет результаты народной победы февральских дней. Конечная цель этой борьбы ясно сформулирована им в выступлении 31 марта в организованном им «Центральном республиканском обществе». «Республика для нас, — говорил здесь Бланки, — уточняя понятие «уравнительная республика», — это полная эмансипация трудящихся. Это — наступление нового порядка, который уничтожит последнюю форму рабства — пролетариат. Тирания капитала не более терпима, чем тирания сабли и кадила. Февральская революция имела целью ее сокрушить. Такова же цель «Центрального республиканского общества», каждый из его членов берет на себя обяза-

тельство бороться за нее, пока она не будет достигнута»¹.

Основной силой, на которую можно опереться в борьбе за «уравнительную республику», Бланки считает рабочих, в первую очередь рабочих Парижа. Первое выступление Бланки против Временного правительства было связано с вопросом о знамени республики. По существу это был для него вопрос об «уравнительном» или «буржуазном» пути революции. Трехцветное знамя, заявлял Бланки, не есть знамя республики, это — знамя Луи-Филиппа и монархии. Оно обагрено много раз кровью рабочих. Народ водрузил красные знамена на баррикадах 48-го года, как он это делал в июне 1832, в апреле 1834, в мае 1839 г. Отныне это — знамена народа. Их падение — оскорбление для народа. «Рабочие, — взывал Бланки, — это падает ваше знамя! Слушайте внимательно: республика не замедлит за ним последовать»². Несколько дней спустя, 2 марта, в клубе Бланки был принят адрес Временному правительству. Адрес посвящен в основном тем мерам, которые должно принять правительство для обеспечения подлинной свободы печати, союзов и собраний. Но в нем есть два параграфа, непосредственно касающиеся интересов рабочих и их места в революции. Параграф 8 адреса требует немед-

¹ Рукопись Бланки; цит. по книге: S. Molinier. *Blanqui*, стр. 42.

² S. Molinier. Ук. соч., стр. 36.

ленной организации национальной гвардии, в состав которой должны войти все рабочие без исключения с оплатой по 2 франка за каждый день действительной службы. Параграф 9 предусматривает отмену всех статей уголовного кодекса и всех специальных законов, воспрещающих коалицию рабочих¹.

Большой интерес представляет кампания, которую вел Бланки за отсрочку выборов в Учредительное собрание. В течение пятидесяти лет, писал Бланки в петиции 17 марта, контрреволюция одна только имела право голоса. Народ не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. Надо, чтобы свет проник в самые маленькие деревушки. Выборы, если они состоятся сейчас, будут реакционными. Роялистская партия, единственно организованная благодаря своему длительному господству, будет руководить ими при помощи интриги, подкупа, социальных влияний: она выйдет из выборов победительницей. Но эта победа будет, по мнению Бланки, началом гражданской войны. Ибо Париж, сердце и мозг Франции, не отступит перед этим возвратом прошлого.

Бланки понимал, что главной реакционной силой является напуганная революцией буржуазия. Но с особой резкостью он нападал на тех, кто, выдавая себя за демократов, по существу предавал интересы народа, служил делу буржуазной реакции. Выступая со все

¹ S. Molinier. Ук. соч., стр. 37.

большой решительностью против Временного правительства, Бланки сурово осуждал его «левую» часть, так называемых «монтаньяров 1848 года», отличие которых от монтаньяров 1793 года он видел в том, что они совершенно оторваны от парижских масс. Он разгадал смысл организации Люксембургской комиссии как маневра, отвлекающего рабочих от революционного действия.

Подводя в 1851 г. итоги опыта революционных лет, Бланки писал:

«Какой подводный камень грозит грядущей революции? Тот же, о какой разбилась революция вчерашнего дня: заслуживающая сожаления популярность буржуа, переряженных в трибунов. Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремье, Ламартин, Гарнье-Пажес, Дюпэн де л'Эр, Флокон, Альбер, Араго, Марра... Мрачный список — зловещие имена, написанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы. Это Временное правительство убило революцию. На его голову падает вся ответственность за все бедствия, за кровь тысяч жертв. Реакция только занималась своим ремеслом, умерщвляя демократию. Подлинное преступление совершили те изменники, которых доверчивый народ признал своими вождями и которые его предали реакции...»

Совершенно естественна та ненависть, какую питали к Бланки не только откровенные реакционеры, но и люди, прикрывавшие свое служение реакции либеральными, демократическими и даже «социалистическими» фразами.

ми. В борьбе с самым опасным для нее противником, с человеком, наиболее способным объединить вокруг себя парижские массы, реакция не брезговала никакими средствами. 31 марта в Париже был опубликован документ, будто бы уличавший Бланки в даче судебным властям Луи-Филиппа показаний, компрометирующих его сотоварищей по движению 1839 г. Несмотря на то, что к клеветнической кампании примкнул бывший товарищ Бланки по «Обществу времен года» — Барбес, клевета, немедленно опровергнутая Бланки, могла внести лишь временное смущение в ряды его сторонников. Для борьбы с его влиянием нужны были более решительные меры. 26 мая Бланки был арестован в связи с его участием в демонстрации 15 мая. Ко времени июньского восстания парижские рабочие были лишены своего наиболее преданного и наиболее авторитетного вождя. Бланки был вновь на много лет оторван от непосредственной борьбы за дело революции.

Революционная деятельность Бланки в 1848 г. получила весьма высокую оценку со стороны Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс называли Бланки пролетарским революционером¹. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс писал о демонстрации 15 мая: «День 15 мая... привел лишь к удалению с общественной арены на все время рассматриваемого цикла Бланки и его едино-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 305.

мышленников, т. е. действительных вождей пролетарской партии» (революционных коммунистов)¹. Во «Втором обращении ЦК к Союзу коммунистов» сообщалось: «Из французских революционеров к нам присоединилась действительно пролетарская партия, вождем которой состоит Бланки»². В одном из своих писем Маркс назвал Бланки головой и сердцем пролетарской партии во Франции³. Неудивительно, что в марте — апреле 1850 г. Маркс и Энгельс вели переговоры с двумя представителями Бланки в Лондоне и заключили с ними соглашение, в основе которого лежало признание в качестве общих целей ниспровержения власти привилегированных классов и подчинения этих классов диктатуре пролетариата впредь до реализации коммунизма.

После поражения революции 1848 г., находясь в заточении, Бланки продолжал работать для революции, стараясь поддерживать связи с оставшимися на свободе друзьями и пересылая им руководящие письма и заметки политического содержания. В 1864 г. он бежал из заключения. 14 августа 1870 г. Бланки участвовал в неудачной попытке восстания против правительства Наполеона III,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 218.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 495.

³ Письмо к Вагта цит. по ук. соч. R. Gaudy, стр. 217.

скомпрометированного поражением во франко-прусской войне. После свержения Наполеона Бланки издавал газету «Отечество в опасности», в которой горячо пропагандировал защиту Франции как очага революции против реакционного пруссачества. В первые дни республики Бланки совершил грубую политическую ошибку, призвав массы во имя «обороны отечества» к абсолютной поддержке буржуазного Временного правительства. Он не сумел понять, что это правительство контрреволюционно по своему существу; что оно неспособно организовать оборону, ибо оно боится вооруженных французских рабочих больше, чем прусской оккупации; что оно является, как говорил Маркс, не правительством национальной обороны, а правительством «национальной измены»¹. Дальнейшее развитие событий заставило Бланки отказаться от этой ошибочной позиции и выступить решительно и резко против буржуазных политиков, готовых из страха перед революционным движением масс предать страну, заключив союз с Вильгельмом и Бисмарком. 17 марта 1871 г., накануне провозглашения Коммуны, Бланки был арестован как участник попытки восстания против Временного правительства 31 октября 1870 г. Избранный членом Коммуны, он не мог принять участия в ее деятельности. После освобождения в 1879 г.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 293.

Бланки, несмотря на свои 74 года, вернулся вновь к политической борьбе, которую прервала только его смерть 1 января 1881 г.

II

Бланки не оставил после себя систематического изложения своих философских, социальных и политических взглядов. Его литературное наследство состоит из журнальных статей по отдельным вопросам философии, политической экономии и политики, а также из большого числа разрозненных рукописей, до сих пор еще полностью не опубликованных. Тем не менее сопоставление этих статей, заметок и записей, зачастую противоречивых, позволяет восстановить с достаточной полнотой те теоретические положения, которыми руководствовался Бланки в своей революционной деятельности.

Оба основных направления французского утопического социализма начала XIX века — фурьеризм и сен-симонизм — в своих общих философских принципах примыкали к идеализму. И той и другой школе присущи религиозные тенденции, хотя они и отмежевываются от официального христианства. Не свободны от религиозных тенденций и некоторые утописты-коммунисты этой эпохи. Крупнейший пропагандист бабувистских традиций революционного коммунизма, Буонарроти несомненно находился в философских вопросах под влиянием идеализма Руссо. Следуя за Руссо и

Робеспьером, он защищал идею «гражданской религии», считал необходимой для прочности человеческого общества веру в верховное существо и в бессмертие души. Мировоззрению Бланки чужды черты идеализма. Он — последовательный ученик французских материалистов XVIII века со всеми их сильными и слабыми сторонами.

Спиритуализм для Бланки — не только ошибочная философия. Спиритуализм — политическое и социальное преступление, так как из него вырастают все религии, а религии — источник невежества, эксплуатации, нищеты. Спиритуализм — краеугольный камень всякого угнетения, надежнейшее орудие тирании. Религия, — говорит Бланки, — естественный союзник консерватизма, ибо в неподвижности — сущность религии. Церковь подрывает у своих приверженцев стремление к прогрессу, убаюкивает чувство несправедливости. «Бог» — слово, которое прикрывает наше бессилие и наше неведение. Оно претендует все объяснить, но оно не объясняет ничего и воспрещает всякое объяснение. Религия обрекает ум и волю на застой. Когда человеческий дух перестает понимать, он говорит: «бог!» Это слово всегда держало человеческий дух в цепях и стремится удержать его в цепях навсегда. Только наука может, преодолевая препятствия, которые ставит вера, вести человечество по пути знания и действия, обеспечивающих его величие и свободу. Вера взывает к человеку: «На колени!

Нечестивец, здесь нет прохода». Наука говорит ему холодно: «Вставай и пойдём!» — и человек проходит¹. Знание означает движение и жизнь.

Народы не имеют более жестокого врага, чем религия. Христианство и опиум — два яда, пишет Бланки, идентичные по своему действию. Отвлекая мысли и деятельность человека от земных, социальных задач, направляя их к небу, религия делает гражданина безразличным ко всему, кроме будущей жизни, ослабляет борьбу человечества за справедливость. Из сил, защищающих интересы господствующих классов, церковь, по мнению Бланки, — самая мощная сила. Борьба с церковью занимает в учении Бланки не меньшее место, чем она занимала у просветителей XVIII века.

Если такова социальная роль исторических религий, то не менее сурово оценивает Бланки попытки «ложных мессий» XIX века основать новые религии. Эти попытки, по его мнению, реакционны по существу, хотя и прикрываются маской прогресса. Массы не нуждаются в этих карикатурах на прошлое. Общую черту всех новых религий — сен-симонизма, фурьеризма, позитивизма — составляет их отрицательное отношение к революции. Все они нападают на революцию, стремятся заменить ее. Но, отмежевываясь от

¹ Из рукописного наследия Бланки, цит. в ук. соч. R. G a g a u d y, стр. 263—264.

революции, они неизбежно покидают пути будущего и скатываются к союзу с правительствами прошлого, стараются купить их поддержку своими выступлениями против революции и революционеров. Их остатки можно найти в Сенате и в других советах императорского правительства (Наполеона III).

Всем идеалистическим и религиозным фантазиям Бланки противопоставляет материализм и атеизм. Атеизм, учение о несотворенном, вечном мире, живущем по своему собственному закону, неизбежно овладеет человечеством. Это учение имеет своей основой знание, каждодневно доставляющее для его подтверждения новые аргументы. Религии еще представляются хозяевами положения, но в действительности религиозные догмы уже мертвы. Мир движется вперед, возглавляемый знанием. Поражение религий неминуемо.

Подобно своим учителям в области философии, Гельвецию и Гольбаху, Бланки не был в состоянии подняться до материалистического и диалектического понимания общественного развития. Закономерность явлений общественной жизни представлялась ему не совместимой с прогрессом человеческого общества, с усовершенствованием общественных отношений в результате сознательной деятельности людей. «Слово «закон», — писал он, — имеет смысл только в отношении к природе. То, что называется законом, неизменным порядком, несовместимо с разумностью и волей». Там, где действует человек,

нет места закону. В вопросе о закономерности исторического процесса Бланки делает, несомненно, шаг назад по сравнению с Сен-Симоном и Фурье.

Бланки считает исторический процесс движением прогрессивным. Но этот прогрессивный характер придают ему разум и воля, размышление и опыт человека. Ничто в истории не возникает внезапно. Человечество путем незаметных переходов проходит через ряд этапов, отделяющих его младенчество от его зрелости. Даже революции, при всей их кажущейся внезапности, медленно нарастают под скрывающей их оболочкой, которая в конце концов разрывается, как разрывается оболочка куколки, скрывающая бабочку. Если не говорить о внешних завоеваниях, внутренняя эволюция расы или народа совершается путем переходов с одной ступени на другую. Каждый век имеет собственную структуру и собственную жизнь, составляющую часть в общей жизни человечества¹.

Бланки не мог не видеть, конечно, значения для общественного развития экономических отношений. Он часто подчеркивает, что происходящая в обществе борьба определяется материальными интересами, что те или иные идеи и принципы выражают эти интересы. Но в сложном сплетении сил, действующих в человеческой истории, основной силой, движущей человечество вперед, он признает

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 41, 45.

все же рост знаний, просвещение, совершенствование человеческого разума. Он не понимает, что рост общественного сознания определяется общественным бытием. Философия, заявляет он, правит миром; это — аксиома. С этим идеалистическим пониманием исторического развития связана, несомненно, и характерная для Бланки, и особенно для бланкистов, тенденция ставить на первое место среди задач партии борьбу с религией как с основой всех зол.

Основное содержание истории общества составляет для Бланки движение к коммунизму. Человечество начинает свой путь с абсолютного индивидуализма, и через длинный ряд усовершенствований оно должно прийти к коммунизму. Прогресс — приближение к коммунизму, коммунизм и цивилизация — одно и то же¹. Идею первобытного коммунизма, коммунизма как порядка, свойственного детству человечества, Бланки решительно отвергает, как не соответствующую действительности. Отсутствие собственности на землю, говорит Бланки, не есть еще коммунизм. Зачем делить то, чего люди еще не обрабатывают? Не коммунизм, а индивидуализм составляет первую форму общества. Его господство есть господство невежества, варварства. Дикари — крайние индивидуалисты. Коммунизм не совместим с невежеством, коммунизм составляет последнее слово социальной науки, высшее

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 173.

выражение принципа ассоциации. В соответствии со своим идеалистическим пониманием истории Бланки утверждает, что каждый шаг по пути ассоциации является результатом работы человеческого разума: «орудие освобождения,— пишет он,— не рука, а мозг»¹. Задержки на этом пути вызываются остановками в развитии разума. Так, прогресс был, по мнению Бланки, задержан и прерван христианством. Коммунизм — социальное и политическое выражение полного торжества просвещения².

Мы говорили уже о возможном влиянии сен-симонизма на исторические представления Бланки. Это влияние не было, повидимому, особенно глубоким и длительным. Во всяком случае историческая периодизация Бланки во многом отличается от периодизации сен-симонистов. Основной гранью, разделяющей историю человеческих обществ на две резко отличные части, является у Бланки разделение труда³. До разделения труда индивидуализм сохраняет свой основной устой — экономическую независимость отдельных семей. Люди не знают обмена, каждая семья производит сама все ей необходимое. Однако, при единстве этого экономического принципа, человечество проходит в период его господ-

¹ Из рукописей Бланки; цит. по статье E. Mason. *Blanqui and communism*. «Political Science Quarterly», 1929, т. XLIV, № 4, стр. 504.

² *Blanqui. Critique sociale*, т. II, стр. 67—75.

³ Там же, стр. 79; т. I, стр. 3.

ства три фазы социально-политического развития. Первая фаза — каменный век; люди живут изолированно, не зная никаких общественных соединений, кроме семьи. Вторая фаза охватывает конец каменного века и начало века бронзы; люди соединяются в племена; они живут скотоводством и охотой; земля остается общей; появляются зачатки правительства в форме иерархии и власти вождей. Третья эпоха — век бронзы и век железа; люди переходят к обработке земли, за которой следует ее присвоение. С исторической точки зрения этот успех индивидуализма составляет, по мнению Бланки, большой шаг в направлении к коммунизму. В этот же период возникает политическая и социальная власть, монархии и аристократии, касты, вассальные отношения. Но обмена нет, денег нет, следовательно, заключает Бланки, нет и капиталистической эксплуатации¹.

Разделение труда, продолжал Бланки, величайший переворот в жизни человечества. Разделение труда повышает его производительность, улучшает качество продукции. Разделение труда разрушает обособленность индивидов, устанавливает новый принцип: каждый работает для всех, все для каждого². Но этот бесспорный прогресс куплен ценою полной потери личной независимости, ценою установления рабства под видом солидарности. Отказ от личной независимости не был

¹ Blanqui. Critique sociale, т. II, стр. 77—79.

² Там же, т. I, стр. 9.

ни внезапным, ни сознательным. Никто не давал на него своего согласия, никто не согласился бы обменять чувство личной свободы на позолоченное ожерелье цивилизации¹. Режим разделения труда замещал режим индивидуальной изолированности путем целого ряда трансформаций, растянувшихся на необозримый период. Каждый шаг на этом пути казался желанной победой, изменение происходило мало-помалу, не затрагивая ни привычек, ни предрассудков.

С упрочением принципа разделения труда общество основывается на обмене. На первых порах, пока потребление, а следовательно, и обмен, охватывает небольшое число предметов, возможен обмен в натуре, обмен продукта на продукт. Но с ростом производства такой обмен стал совершенно невозможен. Возникла потребность в посреднике, и таким посредником по своим специальным качествам, естественно, сделались драгоценные металлы. Появление денег было, таким образом, вызвано необходимостью, но опыт показывает, что за их услуги обществу пришлось заплатить очень дорого. Основным условием обмена, его законом является, утверждает Бланки, эквивалентность обмениваемых предметов. При соблюдении этого закона деньги служили бы источником благодетельных. Но в действительности их применение породило ужасные злоупотребления — ростовщичество, капитали-

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 39—43.

стическую эксплуатацию, и ее пагубные последствия — неравенство и нищету¹.

Когда возникли деньги, перед человечеством было открыто два пути: путь братства и путь эгоизма. Первый путь привел бы вскоре человечество ко всеобщей ассоциации: потребности производства и его прогресса неизбежно потребовали бы кооперации усилий отдельных работников. Но эгоисты, жадные люди поняли вскоре мощь денег, поняли, какое значение может иметь обладание этой «чудесной лампой»². «Вампиризм» этих людей повел общество по пути эгоизма, накопление денег, — а только деньги и составляют капитал, — совершилось не посредством ассоциации, а посредством индивидуального захвата, за счет масс, на пользу немногих. Немногие оказались владельцами орудий труда, а большинство оказалось вынуждено на них трудиться. Могло ли быть иначе, спрашивает Бланки, в те века невежества и дикости, когда люди не знали другого права, кроме силы, другой морали, кроме успеха? — Так установилась власть «императора Экю», так весь мир охватило зло ростовщичества³.

Капитал, говорит Бланки, «не есть «накопленный труд», как утверждают экономисты; это — «украденный труд». Но глубокого эконо-

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 3—5, 42—43.

² Бланки имеет в виду чудесную лампу Аладина из «Тысячи и одной ночи».

³ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 43—45.

номического анализа капитализма, как своеобразной формы эксплуатации мы у Бланки не находим. В своем понимании капиталистической эксплуатации Бланки остается на уровне мелкобуржуазных утопистов первой половины XIX века. Для него капитал — синоним ростовщичества; источник капиталистической прибыли он видит в неэквивалентном обмене, основной порок капитализма — в незаконном получении процента с капитала. Не случайно проявляющееся иногда у Бланки терпимое отношение к прудонизму. Прудонизм и коммунизм — это, по его мнению, «братья враги». Их объединяет и позволяет им носить одно и то же имя социализма отрицательное отношение ко всем формам процента. Буржуазную политическую экономию Бланки обвиняет в том, что она, оправдывая заем из процентов, впадает в противоречие с «аксиомой» равноценности обмениваемых предметов. Естественно, что, стоя на мелкобуржуазных позициях в вопросе о существовании капиталистической эксплуатации, Бланки оказывается не в состоянии понять и классовую структуру капиталистического общества: с мелкобуржуазным пониманием эксплуатации связано, несомненно, его представление о «пролетариате» как об общественной группе, охватывающей всех, кто живет своим трудом, не эксплуатируя труда других.

Критика капитализма носит у Бланки по преимуществу характер оценки с точки зрения морали и разума: существующий строй не

отвечает требованиям справедливости, здравого смысла¹. «Справедливость,— утверждает он,— единственный критерий, который должно применять в человеческих делах»². Его применение неизбежно ведет к социализму. Буржуазная политическая экономия безразлична к морали, и это лишает ее всякой ценности как социальную науку. «Достаточно одного взгляда,— говорит Бланки,— чтобы измерить пропасть, отделяющую социализм от политической экономии. Это две диаметрально противоположные концепции общества. То, что с точки зрения одной добродетель, с точки зрения другой — преступление. Отрицанию соответствует утверждение, проклятию — одобрение, панегирику — анафема». Политическая экономия — кодекс взаимного истребления, в ее сухих страницах нет никаких признаков идеи справедливости, ничего, кроме эгоизма, кроме войны человека с человеком. Бланки возмущается претензией буржуазной политической экономии на открытие «вечных» экономических законов, которым будто бы соответствует капиталистический порядок. Термин «закон» в понимании экономистов, это, утверждает он, «нелепость, лицемерие, плутовство, а иногда все это вместе...»

Та же глубоко ошибочная теория эксплуатации приводит Бланки к искажению исторической перспективы, к смешению в его

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 11.

² Там же, т. II, стр. 58.

представлениях форм эксплуатации. У Бланки деспотическая власть капитала, «императора Экю», начинается с незапамятных времен. К тому моменту, когда «поднимается занавес истории», она распространена уже в Европе, Азии, Африке. Капитал царит в Египте, в Финикии, в Греции, в Карфагене. Он господствует в республиканском Риме. Патриции — это ростовщики, правящие не только силой меча, но и силой денег (сестерции). Все «великие люди римской республики — Сципион, Лукулл, Катон, Брут, Кассий — были займодавцами». В течение столетий патрициат и «пролетариат» боролись за политическую и социальную власть. Римская история, по словам Бланки, «длинный рассказ о борьбе между капиталом и трудом». Хотя поражение в этой борьбе и приводит «неоплатного должника» к обращению в раба, положение пролетария в Риме в основном представляет, как полагает Бланки, вопреки историческим фактам, полную аналогию положению европейского рабочего. В римской республике три орудия тирании — священство, деньги и сабля — находятся в одних руках. Из этих трех средств угнетения основным является «капитал», два другие служат ему жандармами¹. Победа Цезаря над республикой была обусловлена тем, что на сторону Цезаря стали массы. Цезаризм обязан своим успехом всеобщей ненависти к тирании ростовщиков. Но

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 47—48.

массы ничего не выиграли от этой революции. Сабля не находилась более в руках ростовщиков, но ростовщичество попрежнему управляло Римом. Когда к этим двум силам присоединилось христианство, настал конец античной цивилизации. «Христианство,— пишет Бланки в одной из своих заметок,— между двумя цивилизациями: одной — на смертном одре, другой — в колыбели. Христианство, ненавидя первую, ее убило, совершив акт отцеубийства, и само погибло от рук второй, которая отомстила за свою предшественницу. Между этими двумя цивилизациями — его истинное царство, средние века, варварство»¹.

Выросший на развалинах Рима феодальный порядок передал власть в руки знати и духовенства. Денежный человек оказался жертвой военного человека. Но мир начал затем вновь подниматься по ступеням цивилизации, и в настоящее время круг завершен. Капитал господствует в обществе. Одержимый жадностью к прибыли, он понял значение ассоциации, и это прекрасное орудие прогресса стало в его руках средством уничтожения мелкой и средней индустрии, мелкой и средней торговли. Над прахом скромного буржуа возвышается, более сведущая и более страшная, чем старый патрициат, власть тройственного феодализма: финансового, промышленного и торгового,— власть, которая держит

¹ Из рукописей. Бланки; цит. по ук. статье Е. М а s o n, стр. 505.

под своей пятой все общество¹. Общество стремится к пропасти, как бы охваченное слепым безумием. Тщетны почти всеобщие призывы к равенству. С каждым днем все больше углубляется пропасть между двумя кастами,— изобилием и нищетой. Промежуточные слои исчезают. Все завоевания знания становятся оружием в руках капитала против труда и мысли².

Резюмируя свои исторические сопоставления, Бланки приходит к следующему обобщению: «Приемы тирании неизменны. Их можно найти везде и всегда, и они опираются на те же основания — невежество и легковерие...» «Так идут дела с начала исторических времен». Но Бланки убежден в том, что этот порядок, основанный на эксплуатации, не может быть вечной судьбой человеческого рода. Мы знаем, что он отмечает борьбу против господствующего в обществе «капитала» даже в истории римской республики. Повидимому, он, как и его учителя — бабувисты, был склонен думать, что «борьба бедных против богатых» присуща всякому обществу, в котором царит неравенство. Однако, с другой стороны, он утверждает, в некотором противоречии с этой концепцией, что именно в настоящее время (т. е. в середине XIX века) «император Экю» впервые наталкивается на восстание своих жертв³.

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 176.

² Там же, стр. 74.

³ Там же, т. II, стр. 46.

В обществе идет ожесточенная борьба между двумя классами — буржуазией и пролетариатом¹.

Пролетарии не могут прожить и двадцати четырех часов без орудий труда, которые находятся во власти привилегированных. Между этими классами не может быть никакой общности интересов. Общество держится на тирании и угнетении. Между его частями немислимы иные отношения, кроме борьбы². Господство буржуазии колеблется. Буржуазия видит свою последнюю надежду в цезаризме, тогда как народ становится под знамя республики. Буржуазия ищет поддержки в католической церкви, забыв о былом вольнодумстве. «Мы видим теперь союз Тьера и Монталамбера,— пишет Бланки,— союз банка и духовенства. Промышленники Эльбефа собираются под знаменем Лойолы; они будут ходить к мессе каждое воскресенье, чтобы молиться за сохранение социального порядка и их экую»³. На одной стороне насилие, несправедливость, мрак; на другой — справедливость,

¹ Оценивая это положение Бланки, не следует, конечно, забывать о свойственном Бланки понимании термина «пролетариат»; он насчитывает во Франции 32 миллиона пролетариев, т. е., по его словам, людей, не имеющих «серьезной» собственности и живущих трудом своих рук.

² А. Marty. Quelques aspects de l'activité de Blanqui, стр. 401.

³ Рукопись Бланки; цит. по статье: А. Mason. Blanqui and Communism.

братство, просвещение. Исход борьбы, по мнению Бланки, не вызывает сомнений¹.

Хотя имеются люди, принадлежащие по рождению к буржуазии и примыкающие к рядам пролетариата, хотя есть пролетарии, сражающиеся в рядах буржуазного лагеря,— борьба идет в основном между прибылью и заработной платой, между капиталом и трудом. Бланки считает естественным и исторически неизбежным, что вождями революционного движения являются выходцы из «буржуазии» (разумея, очевидно, под этим именем «образованные» слои населения вообще). В рядах буржуазии имеется, говорит он, некоторое избранное меньшинство (*élite*), которое составляет душу, жизнь революции. От него исходят идеи преобразования, поднимающие и возбуждающие массы. Многие из этих «избранных» живут сами в крайней нищете. Их существование пугает капитал, и капитал не напрасно их боится: эти «деклассированные» — невидимые агенты прогресса, фермент, поддерживающий брожение в массах². «Кто водрузил знамя пролетариата? Кто провозвестник, кто апостол доктрины равенства? Кто ведет народ на бой против буржуазии? — Сама буржуазия. Но какой девиз стоит на ее знамени? Демократия? — Нет, Пролетариат».

Бланки едко высмеивает людей, которые считают себя демократами и заявляют, что

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 51

² Там же, стр. 219.

они не принадлежат ни к лагерю буржуазии, ни к лагерю пролетариата. Прикрываться такими неопределенными фразами могут те, кто стремится обмануть народ; те, кому действительно дороги его интересы, должны без оговорок и утайки примкнуть к своему лагерю и открыто носить свою кокарду. В пример «демократам» своего времени Бланки приводит деятелей Горы 1793 г., которую он явно идеализирует. Со дня падения монархии и до последнего движения предместьев в преиале Гора и народ составляли, по его мнению, неразделимое целое, единое и в дни победы, и в дни поражения¹.

Бланки не верит в возможность изменения условий жизни угнетенных масс при помощи средств, предлагавшихся различными школами утопического социализма. Он относится к их основателям с уважением и признает, что постановка ими вопросов социального преобразования принесла большую пользу: она уяснила недостатки существующего порядка и внушила массам веру в лучшее будущее — в социализм. Утопические учения дали ценный материал для «практических» коммунистов, но только материал. Ни одна из утопических школ не может претендовать на то, что она дала рецепт спасения человечества от всех социальных зол. Рассуждения

¹ «Приветствие Бланки социалистическому банкету 3 декабря 1848 г.». «La Révolution de 1848», 1925, № CXI, стр. 546.

утопистов о будущем обществе Бланки называет «революционной схоластикой».

Будущее общество не может быть созданием ума того или иного мыслителя. Коммунизм будущего — не утопия; это — общий результат всего исторического движения, а не «яйцо, снесенное и высиженное в каком-то углу человеческого рода птицей о двух ногах без перьев и без крыльев»¹.

Мечта утопистов о построении нового общества без ниспровержения старого правительства представляется Бланки абсолютно неосуществимой. Как только правительства заметят опасность, они без труда пресекут все попытки осуществления этих утопических планов.

Бланки считает также не имеющими положительного значения попытки улучшить положение трудящихся на путях кооперации. Кооперативное движение — это, по мнению Бланки, ловушка для пролетариев, средство незаметно перетянуть их в лагерь врага². Кооперативные планы вносят разделение в рабочий класс. Кооперативные организации доступны только верхнему слою пролетариата. Они бесполезны для широких масс рабочих. Более того: они отнимают у масс их ес-

¹ Blanqui, Critique sociale, т. I, стр. 199.

² Там же, т. II, стр. 129—130. Бланки имеет в виду кооперативную пропаганду мелкобуржуазных теоретиков, противопоставлявших «кооперативный путь» преобразования общества — пути революционному.

тественных руководителей, наиболее способных и энергичных представителей пролетариата, которые проникаются мелкобуржуазными интересами и привычками. Кооперация создает новую касту, полубуржуазную, эгоистичную и консервативную. Значение этого убудочного опыта, который окрещен именем социализма, состоит, по мнению Бланки, в том, что он — отрицание революционного социализма, его могила.

Иначе оценивает Бланки стачечное движение как естественное, и притом массовое, средство в борьбе труда с капиталом. В связи с этим он положительно относится к профессиональным союзам и к кассам взаимопомощи рабочих. Но и стачки годятся, по его мнению, лишь как временное орудие обороны против угнетения. Народ должен концентрировать свои усилия на политическом перевороте, который один только способен привести к преобразованиям социальным¹. Государство, говорит Бланки, есть жандарм богатых, охраняющий их от бедных. Необходимо создать новое государство, которое было бы жандармерией бедных против богатых... «Социализм немыслим без политической революции».

Революция, которую предвидит и к которой стремится Бланки, имеет своей непосредственной задачей низвержение власти капитала, своей конечной целью — установление

¹ Blanqui. Critique sociale, т. II, стр. 166—167.

коммунистического порядка, полное устранение всякой эксплуатации. Но представления Бланки о движущих силах революции и о путях построения коммунизма совершенно утопичны. Нечеткое понимание классовой структуры общества не могло не отразиться отрицательно и на этой стороне его взглядов. Растворяя пролетариат в общей массе народа, в бедноте, он не мог правильно определить историческое место классовой борьбы пролетариата в процессе подготовки социальной революции и в самой революции.

«Бланкизм,— писал В. И. Ленин,— ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»¹. Мы уже знаем, что Бланки представлял себе революцию как вооруженное восстание, осуществляемое хорошо подготовленной конспиративной организацией. Организация, порядок и дисциплина — вот основное, что нужно, по его мнению, для успеха восстания. Технической подготовке восстания он уделял большое внимание и составил по этому вопросу хорошо разработанную инструкцию. Он полагал, что грядущая революция будет революцией в интересах «пролетариата», что она завершит вековую борьбу «бедных и богатых», «труда и капитала». Он рассчитывал на поддержку восстания парижскими рабочими. В революции

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 360.

1848 г. возглавляемая им организация последовательно защищала дело пролетариата и в этом смысле являлась «пролетарской партией». Но революционная деятельность Бланки, достигшая наибольшей высоты в 1848 г., не была освещена революционной теорией. Значения для революции роста классового самосознания пролетариата, роста его организованности он не сумел оценить; он не сумел понять, что для осуществления социальной революции нужна рабочая партия, опирающаяся на рабочее движение, классовая партия. Поэтому и соотношение между дисциплинированной группой революционеров и массами он представлял себе неправильно. Он не понимал необходимости живой и непосредственной связи революционной организации с реальной классовой борьбой пролетариата. Борьбе за непосредственные материальные нужды масс Бланки не придавал большого значения.

Бланки относится критически к укоренившейся традиции созыва после победы революции Учредительного собрания. Он зло и едко высмеивает буржуазный парламентаризм, разоблачает характерные для буржуазных парламентов своекорыстие, продажность, безразличие к народным интересам так называемых «представителей народа». Не придает он большого значения с точки зрения обеспечения интересов народа и всеобщему избирательному праву. При недостаточной сознательности и организованности народа, при

наличии находящихся в руках правящего класса мощных аппаратов материального и духовного воздействия — результаты всеобщего голосования весьма сомнительны. Народ в течение десятков лет слушал только одну сторону. Чтобы разумно судить, он должен иметь время выслушать другую¹. Для закрепления победы революции, для проведения необходимых преобразований нужны не выборы, не учредительные собрания, нужна, по мнению Бланки, революционная диктатура.

Как мы уже говорили, диктатура в представлении Бланки не есть диктатура класса. Желая определить ее характер, Бланки говорит о «диктатуре Парижа». Правление Парижа, утверждает Бланки, есть правление самой страны: Париж — подлинное национальное представительство². Париж — мозг Франции. Очевидно, однако, что Бланки имеет в виду, говоря о диктатуре Парижа, диктатуру революционной организации, опирающейся на определенную часть парижского населения — на парижский плебс.

Бланки неоднократно повторяет, что первоочередной задачей революционного правительства, задачей, разрешение которой совершенно необходимо в целях закрепления результатов революции, для обеспечения инте-

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 206—207, 217: «La Patrie en danger», стр. 262 и сл.; см. также выше, стр. 18—19.

² Blanqui. Там же, стр. 206, 208.

ресов народа,— является разоружение буржуазии и вооружение рабочих (иногда Бланки говорит: «рабочих и республиканского населения»). Буржуазная национальная гвардия должна быть распущена, вместо нее должна быть создана национальная милиция из рабочих. Бланки имеет в виду в первую очередь парижских рабочих, так как они составляют наиболее культурную часть пролетариата; пролетариат провинциальных центров, по его мнению, еще недостаточно образован, а крестьянство отстало и в религии и в политике. Революционность Парижа доказывает его способность управлять Францией. Но в дальнейшем Бланки мечтает о «паризификации» всей Франции как о средстве, окончательно закрепляющем победу трудящихся. «Оружие и организация,— заявляет Бланки,— решающий элемент прогресса, серьезное средство покончить с нищетой. У кого есть оружие, у того есть и хлеб. Франция, покрытая вооруженными тружениками,— это наступление социализма. Перед лицом вооруженных пролетариев исчезнут все трудности, все сопротивления, все невозможности»¹.

Революционная власть должна нанести решительные удары по ныне действующей системе управления и суда, системе, служащей целям укрепления и охраны власти богатых над бедными. Все высшие и средние чиновники должны быть устранены. Существующая

¹ *Blanqui. Avis au peuple.*

армия должна быть распущена, и взамен ее должна быть организована новая национальная армия без отрыва от места жительства. Существующая судебная власть должна быть упразднена, и судьи уволены. Функции суда должны быть возложены на арбитров в гражданских делах и на присяжных — в уголовных. Должны быть также приняты меры против церкви, освящающей существующие порядки своим учением и своим духовным авторитетом. Вся «черная армия» должна быть изгнана. Должны быть изгнаны также аристократы. Серьезные враги республики должны быть преданы суду. Наконец, врагам не должно быть предоставлено никаких свобод¹.

Едва ли не самую утопическую часть в рассуждениях Бланки о социальной революции составляют его взгляды на пути реализации коммунистических принципов. Он не надеется на то, что коммунизм может установиться очень скоро. Современное настроение умов не располагает Бланки к чрезмерному оптимизму. Принимая это во внимание, он призывает к осторожности; прямое нападение на принцип частной собственности было бы, по его мнению, не только бесполезно, но и опасно². Мы знаем, что основной опо-

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 205—206, 211. Бланки неоднократно указывал, в частности, на недопустимость сохранения свободы лживой буржуазной прессы.

² Там же, т. I, стр. 211, 208.

рой несправедливого общественного строя является, согласно идеалистической концепции Бланки, невежество. И, наоборот, коммунизм не совместим с невежеством. Коммунизм не может войти в жизнь без своего необходимого спутника — просвещения¹. На пути к коммунизму много препятствий: армия, суд, христианство, политическая организация... Но невежество страшнее их всех: на его преодоление потребуется немало лет². Нельзя поэтому рассчитывать, что общность будет установлена завтра. Коммунизм будет входить в жизнь постепенно, шаг за шагом, параллельно с развитием образования. Он утвердится полностью с того дня, когда просвещение станет всеобщим. Он неизбежно родится из всеобщего обучения, и может родиться только из него, только из распространения просвещения³. «Нет прочной революции без просвещения! — восклицает Бланки. В обществе просвещенных людей не будет ни эксплуатации человека человеком, ни власти человека над человеком. Дальнейшее развитие этой мысли приводит Бланки к выводу о невозможности сохранения в просвещенном обществе государственной власти. Свобода значит просвещение! Равенство значит просвещение! Братство значит просвещение! Учителя,

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 177, 178.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 184, 187—188.

книги и печатный станок — таковы подлинно революционные силы!»¹

Бланки намечает некоторую программу экономических мероприятий, которые должно будет провести революционное правительство на следующий день после победы. Государство конфискует владения церкви и изгнанных аристократов. Государство установит свой контроль над крупными промышленными и торговыми предприятиями: с их владельцами будет заключен договор, обязывающий их продолжать работу попрежнему, сохраняя на работе персонал и не изменяя заработной платы. Те предприниматели, которые откажутся от такого соглашения, будут высланы, а во главе их предприятий будет поставлено назначенное государством правление. Это, конечно, в первую очередь мера обороны против возможных контрударов буржуазии в области экономической, хотя в качестве своего результата она и может привести к переходу крупных предприятий в руки государства. По всем прочим вопросам экономики — в том числе и по вопросам рабочих ассоциаций и кредита — Бланки ограничивается указанием на необходимость созвать для их обсуждения совещания компетентных лиц². Но для того чтобы принципы ассоциации действительно вошли в жизнь, необходимо, чтобы благода-

¹ Из рукописей Бланки; цит. по статье E. Mason. *Blanqui and Communism*, стр. 504.

² *Blanqui. Critique sociale*, т. I, стр. 204.

ния ассоциации стали понятны широким массам. Этому препятствует политика современных правительств, стремящихся держать народ в темноте; это, по мнению Бланки, очень скоро станет ясно для всех промышленных рабочих, если власть будет заботиться о просвещении.

Следует подчеркнуть, что Бланки выделяет здесь промышленных рабочих в особую категорию, наиболее восприимчивую к идеям ассоциации. Он считает более трудной задачей привлечение к ассоциации крестьянства, более невежественного и крепко привязанного к своему клочку земли. Он рекомендует относиться с большим вниманием и осторожностью к интересам и настроениям крестьянства, которое еще пугают слова «раздел» и «коммунизм». Он понимает значение крестьянства для успеха дела революции. Крестьянам нужно разъяснить, что революция не посягает на мелкую и среднюю собственность, что их вступление в ассоциацию зависит исключительно от их собственного решения, что никто их к этому не принуждает¹.

В общем, представления Бланки о переходном периоде от существующего строя к коммунизму или к «интегральной ассоциации» весьма наивны и неопределенны. У Бланки имеются положения, свидетельствующие о его способности к трезвой оценке реального соотношения сил в период непосредственной

¹ Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 209—211.

борьбы за построение коммунизма (возможный саботаж предпринимателей, настроения крестьянства), но эти положения тонут в рассуждениях о просвещении как основной предпосылке общественного преобразования, как о силе, автоматически приводящей к торжеству коммунизма. Энгельс справедливо указывал, что у Бланки по существу нет «...определенных практических предложений социального переустройства»¹.

Попытки изображения будущего коммунистического строя Бланки считает безнадежными и ненужными. Он издевается над врагами коммунизма, которые требуют, чтобы им сейчас же сказали, кто будет при коммунизме опораживать их ночные горшки. «Будем лучше заниматься задачами настоящего дня,— говорит он.— Будущее не принадлежит нам, нас не касается. Наш единственный долг — приготовить для его организационной работы хороший материал. Все прочее не входит в нашу компетенцию»². Этот отказ от обсуждения проблем будущего общества Бланки пытается обосновать теоретически. Он утверждает, что существующая общественная организация является как бы барьером, скрывающим от нас будущее, что ее влияния покрывают будущее непроницаемым туманом. Пока не настал момент смерти и возрождения общества, представления

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 225.

² Blanqui. Critique sociale, т. I, стр. 196.

о будущем неизбежно неясны. Препраду между нами и будущим может сокрушить только революция. Только смерть старого мира освобождает элементы, движение которых должно организовать новый порядок. Никакие усилия мысли не смогут предвосхитить это освобождение, которое может совершиться лишь в определенный момент. Социальный вопрос может поэтому, по мнению Бланки, стать вопросом серьезного обсуждения и практики лишь после полного разрешения вопроса политического. К спорам различных социалистических течений о будущем обществе Бланки относится иронически: стоя на берегу реки, они с ожесточением спорят о том, находится ли на противоположном берегу поле маиса или поле ржи. Они упорно стараются разрешить этот вопрос, не преодолев стоящего перед ними препятствия. «Эх, переплыть бы нам сначала!— восклицает Бланки.— А там уж увидим...»¹

Бланки — один из привлекательнейших представителей французского домарксовского, утопического коммунизма и французского революционного движения. Вся его жизнь была посвящена революционной борьбе во имя коммунизма. Многие годы провел он в тюрьмах июльской монархии, наполеоновской

¹ Blanqui. Critique sociale, т. II, стр. 314.

империи и третьей республики. Но Бланки не сумел материалистически, научно обосновать неизбежность коммунизма. Он не сумел освободиться от старых, заговорщических представлений о процессе революции. Он не сумел понять и оценить историческое значение классовой борьбы пролетариата. В своих взглядах на развитие общества он не освободился от идеалистических традиций, унаследованных им от просветителей XVIII века. В своих взглядах на сущность капиталистической эксплуатации он склонялся к мелкобуржуазной концепции, усматривающей источник капиталистической прибыли в неэквивалентном обмене.

И. В. Сталин в своей статье «Ленин как организатор и вождь РКП» писал: «История знает пролетарских вождей, вождей бурного времени, вождей-практиков, самоотверженных и смелых, но слабых в теории»¹. К числу таких самоотверженных, но слабых в теории вождей относит И. В. Сталин и Бланки. Не обладая научной теорией социализма, Бланки в течение своей долгой политической жизни делал немало ошибок и в своей практической деятельности. Теоретические и практические ошибки Бланки были обусловлены, в первую очередь, социальными отношениями того времени, когда складывались его взгляды,— относительно низким уровнем развития индустрии и классового самосознания француз-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 314.

ского пролетариата 30-х и 40-х годов, влиянием мелкобуржуазных настроений. О них не следует, конечно, забывать. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что преданность Бланки делу коммунизма и его пламенный революционный темперамент позволили ему во многих отношениях подняться значительно выше других мыслителей и деятелей его времени. Именно вокруг его знамени объединялись передовые элементы французского рабочего класса во имя борьбы за коммунизм; его партию называл Маркс в 1848 г. партией революционного пролетариата; его считал Энгельс много лет спустя единственным человеком, способным возглавить революционное движение во Франции¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, стр. 218; Соч., т. VIII, стр. 495; т. XXIV, стр. 384.

Л. О. Б Л А Н К И

Избранные произведения

SOCIÉTÉ
DES AMIS DU PEUPLE.

PROCÈS
DÉS QUINZE.

PUBLIÉ PAR LA SOCIÉTÉ DES AMIS DU PEUPLE

PARIS.
IMPRIMERIE DE AUGUSTE MIE,
RUE JOQUELET, N° 9
1832.

Титульный лист сборника документов „Общества друзей народа“, „Процесс пятнадцати“

I

СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

1. ПРОЦЕСС ПЯТНАДЦАТИ. ЗАЩИТА ГРАЖДАНИНА БЛАНКИ¹

Господа присяжные заседатели!

Меня обвиняют в том, что я говорил тридцати миллионам французов, таким же пролетариям, как и я, что они имеют право на жизнь. Если это преступление, то, мне кажется, я должен бы отвечать за него только перед людьми, которые не являются ни судьями, ни заинтересованной стороной в данном вопросе. А между тем, заметьте, господа, что прокурор взывал не к вашему чувству справедливости и не к вашему разуму, а к вашим страстям и интересам; он не требует от вас строгого наказания за противонравственный или противозаконный акт: он стремится лишь вызвать у вас чувство мести против того, что, по его представлениям, является угрозой вашему существованию и вашей собственности. Следовательно, я нахожусь не перед судьями, а перед врагами, а потому бесполезно защищаться. Я готов покориться любому осуждению, какому меня могут подвергнуть, но я энергично протестую против того, что правосудие подменяется здесь насилием, и в будущем я позабочусь возвратить праву его силу.

Однако, если мой долг пролетария, лишенного всех гражданских прав, побуждает меня отвергнуть компетенцию суда, где заседают лишь привилегированные и не равные мне люди, то все же я убежден, что у вас окажется достаточно благородства и чести, чтобы достойным образом оценить роль, которую вам приходится играть при данных обстоятельствах, когда вам отдают на заклатие ваших безоружных противников. Что касается нашей роли, то она заранее определена. Угнетаемым подходит одна лишь роль — роль обвинителей.

Ведь нельзя себе представить, чтобы люди, случайным и обманым образом облеченные на миг властью, могли бы по своей воле таскать патриотов по своим судам, принуждать их под угрозой меча молить о пощаде, каясь в своем патриотизме. Не думайте, что мы пришли сюда с целью оправдаться в тех преступлениях, которые нам приписывают! Отнюдь нет, мы гордимся тем, что нам приписывают, и с этой скамьи подсудимых, сидеть на которой теперь мы считаем за честь, мы будем обвинять презренных людей, разоривших и опозоривших Францию, и будем ждать восстановления естественного порядка, когда люди, для которых здесь стоят одни против других скамьи, обменяются ролями и обвинители и обвиняемые займут свои настоящие места.

Я объясню вам сейчас, почему мы написали то, что нам инкриминируют королевские слуги, и почему мы вновь будем писать то же самое.

Прокурор показал вам в перспективе воображаемую картину восстания рабов, чтобы, внушив вам страх, вызвать у вас ненависть. Видите, говорил он, это война бедных против богатых; все, имеющие собственность, заинтересованы в том, чтобы отразить нападение. Мы приводим к вам ваших врагов; разите их, пока они не стали еще более грозными.

*Да, господа, это война между богатыми и бедными; этого хотели богатые, ибо они нападают**; но они считают дурным то, что бедные оказывают им сопротивление; они охотно сказали бы, говоря о народе: «Это животное столь свирепо, что защищается, когда на него нападают». Вся филиппика² господина прокурора резюмируется в этой фразе.

Пролетариев беспрестанно изображают грабителями, готовыми броситься на собственность. Почему? Потому что они жалуются, что их разоряют налоги в пользу привилегированных. *Что же касается привилегированных, живущих в раздолье за счет труда и пота пролетариев***, то они считаются законными собственниками, которым жадная чернь угрожает грабежом. Не впервые палачи принимают вид жертв. Кто же эти грабители, достойные стольких проклятий и кар? Тридцать миллионов французов, платящих полтора миллиона франков государственной казне и приблизительно столько же привилегированным.

* Место, инкриминируемое судом.

** Место, осужденное судом.

А собственники, которых общество в целом должно прикрывать своим могуществом,— это двести или триста тысяч тунеядцев, которые спокойно пожирают миллиарды, уплачиваемые грабителями. Мне кажется, что это — в новой форме и между иными противниками — война феодальных баронов с купцами, которых они обирали на больших дорогах.

На самом деле, теперешнее правительство не имеет иной базы, кроме этого несправедливого распределения налогов и барышей. Реставрация установила это распределение с соизволения чужеземца в 1814 г. с целью обогатить незначительное меньшинство за счет ограбления народа. Сто тысяч буржуа образуют то, что по горькой иронии называют демократическими элементами. О боже, что же представляют собой остальные элементы? Поль Курье³ уже обессмертил этот котел *представительного строя*; он уподобил его всасывающему и нагнетательному насосу, который высасывает из вещества, называемого народом, миллиарды франков, *беспрерывно текущих в сундуки немногих бездельников. Это безжалостная машина, которая топчет одного за другим двадцать пять миллионов крестьян и пять миллионов рабочих, выжимая из них чистейшую кровь и перекачивая ее в вены привилегированных**. Колеса этой машины, чрезвычайно искусно слаженные,

* Место, искаженное судом, которым оно было осуждено.

ежеминутно настигают бедняка, преследуют его во всех, даже мельчайших, потребностях его скромной жизни, забирают себе половину самого ничтожного его заработка, стоимости любого предмета, которым он владеет. Но этих денег, которые перекачиваются из кармана пролетария в карманы богача, проходя через бездну государственной казны, все еще мало; привилегированные непосредственно урывают у масс еще бóльшие суммы при помощи законов о промышленных и коммерческих сделках, законов, исключительным правом фабрикации которых владеют эти привилегированные.

Для того чтобы землевладелец мог получить бóльшую арендную плату за свои поля, заграничное зерно облагается пошлиной, повышающей цену на хлеб; вы, конечно, знаете, что увеличение или уменьшение цены фунта хлеба на несколько сантимов означает жизнь или смерть многих тысяч рабочих. Эти пошлины на хлеб особенно давят на прибрежное население Юга. Для обогащения нескольких крупных фабрикантов и лесовладельцев немецкие и шведские железные инструменты облагаются огромной пошлиной, так что крестьяне вынуждены платить очень дорого за плохие инструменты, в то время как они могли бы добыть себе по более дешевой цене гораздо лучшие. Иностранцы в свою очередь мстят нам за нашу запретительную систему, вытесняя со своих рынков французские вина, что вместе с налогами, тяготеющими над этим продуктом внутри страны, приводит

к обнищанию богатейших районов Франции, губит культуру винограда — самую естественную культуру страны, наиболее выгодную для использования почвы и для мелких собственников. Я уже не говорю о соляном налоге, о налоге на лотереи, о монополии табака, одним словом, о запутанной сети налогового обложения — монополий, запрещений, таможенных пошлин, налогов на продовольственные продукты, обволакивающей пролетария, сковывающей и атрофирующей его члены! Достаточно сказать, что вся эта масса налогов распределена так, что она всегда щадит богатого и давит только на бедного, или, *вернее*, что *бездельники* гнусным образом грабят трудящиеся массы *. И действительно, без грабежа им не обойтись.

Разве не необходим большой цивильный лист для оплаты расходов королевской власти в утешение за высокую жертву, которую она принесла во имя счастья страны, за утрату своего покоя? А так как одним из титулов младших Бурбонов, доставшихся им по наследству, является их многочисленная семья, то не будет же государство столь мелочным, чтобы отказать в пожизненной пенсии принцу или в приданом принцессе? Существует еще огромная армия лиц, имеющих *синекуры* ⁴, армия дипломатов, чиновников, которым Франция ради своего блага должна платить большие оклады, с тем, чтобы они обогащали своей расточительностью привилегированную бур-

* Место, осужденное судом.

жуазию, так как лица, получающие деньги по бюджетным ассигнованиям, тратят их в городах, а к крестьянам не возвращается ни одна копейка из того миллиарда с половиной, пять шестых которых они выплачивают.

Разве не нужно также, чтобы эта новая финансовая звезда, этот Жиль Блаз⁵ XIX века куртизан и льстец всех министров, фаворит графа д'Оливареса, герцог де Лерм мог бы продавать высшие должности за наличный расчет? Совершенно необходимо смазывать большие колеса представительного механизма, щедро оделять сыновей, племянников, кузенов и кузин, и разве не нужно осыпать золотом всех этих куртизанов и куртизанок, всех этих интриганов, этих крупье, которые котируют на бирже честь и будущее страны, этих сводней, любовниц, агентов, поставщиков, полицейских писак, спекулирующих на падении Польши, всех этих гадов из дворцов и салонов? Разве не нужно золото для того, чтобы бродил навоз, который так плодотворно действует на общественное мнение?

Вот каков тот государственный строй, который его министры-златоусты изображают нам как лучшую систему общественной организации, как итог всего, что было прекрасного и совершенного в различных механизмах управления начиная с потолка. Вот то, что они расхваливают как пес plus ultra⁶ человеческого совершенства в области управления государством! Это просто-напросто теория коррупции, доведенной до предела. Сильнейшим доказа-

тельством того, что этот порядок вещей установлен только для эксплуатации бедняка богатым, что он основан лишь на удовлетворении гнусным и жестоким образом материальных интересов богатых, служит то, что при таком строе ум порабощен. В действительности же ум является гарантией морали, а мораль, оказавшись по ошибке в такой системе, неизбежно является силой, разрушающей этот порядок.

Я спрашиваю, господа, как могут люди с умом и сердцем, отброшенные пошлой денежной аристократией в ряды париев, не почувствовать жестокого оскорбления? Как могут они оставаться равнодушными к позору своей родины, к страданиям пролетариев, их братьев по несчастью? Их долг призывать массы сбросить ярмо нищеты и бесчестия; этот долг я выполнял, несмотря на то, что сидел в тюрьмах, и мы выполним его до конца, не боясь никаких врагов. Когда великий народ идет за тобой на завоевание своего счастья и своей свободы, надо смело бросаться во рвы, лежащие перед тобой, и закрыть их, как фашиной, своим телом, уготовив путь народу.

В министерствах часто говорят снисходительно, что для жалоб пролетариев существуют открытые пути, что законы предоставляют им нормальные средства для удовлетворения их интересов. Это насмешка. Ведь существует фиск⁷, который преследует их своей разинутой пастью; надо работать и работать дни и ночи, чтобы непрерывно бросать корм

для утоления все возрастающей жадности этой пасти; пролетарии счастливы, если им остаются какие-нибудь крохи, которыми они могут обмануть голод своих детей. Народ не пишет в газетах; он не посылает петиций в палаты депутатов: это было бы потерей времени. Более того, все голоса, имеющие отзвук в политических сферах, голоса, идущие из салонов, лавок, кафе, одним словом, из всех мест, где создается то, что называют общественным мнением,— это голоса привилегированных; ни один голос не принадлежит народу; он нем; он прозябает вдали от этих высоких сфер, где решаются его судьбы. Когда же случайно с трибуны или в прессе раздаются голоса, выражающие жалость по поводу нищеты народа, то их спешно заставляют либо умолкнуть во имя общественной безопасности, запрещая касаться этих жгучих вопросов, либо кричат об анархии. Крики упорствующих, нарушающие пищеварение министров, заглушает тюрьма. Когда вслед за тем наступает длительное затишье, говорят: «Вот видите, Франция счастлива, спокойна, в ней царит порядок!»

Но если, вопреки принятым предосторожностям, вопли голода тысяч несчастных достигают ушей привилегированных, они рычат и вопят: «Нельзя нарушать законы!», «Народ должен выполнять закон!» Господа, неужели, по-вашему, все законы хороши? Разве никогда не бывало законов, которые внушали бы вам ужас? Разве вы не знаете ни одного смешного, ни одного гнусного, ни одного безнравст-

венного закона? Можно ли, таким образом, укрыться за абстрактным словом, прикрывающим хаос, который состоит из сорока тысяч законов, в равной мере означающих то, что есть лучшего, и то, что есть худшего в государстве? На это нам отвечают: «Если есть плохие законы, требуйте легальной реформы их, а пока подчиняйтесь...» Это еще более горькая насмешка. Законы создают сто тысяч избирателей, применяют их сто тысяч судей и выполняют сто тысяч городских национальных гвардейцев, тогда как сельскую национальную гвардию, слишком похожую на народ, всячески стараются дезорганизовать. Эти избиратели, судьи, национальные гвардейцы, все это одни и те же лица, совмещающие самые противоположные функции и оказывающиеся одновременно и законодателями, и судьями, и солдатами; таким образом, человек, который утром стал депутатом, т. е. создал закон, днем применяет этот закон в качестве судьи и выполняет его вечером на улицах в одежде национального гвардейца. А что делают тридцать миллионов пролетариев во всех этих эволюциях? Они платят.

Апологеты представительного строя превозносят его на том основании, что этот строй освящает разделение власти на законодательную, судебную и исполнительную. Они в восторге от этого прекрасного равновесия, разрешившего так долго остававшуюся неразрешенной проблему согласования порядка со свободой, движения со стабильностью. Итак,

выходит, что как раз эта система представительства, в применении ее апологетов, сосредоточивает все три рода власти в руках небольшого числа привилегированных, объединенных общими интересами. Не видим ли мы тут смещения властей, образующего чудовищнейшую тиранию, по признанию самих апологетов?

Что же получается? Пролетарий остается вне палаты; избранные захватчиками представители власти невозмутимо продолжают фабриковать фискальные, уголовные, административные законы, направленные на ту же цель — ограбление трудящихся. Пусть теперь народ пойдет с воплями голода просить привилегированных отречься от своих привилегий, монополистов — отступить от своей монополии, всех вместе отказаться от своего безделья, — они высмеют его. Что сделали бы дворяне в 89-м году, если бы их смиренно умоляли отречься от своих феодальных прав? Они покарали бы такую наглость... Но тогда взялись за дело по-другому.

Наиболее хитрые из этой безжалостной аристократии, понимая, какую угрозу представляют для них отчаявшиеся толпы народа, лишенного хлеба, предложили ослабить несколько его нищету, не из человеколюбия, упаси боже! — а для того, чтобы спасти себя от гибели. Что же касается политических прав, об этом нечего и говорить, речь идет лишь о том, чтобы бросить пролетарию кость, которую он мог бы поглотить.

Другие из лучших побуждений считают, что народ устал от свободы и требует, чтобы ему дали только возможность жить. Не знаю, какое стремление к деспотизму заставляет их воодушевляться примером Наполеона, который умел объединять массы, давая им хлеб взамен свободы. Правда, этот деспот был уравнителем и продержался некоторое время главным образом потому, что умел дать поблажку страсти народа к равенству, приказывая расстреливать воров-поставщиков, которые, в настоящее время став депутатами, расквитались бы за это. И все же Наполеон погиб, потому что он убил свободу. Это должно послужить уроком для тех, кто хочет считать себя его наследниками.

Непозволительно, слушая крики отчаяния голодного населения, повторять наглые слова императорского Рима: *Panem et circenses!*⁸ Знайте же, что народ не просит подаяния; вопрос не в том, чтобы для забавы бросить ему несколько крошек с роскошного стола, народ не нуждается в милостыне. Он хочет добыть себе благосостояние своими руками. Он хочет создать, и он создаст, законы, которыми будет управляться; эти законы не будут направлены против него; они будут созданы для него, потому что будут созданы им самим. Мы ни за кем не признаем права даровать нам какие-то милости, которых нас могут по любому капризу лишить. Мы требуем, чтобы тридцать три миллиона французов сами выбрали себе форму правления и назна-

чили на основе всеобщего голосования своих представителей, поручив им составить законы. Когда эта реформа будет проведена, налоги, которые теперь ведут к ограблению бедняка в пользу богатого, будут немедленно отменены и заменены другими, основанными на противоположных принципах. Вместо того, чтобы брать деньги у трудолюбивых пролетариев и отдавать их богатым, налоговая система должна будет взимать у бездельников излишки для распределения их среди тех неимущих, которых отсутствие денег обрекает на бездействие. Эта система будет бить по карману непроизводящих потребителей для того, чтобы сделать плодотворными источники производства; она должна будет способствовать уничтожению государственного кредита, этой гнойной язвы страны; наконец, она должна будет вместо губительных, темных биржевых сделок создать систему национальных банков, в которых деятельные люди найдут необходимую для их благосостояния помощь. Тогда, и только тогда, налоги станут благодеянием.

Вот, господа, как мы понимаем республику, и только так: 93-й год — это пугало, годное только для устрашения привратниц и игроков в домино. Заметьте, господа, что я намеренно произнес здесь слова «всеобщее голосование», чтобы показать наше презрение к какому бы то ни было примирению. Мы прекрасно знаем, что правительство с отчаяния пускает в ход ложь, клевету, смешные или лживые рассказы, чтобы вернуть веру в старую сказку,

которую оно издавна использует,— в сказку о союзе между республиканцами и карлистами⁹, т. е. с тем, что есть самого отвратительного в мире. В этом его якорь спасения, главное средство снова найти себе какую-нибудь поддержку; самые глупые мелодраматические заговоры, самые гнусные полицейские фарсы не кажутся ему слишком опасной игрой, если ему удастся, напугав Францию карлизмом, который она ненавидит, свернуть ее еще на некоторое время с республиканского пути, на который влечет ее инстинкт самосохранения. Но кого можно убедить, что этот противоземный союз возможен? Не обогрены ли руки карлистов кровью наших друзей, погибших на эшафотах реставрации? Мы не забываем наших мучеников. Не против ли революционного духа и его трехцветного знамени Бурбоны в течение двадцати пяти лет поднимали Европу и снова пытаются поднять ее? Трехцветное знамя — не ваше знамя, апостолы квазилегитимизма! Это знамя республики! Мы, республиканцы, подняли его в 1830 г. помимо вас и несмотря на вас, вы же сожгли его в 1815 г., и Европа прекрасно знает, что когда на нее снова нападут короли, то только республиканская Франция станет защищать ее. Если где-либо и существует естественный союз, то это союз между вами и карлистами и не потому, что в данный момент у вас один и тот же претендент, ведь у них есть свой, который даже находится не здесь. Вы, наверное, дорого заплатите за своего ставленника

и заключите с карлистами любовную сделку, чтобы добиться того, к чему вы сообщая с ними стремитесь, тем паче, что таким путем вы лишь займете свое прежнее место.

Действительно, слово «карлист» лишено смысла; во Франции нет и не может быть никого, кроме роялистов и республиканцев. Вопрос о двух принципах ставится с каждым днем все резче: честные люди, верившие в третий принцип, во что-то среднее, называемое золотой серединой, мало-помалу отказываются от этой глупости и возвращаются под то или другое знамя, сообразно со своими чувствами и своими интересами. Так, о вас, монархистах, людях, придающих значение монархии, как вы сами говорите, — нам известно, под какое знамя призывают вас ваши доктрины. Еще не прошло и восемнадцати месяцев, а вы уже выбрали себе знамя. 28 июля 1830 г.¹⁰ в десять часов утра, когда в редакции одной газеты я вздумал было сказать, что я сейчас возьмусь за ружье и прицеплю трехцветную кокарду, один из теперешних властей имущих вскричал с негодованием: «Сударь, быть может, трехцветное знамя — ваше знамя, но оно никогда не будет моим; знамя Франции — белое знамя». Тогда, как и теперь, эти господа заставляли всю Францию сидеть на одном диване¹¹.

А мы в течение пятнадцати лет устраивали заговоры против белого знамени и теперь со скрежетом зубным смотрим, как оно развевается над Тюильрийским дворцом и над

городской ратушей, куда его водрузил чужеземец. Самым прекрасным днем нашей жизни был тот, когда мы волочили это знамя по грязи и втоптали в нее белую кокарду, эту проститутку из вражеского стана. Надо обладать исключительной наглостью, чтобы бросать нам обвинение в соучастии с роялизмом; с другой стороны, какое лицемерие жалеть о нашей будто бы доверчивости, о нашем глупом простодушии, благодаря которому мы обмануты карлистами. Говоря так, я вовсе не оскорбляю поверженных наземь врагов. Нет, они мнят себя сильными, у них своя Вандея; пусть только они начнут, посмотрим!

Впрочем, повторяю, скоро придется сделать выбор между монархической монархией и республиканской республикой; увидим, за кем будет большинство. Уж если и теперь оппозиция в палате депутатов, хотя и вполне национальная, не может объединить всю страну: если она дает правительству право обвинять ее в неспособности и бессилии — это означает, что, отказавшись сразу от королевской власти, оппозиция не осмелилась заявить также прямо, что она за республику; высказав то, чего она не хочет, она не могла произнести то, чего она хотела. Она не решается отказаться от слова «республика», которым развращенные люди пытаются напугать народ в то время, как они прекрасно знают, что народ почти единодушно желает республики. С этой целью — напугать народ — искажали историю сорока лет с удивительным успехом,

но последние восемнадцать месяцев освободили народ от многих заблуждений, рассеяли много лжи, и народ не станет больше менять свободу на хлеб. Он хочет иметь одновременно и свободу, и благосостояние. Изображать народ готовым отдать всю свободу за кусок хлеба — клевета! Надо возвратить это обвинение политическим атеистам, которые бросили его народу. Разве не народ во все критические моменты показал себя готовым пожертвовать благосостоянием и жизнью во имя моральных интересов? Разве не народ готов был в 1814 г. скорее умереть, чем пустить чужестранцев в Париж? А между тем, какая нужда толкала его на этот акт самоотверженности? 1 апреля у него был тот же кусок хлеба, что и 30 марта.

Наоборот, именно привилегированные, которых якобы так легко взволновать великими идеями родины и чести благодаря их тонкой чувствительности, воспитанной в них богатством, именно привилегированные могли лучше других исчислить пагубные последствия иностранного нашествия, а между тем не они ли, когда появился враг, нацепили белые кокарды и лизали казацкие сапоги? И эти классы, рукоплескавшие бесчестию страны, высокомерно проповедующие какой-то отвратительный материализм и готовые пожертвовать тысячей лет свободы, процветания и славы за три дня покоя, купленного ценою позора, — будут единственными хранителями национального достоинства! Коррупция

вытравила у них все нравственные чувства, превратила их в животных, и поэтому они и у народа признают одни лишь животные вожделения. Они приписывают себе право выдачи народу необходимой ему пищи для поддержания его существования и эксплуатируют его!

И в июле не голод толкал пролетариев на городскую площадь — они повиновались чувствам высокой морали, стремлению откупиться от рабства, оказав большие услуги стране, а главное — они повиновались чувству ненависти к Бурбонам! Народ никогда не признавал Бурбонов; он таил свою ненависть в течение пятнадцати лет, выжидая случая отомстить, и когда он могучей рукой сбросил их ярмо, ему казалось, что он этой же рукой разорвал договоры 1815 г. Это значит, что народ понимает политику глубже, чем государственные люди; инстинкт подсказывал ему, что у нации, которая не смыла позора прошлого, нет будущего. Итак, война! Но не для новых глупых побед, а для того, чтобы снять с Франции запрет, вернуть Франции честь — первое условие, необходимое для процветания. Война! Для того, чтобы показать европейским нациям, нашим сестрам, что, не помня зла за роковую для них и для нас ошибку, приведшую их в 1814 г. с оружием в руках в глубь Франции, мы сможем отомстить за себя и за них, карая лживых королей и неся мир и свободу нашим соседям! Вот чего хотели тридцать миллионов французов, с энтузиазмом приветствовавших новую эру. Вот что должна

была принести июльская революция. Она должна была служить дополнением к нашим сорока революционным годам. Во время республики народ завоевал свободу ценой голода. Империя дала ему некоторое благосостояние, но лишила его свободы. Оба режима сумели высоко вознести международное величие страны, столь необходимое великой нации. Все погибло в 1815 г., и эта победа чужеземца длилась пятнадцать лет. Чем же была июльская битва, если не реваншем за это длительное поражение и цепью, вновь связавшей нашу национальность? Каждая революция — прогресс, не должна ли была и эта революция обеспечить нам полное пользование имуществом, которое мы пока лишь частично получили, и возратить нам наконец все то, что мы потеряли во время реставрации?

Свобода! Благосостояние! Величие! Таков был девиз, начертанный на знамени плебеев в 1830 г. Доктринеры читали его так: *Сохранение всех привилегий! Хартия 1814 года! Квазилегитимизм!* В результате они принесли народу рабство и нищету внутри Франции и позор во вне. Неужели пролетарии боролись только за перемену изображения на монетах, которые они так редко видят? Неужели нам так любопытно увидеть новые медали, что мы готовы свергать троны для удовлетворения этой прихоти? Один министерский публицист утверждал, что в июле мы *упорствовали* в своем желании иметь конституционную монархию и Луи-Филиппа вместо Карла X. По его

мнению, народ принял участие в борьбе только в качестве орудия средних классов, т. е. по его мнению, пролетарии — это гладиаторы, которые убивают и которых убивают для забавы и на пользу привилегированным, рукоплещущим из окон... конечно, по окончании боя. Брошюра с этими прекрасными теориями представительного правительства появилась 20 ноября; Лион ответил 21-го¹². Реплика лионцев оказалась такой решительной, что никто ни словом не обмолвился о брошюре.

Какую пропасть раскрыли перед нашими глазами лионские события! Вся страна была преисполнена жалости при виде этой армии призраков, изнуренных голодом и бросающихся под картечь, чтобы по крайней мере сразу умереть.

И не только в Лионе — повсюду рабочие гибнут, задавленные налогами. Эти люди, некогда столь гордые одержанной победой, связывавшие свое появление на политической арене с торжеством свободы, эти люди, которые хотели воскресить всю Европу — бьются теперь в тисках голода, не имея сил для возмущения подобным бесчестием, вдобавок к позору, который принесла реставрация. Даже крики гибнущей Польши не могли отвлечь их от собственных горестей; они сберегли остаток слез, чтобы оплакивать себя и своих детей. Каковы же эти страдания, если они могли заставить рабочих так скоро забыть истребленных поляков!

Вот какую сделали доктринеры июльскую Францию. Кто бы мог это предвидеть! В те дни, когда мы, опьяненные и оглушенные своей победой, с сердцем, переполненным счастьем, блуждали с ружьем на плече по разрытым мостовым улиц, по их баррикадам, мечтая о том, как побледнеют короли и как обрадуются народы, когда до их ушей долетит далекий шум нашей марсельезы,— кто бы мог предвидеть, что столько радости и славы превратится в траур! Кто мог подумать при виде этих могучих, рослых рабочих, рубища которых взапуски лизали вылезшие из погребов трясущиеся от страха буржуа, без конца рассказывавшие со слезами восторга о бескорыстии и храбрости рабочих,— кто бы мог подумать, что эти рабочие будут умирать в нищете на той самой мостовой, которую они завоевали, и что их почитатели будут называть их *язвой общества!*

Великодушные тени! Славные рабочие, когда вы умирали на поле боя, моя рука в знак прощания пожимала ваши руки и рубищами покрывала ваши лица; вы умирали счастливыми в час победы, которая должна была освободить ваш народ; а спустя шесть месяцев я видел ваших детей в темницах, и каждую ночь я засыпал на своем одре под их стоны, под проклятия палачей и под свист кнута, заставлявшего умолкнуть их крики.

Господа, не безрассудно ли осыпать оскорблениями людей, которые, решив испытать свои силы, оказались в худшем положении,

чем то, в котором они были до боя? Разумно ли допускать, чтобы народ с такой горечью убедился в том, что, проявив умеренность после победы, он оказался обманутым? Так ли уж точно известно, что не придется более взывать к милосердию пролетариев, чтобы можно было с полной уверенностью считать их безжалостными? Как будто против народной мести не принимают иных предосторожностей, кроме заведомо преувеличенного изображения этой мести, как будто само это преувеличение, эти воображаемые картины убийств и грабежа являются единственным средством отвлечь действительность. Нетрудно всадить штык в грудь людей, сдавших после победы свое оружие. Но не так легко стереть воспоминание об этой победе. Вот уже скоро восемнадцать месяцев, как пытаются восстановить одно за другим то, что было свергнуто в сорок восемь часов, и восемнадцать месяцев реакции не сумели даже поколебать дело трех дней. Никакие человеческие силы не смогут столкнуть в небытие совершившийся факт. Спросите того, кто жалуется на следствие без причины, считает ли он возможным существование причины без следствия? В объятиях шести тысяч истекавших кровью героев Франция зачала; роды могут быть долгими и тяжелыми, но могуче ее чрево и не удастся доктринерам, отравляющим Францию, заставить ее выкинуть плод.

Вы конфисковали июльские ружья. Да, но они стреляли. Каждая пуля парижских рабо-

чих совершает кругосветное путешествие; эти пули непрерывно разят врагов; и они будут разить их до тех пор, пока не останется в живых ни одного врага свободы и счастья народа!

(Как только гражданин Бланки умолк, раздались продолжительные аплодисменты во всем зале, несмотря на требование председателя прекратить их.)

2. [РЕЧЬ 2 ФЕВРАЛЯ 1832 г. В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ НАРОДА] ¹³

Нечего скрывать, что между классами, составляющими нацию, происходит война на смерть. Из этой истины вытекает, что подлинно национальной партией, в ряды которой должны вступать все патриоты, является партия масс.

Во Франции до сих пор существовало три рода интересов: интересы так называемого высшего класса, интересы среднего класса, или буржуазии, и интересы народа. Я ставлю народ на последнее место потому, что он всегда был последним, и потому, что я надеюсь увидеть в скором будущем применение евангельского изречения: «Последние будут первыми».

В 1814 и 1815 гг. буржуазия, *устав от правления Наполеона*.— не из-за его деспотизма (буржуазия мало заботится о свободе, которая в ее глазах не стоит и ломаного гроша), а потому, что, исчерпав запасы народной крови, война начала отнимать у нее самой детей, а главное потому, что война нарушала ее покой и вредила торговле,— буржуазия встрети-

ла иноземных солдат, как освободителей, а Бурбонов — как посланцев божиих. Это она открыла ворота Парижа, она обращалась, как с разбойниками, с солдатами Ватерлоо, она поощряла кровавую реакцию 1815 года.

Людовик XVIII вознаградил ее Хартией¹⁴. Эта Хартия образовала из высших классов аристократию, а буржуа она дала палату депутатов, называемую демократической палатой. Таким образом, эмигранты, дворяне и крупные землевладельцы, фанатичные приверженцы Бурбонов, и средний класс, признавший их в своих интересах, оказались в равной доле хозяевами в управлении государством. Народ оставался в стороне: лишенный вождей, деморализованный иностранным нашествием, потеряв веру в свободу, он молча терпел иго, собирая силы. Вы знаете, что вплоть до 1825 г. класс буржуазии оказывал постоянную поддержку реставрации; он способствовал резне в 1815 и 1816 гг.¹⁵, эшафотам Бори и Бертона¹⁶, испанской войне, пришествию Виллеля¹⁷ и изменению избирательного закона, и вплоть до 1827 г. он не переставал посылать в палату большинство, преданное властям.

В промежутке между 1825 и 1827 гг. Карл X, видя, что все ему удастся, и считая себя достаточно сильным, чтобы править без буржуазии, вздумал устранить ее от управления, как в 1815 г. был отстранен народ; он сделал смелый шаг в сторону старого режима

и объявил войну среднему классу, провозгласив исключительное господство дворянства и духовенства под знаменем иезуитов. Буржуазия явно антирелигиозна, она ненавидит церковь, верит только в двойную бухгалтерию. Попы ее раздражали; она охотно согласилась угнетать народ в равной мере с высшими классами, но когда буржуазия увидела, что пришла и ее очередь, то из ревности и злобы против высшей аристократии, она присоединилась к меньшинству среднего класса, которое, начиная с 1815 г., боролось с Бурбонами и которое она до этого времени приносила в жертву. Тогда началась газетная и журнальная война, которая велась с упорством и ожесточением. Буржуа боролись во имя Хартии и только ради Хартии. Действительно, Хартия, при точном ее выполнении, обеспечивала буржуазии могущество и верховенство в государстве. Законность была придумана для того, чтобы представлять интересы буржуазии и служить ей знаменем. Законный порядок стал как бы божеством, перед которым оппозиционные конституционалисты ежедневно курили фимиам. Эта борьба продолжалась с 1825 до 1830 г., становясь все более благоприятной для буржуа, которые быстро захватили влияние в палате депутатов и, став ее властителями, вскоре начали угрожать правительству полным его поражением.

Что же делал народ во время этой борьбы? Ничего. Он оставался молчаливым зрителем ссоры, и все прекрасно знают, что его инте-

ресы не принимались в расчет в спорах между его угнетателями. Конечно, буржуа и не думали о нем, считая его дело погибшим пятнадцать лет назад. Вы помните, что наиболее преданные конституционалистам газеты повторяли взапуски, что народ подал в отставку, передав заботу о своих интересах в руки избирателей, единственных представителей Франции. И не только правительство считало массы равнодушными к происходящей борьбе: средний класс, быть может, в еще большей степени презирал их и, конечно, рассчитывал один пожать плоды победы. Эта победа не шла дальше Хартии. Карл X и Хартия со всемогущей буржуазией — такова была цель конституционалистов. Однако народ иначе понимал дело: народ ни во что не ставил Хартию, относился с отвращением к Бурбонам; видя, как его хозяева ссорятся, он молча ждал момента, когда можно будет броситься на поле боя и установить согласие между враждующими партиями.

Когда классы дошли до того, что у правительства не осталось иных средств, кроме государственного переворота, и когда угроза государственного переворота нависла над головой буржуа, как же они испугались! Кто не помнит сожаления и ужаса, охвативших 221 депутата¹⁸, когда в ответ на их знаменитый адрес королю последовал указ о роспуске палаты? Карл X говорил о своем твердом решении прибегнуть к силе, и буржуазия трепетала. Уже ее большинство высокомерно

порицало этих бедных депутатов за то, что они дали увлечь себя на путь революционных эксцессов. Наиболее наглые буржуа возлагали надежды на отказ от уплаты налога и на поддержку судов, которые почти все охотно исполняли бы функции превопальных судов¹⁹, судивших без права апелляции. Роялисты проявляли столько смелости и решимости, а их противники столько страха и неуверенности потому, что те и другие считали, что народ устранился от борьбы, и ожидали, что он останется нейтральным в битве. Таким образом, с одной стороны — правительство, опирающееся на дворянство, духовенство и крупных землевладельцев, с другой стороны — средний класс, готовый вступить в драку после пятилетней предварительной войны пером и шарами, и народ, который считался в отставке и молчал в течение пятнадцати лет.

Таково было положение, когда началась борьба. Были изданы ордонансы, и полиция разбила печатные станки газет. Я не стану рассказывать вам, граждане, о нашей радости, когда после тяжелого ига мы наконец увидели пробуждение столь долго спавшего льва — народа. 26 июля был самым прекрасным днем нашей жизни. Но буржуа! Никогда еще политический кризис не являл зрелища такого ужаса, такой растерянности. Бледные, обезумевшие, они прислушивались к первым выстрелам, как будто это были первые залпы, выпущенные отрядом, который должен был расстрелять их одного за другим. У всех у

вас еще в памяти поведение депутатов в понедельник, во вторник и в среду. Присутствие духа и способности, которые им еще оставил страх, они употребили на то, чтобы предупредить, остановить сражение; одержимые трусостью, они не могли предвидеть победу народа и трепетали под ножом Карла X. Но в четверг картина изменилась. Народ оказался победителем. Тогда ужас другого рода охватил буржуа, более глубокий, более тягостный. Прощай их мечты о Хартии, о законности, о конституционном королевстве, об исключительном господстве буржуазии! Исчез призрак немощного Карла X. Из-за обломков, сквозь пламя и дым, над трупом королевства, они увидели народ, стоящий, как гигант, с трехцветным знаменем в руке; они оцепенели. О, тогда-то они пожалели, что 26 июля не было национальной гвардии, они обвиняли непредусмотрительность и безумие Карла X, который сам разбил якорь своего спасения. Но для сожалений было слишком поздно. Вы видите, что в течение этих дней, когда народ был так велик, буржуа тряслись от страха сперва перед Карлом X, а затем перед рабочими. Какая благородная и славная роль этих гордых воинов с высокими султанами, развевающимися на них во время парадов на Марсовом поле.

Но, граждане, как случилось, что такое неожиданное и такое грозное проявление силы масс осталось безрезультатным? В силу какого рокового стечения обстоятельств эта

революция, совершенная только народом, революция, которая должна была означать конец исключительного господства буржуазии в такой же мере, как приход к власти народа и господство его интересов, имела своим результатом установление деспотизма среднего класса, усиление нищеты рабочих и крестьян и еще более втоптала Францию в грязь? Увы! Народ сумел победить, но не сумел воспользоваться своей победой. Не вся вина тут ложится на него. Бой был так короток, что естественные вожди народа, те, что могли закрепить его победу, не успели еще выделиться из толпы. И народ вынужден был примкнуть к вождям, которые выступали в качестве вождей буржуазии в ее парламентской борьбе против Бурбонов. К тому же народ был признателен средним классам за их борьбу в течение пяти лет против его врагов, и вы видели, какую благосклонность — я бы сказал даже почти почтительность — он проявлял в отношении этих одетых в сюртуки людей, которых встречал на улицах после боя. Возглас «Да здравствует Хартия!», которым так коварно злоупотребляла буржуазия, был лишь сигналом сбора, доказательством союза народа с этими людьми. Чувствовал ли он как бы инстинктивно, что сыграл с буржуазией шутку, чрезвычайно неприятную для нее, и хотел ли как великодушный победитель пойти ей навстречу и предложить мир и дружбу своим будущим противникам? Как бы то ни было, формально массы не выразили воли в отноше-

нии определенной политической системы. Их волновала, их толкнула к выходу на городскую площадь ненависть к Бурбонам и твердое решение свергнуть их. В представлении масс о правительстве, которое должно было возникнуть из борьбы на баррикадах, играли роль и бонапартизм, и Республика.

Вы знаете, что народ в своем доверии к вождям, которых он признал и которых ввиду их давней враждебности к Карлу X считал такими же беспощадными врагами всей династии Бурбонов, каким он был сам, после окончания боя ушел с городских площадей. Тогда-то буржуа вылезли из погребов и тысячами высыпали на опустевшие после ухода борцов улицы. Все помнят, каким неожиданным, чудесным образом, будто на театральной сцене, изменился вид парижских улиц, как в мгновение ока куртки сменились сюртуками, как будто по мановению волшебной палочки одни исчезли, а другие выросли из-под земли. И это произошло потому, что пули больше не свистели. Теперь уже не приходилось ожидать ударов, а надо было захватить добычу. Каждому предназначена была своя роль; рабочий люд отошел, появились лавочники.

Тогда-то эти несчастные, которым победа была передана на хранение, после попытки вновь посадить Карла X на трон, поняв, что дело касается их жизни и не обладая достаточным мужеством, чтобы пойти навстречу опасностям такой измены, остановились на

мысли о менее опасной измене; королем был провозглашен один из Бурбонов. Десять — пятнадцать тысяч буржуа, расположившихся во дворе нового дворца, в течение многих дней под руководством агентов, оплаченных королевским золотом, приветствовали властелина восторженными криками. Что же касается народа, не имевшего ренты и средств, которые позволили бы ему шататься под окнами дворцов, — он оставался в своих мастерских. Но он вовсе не был соучастником этой позорной узурпации власти, которая не могла бы совершиться безнаказанно, если бы нашлись люди, способные направлять удары народного гнева и мести. Обманутый и покинутый своими вождями, народ, как в 1815 г., умолк, собирая силы. Я приведу вам слова одного извозчика, который вез меня в прошлую субботу; рассказав мне о своем участии в боях этих трех дней, он добавил: «По дороге в палату я встретил процессию депутатов, направлявшихся в ратушу. Я последовал за ними, чтобы посмотреть, что они будут делать. И я увидел, как Лафайет появился на балконе вместе с Луи-Филиппом и сказал: «Французы, вот ваш король!» Господин, услышать это слово было для меня как удар кинжала. Я больше не мог, я ушел». Человек этот — народ.

Таково было положение партий тотчас после июльской революции. Высший класс был уничтожен. Средний класс, скрывавшийся во время боев и не одобрявший революции, проявил столько же ловкости, сколько осторож-

ности, и присвоил себе плоды победы, одержанной вопреки его воле. Народ, который все сделал, остался тем же нулем, что и раньше. Но страшный факт свершился. Внезапно, как удар грома, народ выступил на политическую арену, которую он взял приступом, и, хотя он был почти сейчас же изгнан оттуда, все же он совершил акт властелина; он взял обратно свою отставку. Отныне между ним и средним классом начинается беспощадная война. Это уже не война между высшими классами и буржуа; последним теперь необходимо даже будет призвать себе на помощь своих прежних врагов для того, чтобы противостоять народу. Действительно, буржуазия не долго скрывала свою ненависть к народу.

Если мы рассмотрим поведение правительства, мы увидим в его политике то же направление, тот же рост ненависти и насилия, что и у буржуазии, интересы и стремления которой оно представляет.

В принципе до тех пор, пока еще камни баррикад лежали на улицах, говорили только о программе Ратуши, о республиканских учреждениях; были щедры на рукопожатия, на воззвания к народу, на высокие слова о свободе, независимости, о национальной славе; затем, когда в распоряжении властей оказалась организованная военная сила, притязания повысились. Все законы, все ордонансы периода Реставрации были вызваны к жизни и применены. Позднее начались преследования прессы, преследования участников

июльских дней, на народ посыпались сабельные и штыковые удары, налоги повысились и взимались с неслыханной во время Реставрации строгостью, широко применялись всякого рода насилия, присущие тирании,— все это изобличало страх и ненависть правительства к народу. Но в то же время оно чувствовало, что и народ отвечает ему той же ненавистью, и, не считая себя достаточно сильным при поддержке одной лишь буржуазии, правительство стремилось привлечь на свою сторону высшие классы, чтобы, упрочив свою власть на этой двойной базе, с большим успехом противодействовать грозящему наступлению пролетариев. Вся та система, которой правительство придерживалось в течение восемнадцати месяцев, сводилась к его примирению с аристократией. В этом разгадка его политики. Но высший класс состоял почти целиком из роялистов. Чтобы привлечь его, необходимо было возможно больше походить на Реставрацию, подражать ее порядкам, сохранить ее строй. Так и сделали. Ничего не изменилось, кроме имени короля. Суверенитет народа отрицали, его попирали ногами; двор носил траур по иностранным королям, легитимизм копировали во всем и для всего. Роялистов оставили на местах, и те, кому пришлось удалиться с первой волной революции, заняли еще более доходные места; магистратура сохранилась. Таким образом, все управление страной осталось в руках людей, преданных Бурбонам. Наиболее развращенная часть

высшего класса, та, которая прежде всего ищет золота и наслаждения, соизволила обещать свое содействие сохранению общественного порядка. Но другая часть, те, которых я считаю не столь испорченными, которые сохранили уважение к себе, верность своим убеждениям, те, которые поклоняются своему знамени и своему прошлому, те с отвращением отвергли посулы сторонников золотой середины²⁰. За ними идет большая часть населения Юга и Запада, все эти крестьяне Вандеи и Бретани, оставшиеся чуждыми движению цивилизации, сохранившие пламенную веру в католицизм, в своем преклонении смешивающие католицизм с легитимизмом, и вполне справедливо, так как, живя вместе, эти две категории и умереть должны вместе. Неужели вы думаете, что эти простые и верующие люди поддадутся соблазну банкиров? Нет, граждане! Пусть народ в своем невежестве воодушевляется религиозным фанатизмом, пусть, будучи более просвещенным, он дает себя увлечь энтузиазмом свободы, народ остается неизменно великим и великодушным, он не повинуется низким денежным интересам, он повинуется самым благородным душевным страстям, стремлениям высокой морали. И что же! Как бы благожелательно ни относились мы к Бретани и Вандее, как бы ни уважали их, они все еще готовы подняться при криках «бог и король!», они угрожают правительству своей католической и роялистской армией, первое столкновение с которой

разгромит правительство. Это еще не всё, та часть высших классов, которая связала себя с золотой серединой, в первый же момент отойдет от нее. Все, что она обещала, это — не содействовать ее свержению; что же касается преданности, то вы знаете, можно ли чувствовать преданность к тем, кто стрижет купоны? Бóльшая часть буржуа, группирующихся вокруг правительства из ненависти к народу, которого они боятся, из страха перед войной, которая ужасает их, потому что, по их мнению, она отнимет у них червонцы, — эти буржуа не слишком любят существующий порядок, считая, что он бессилён защитить их. Пусть только появится белое знамя, которое гарантировало бы им материальную безопасность и возможность угнетать народ, — и они готовы будут пожертвовать своими прежними политическими претензиями, ибо они жестоко раскаиваются в том, что из-за самолюбия подрывали власть Бурбонов и подготовили их падение. Они добровольно отрекутся от своей доли власти и передадут ее в руки аристократии, охотно обменяв спокойствие на рабство.

Правительство Луи-Филиппа не принесло им успокоения. Как бы оно ни подражало Реставрации, как бы ни преследовало патриотов, ни пыталось стереть пятно восстания, которым оно загрязнило себя в глазах поклочников общественного порядка, воспоминание об этих ужасных трех днях преследует его, господствует над ним; восемнадцать месяцев

успешной войны против народа не могли уравновесить одну единственную победу его; поле битвы все еще остается за ним, и эта победа, как Дамоклов меч, висит над головой правительства; каждый следит, не оборвется ли нить.

Граждане, два принципа разделяют Францию: принцип легитимности и принцип народного суверенитета. Первый — это старая организация прошлого времени. Это рамки, в которых общество жило тысячу четыреста лет, и одни инстинктивно хотят сохранить их ради личной безопасности, а другие — из страха, что эти рамки не могут быть быстро заменены другими и что за их разрушением последует анархия. Идея народного суверенитета объединяет всех людей будущего, массы; измученные эксплуатацией, они стремятся разбить рамки, в которых задыхаются. Нет третьего знамени, нет среднего пути. Золотая середина — вздор, незаконнорожденное правительство, принимающее вид законности, над которым только смеются. И роялисты, прекрасно понимающие это положение, используют благоволение к ним власти, стремящейся привлечь их на свою сторону, чтобы способствовать ее гибели. Их многочисленные газеты ежедневно доказывают, что только при легитимизме возможен порядок, что золотая середина бессильна устроить страну, что вне легитимизма есть только революция и что, отойдя от первого принципа, неизбежно попадают в сферу второго. Что же получится? Высшие

классы только и ждут момента, чтобы поднять белое знамя. В среднем классе большинство, состоящее из людей, у которых нет другой отчизны, кроме прилавка или кассы, и которые с легким сердцем сделаются русскими, пруссаками, англичанами для того, чтобы заработать на два гроша больше на куске полотна или получить на четверть процента больше прибыли,— это большинство наверняка встанет под белое знамя; одно лишь упоминание о войне или народном суверенитете заставляет его дрожать. Меньшинство этого класса, состоящее из интеллигенции и небольшого числа буржуа, которые любят трехцветное знамя, символ независимости и свободы Франции, примет участие в борьбе за суверенитет народа.

Впрочем, момент катастрофы быстро надвигается. Вы видите, что палата пэров, магистратура и большинство государственных чиновников, насмехаясь над золотой серединой, открыто замышляют вернуть Генриха V. Легитимистские газеты не скрывают более ни надежд, ни замыслов контрреволюции. Роялисты в Париже и в провинции собирают силы, организуют Вандею и Бретань и гордо водружают свое знамя. Они во всеуслышание говорят, что буржуазия за них, и не ошибаются. Они только ждут сигнала от чужеземца, чтобы поднять знамя. Ибо без чужеземца они будут уничтожены народом; они это знают, а мы рассчитываем, что они будут уничтожены даже при поддержке чужеземца.

И будьте уверены, граждане, эту поддержку они получат. Теперь уместно бросить взгляд на наши отношения с европейскими державами. Заметьте, что внешнее положение Франции действительно развивалось параллельно развитию внутренней политики правительства. Позор за рубежом увеличивался в той же пропорции, как и деспотизм буржуа и нищета масс внутри страны.

При первом слухе о нашей Революции короли потеряли голову, и когда электрическая искра восстания быстро воспламенила Бельгию, Польшу, Италию, они искренно думали, что им настал конец. Как можно было подумать, что революция не сделает революции, что изгнание Бурбонов не будет изгнанием Бурбонов, что свержение Реставрации станет новым изданием Реставрации? Это не могло прийти в самую глупую голову. Иностранные кабинеты увидели в трех днях пробуждение французского народа и начало его мести, карающей угнетателей народов. Народы думали так же, как эти кабинеты. Но для наших друзей, как и для наших врагов, вскоре стало очевидным, что Франция попала в руки низких торгашей, которым нужно было только торговать ее независимостью и продать ее славу и свободу за возможно лучшую цену. В то время как короли ждали от нас объявления войны, к ним поступили письма, в которых французское правительство молило о прощении за свою вину. Новый властелин просил извинения за то, что, помимо своей воли, при-

нял участие в восстания. Он торжественно уверял в своей невинности и в своей ненависти к революции, которую он обещал подавить, наказать, приостановить, если его добрые друзья — короли соизволят обещать ему свою защиту, скромное место в Священном Союзе, преданным слугой которого он собирается быть.

Иностранные кабинеты поняли, что народ не был соучастником этой измены и что он поспешит воздать за нее по заслугам. Они приняли решение: подавить восстания, вспыхнувшие в Европе, и, когда будет восстановлен порядок, объединить свои силы против Франции и войти в Париж, чтобы задушить революцию и революционные силы. Этот план выполнялся с исключительной последовательностью и ловкостью. Не следовало действовать слишком быстро, потому что июльский народ, все еще воодушевленный своей недавней победой, принял бы тревогу за непосредственную угрозу и связал бы руки своему правительству. К тому же необходимо было дать время золотой середине, чтобы она успела подавить энтузиазм, привести в уныние патриотов и посеять недоверие и раздор в народе. Но не следовало также двигаться слишком медленно, так как массы могли устать от рабства и нищеты, тяготевших над ними внутри страны, и вторично сбросить ярмо, прежде чем чужестранец будет в состоянии что-либо сделать.

Все эти опасности были избегнуты. Австрийцы вступили в Италию. Буржуа,

которые управляют нами, вскричали «хорошо!» и склонились перед Австрией. Русские уничтожили Польшу. Наше правительство воскликнуло «очень хорошо!» и пало ниц перед Россией. В это время Лондонская конференция, призванная обеспечить независимость Бельгии, занималась пустословием. Реставрация в Бельгии открыла бы глаза Франции, и тогда она сумела бы защитить свое дело. В настоящее время короли идут дальше. Они не хотят более независимой Бельгии. Они хотят навязать ей голландскую реставрацию. Три северных двора, предусматривая разгром, отказываются ратифицировать знаменитый договор, который стоил конференции шестнадцати месяцев труда.

Что же! Золотая середина ответит, может быть, на эту наглую агрессию объявлением войны? Война! О боже! Это слово заставляет буржуа бледнеть. Послушайте их! Война — это банкротство, война — это республика! Вести войну можно только кровью народа, буржуазия не вмещивается в нее. Поэтому пришлось бы взывать к интересам народа, к его страстям, призывать его к войне во имя свободы, во имя независимости родины! Надо было бы передать в его руки страну, которую он один мог бы спасти. Во сто раз лучше видеть русских в Париже, чем развязать страсти толпы. Русские, по крайней мере, друзья порядка, они установили порядок в Варшаве...²¹ Вот каков расчет и каков язык золотой середины.

Роялисты приготовятся, и весной русские, перейдя границу, найдут для себя квартиры вплоть до самого Парижа. Ибо, будьте уверены, что даже в этот момент буржуазия не решится на войну. Ее страх перед войной усилится страхом, который ей внушит гнев обманутого и проданного народа, и вы увидите лавочников, прицепляющих белую кокарду и принимающих врага, как освободителя, потому что казаки пугают их меньше, чем чернь, одетая в куртки.

3. КТО ВАРИТ СУП, ТОТ ПУСТЬ И ЕСТ ЕГО * 22

Источником богатства является разум и труд — душа и жизнь человечества. Но обе эти силы могут действовать только при помощи пассивного элемента — земли, которую они используют совместными усилиями. Казалось бы, следовательно, что эта необходимая основа их деятельности должна принадлежать всем людям. Ничего подобного!

Некоторые лица хитростью или насилем захватили землю и, объявив себя ее владельцами, установили законодательным путем, что она вечно будет их владением и что право собственности станет основой социального строя, т. е. будет главенствовать в нем, а если понадобится, поглотит все остальные права человека, даже право на жизнь, если, к несчастью, оно окажется в конфликте с привилегией меньшинства.

Право собственности на землю логически распространилось на орудия, на накопленные

* Статья, предназначенная для мартовского номера «Liberateur» 1834 г., который не вышел в свет.— Статья исправлена. (Примечание Бланки.)

продукты труда, носящие родовое название капиталов. И так как капиталы, сами по себе бесплодные, приносят плоды только в результате работы и так как в то же время они неизбежно являются сырьем, которое было создано общественными силами, то большинство людей, будучи лишено возможности владеть капиталами, оказывается обреченным на каторжные работы в пользу владеющего ими меньшинства. Ни орудия, ни продукты труда не принадлежат трудящимся, они принадлежат бездельникам. Большие сучья без пользы поглощают соки дерева в ущерб плодоносным ветвям. Трутни пожирают мед, вырабатываемый пчелами.

Таков наш социальный порядок, созданный в результате победы, разделившей население на победителей и побежденных. Логическим следствием такой организации является рабство. Так оно и случилось. В самом деле, так как ценность земли определяется ее обработкой, привилегированные пришли к выводу, что их право на владение землей дает им право владеть также и людским стадом, которое обрабатывает ее. Сперва они считали людское стадо дополнением к их земельному владению, а затем, в конечном счете, стали считать его личной собственностью, независимой от земли.

Между тем принцип равенства, заложенный в сердце человека и способствующий в течение веков уничтожению эксплуатации человека человеком во всех ее формах, нанес

первый удар этому священному праву собственности, уничтожив домашнее рабство. Привилегия свелась к владению людьми не в качестве движимости, а в качестве недвижимого и необходимого приложения к территориальной недвижимости.

В XVI веке жесточайшее усиление гнета привело к рабству чернокожих, и еще теперь жители территории, которая считается французской, владеют людьми по такому же праву, по какому они владеют одеждой и лошадьми. В конце концов между социальным строем в колониях и у нас разница меньше, чем это кажется сначала. После восемнадцати веков борьбы между привилегиями и равенством страна, являющаяся ареной этой борьбы и главным ее участником, не может переносить рабство в его грубом, обнаженном виде. Но оно существует без названия, и право собственности, хотя и более скрытое в Париже, чем на Мартинике, здесь так же устойчиво и так же угнетает.

Действительно, рабство вовсе не состоит в том, что человек становится вещью другого человека или его крепостным. Несвободен тот, кто, будучи лишен орудий труда, отдается на милость привилегированных, являющихся фактическими их владельцами. Именно захват орудий труда, а не тот или другой политический строй, превращает массы в рабов. Переход земли и капиталов по наследству отдает граждан под иго собственников; у них нет

иной свободы, кроме свободы выбрать себе господина.

Отсюда, несомненно, это звучащее насмешкой выражение: «Богатые дают бедным работу». Действительно, они заставляют их работать почти так же, как плантатор заставляет работать своих негров, но с бóльшим равнодушием к человеческой жизни. Ибо рабочий не является, подобно рабу, капиталом, который надо беречь; его смерть — не потеря: всегда найдется конкурент для замены его. Заработная плата, хотя ее едва хватает рабочему, чтобы не умереть, обладает свойством заставлять эксплуатируемую плоть размножаться; она продолжает род бедняков на службу богатым, продлевая, таким образом, из поколения в поколение это двойное параллельное наследование богатства и нищеты, наслаждения и страдания, составляющих элементы нашего общества. Настрадавшись вдоволь и оставив после себя страдать своих потомков, пролетарий идет в больницу, где снабжает науку своим трупом и дает ей средства для изучения способов лечения его господ.

Вот каковы плоды присвоения орудий труда! Для масс, для этих неустанных тружеников, получающих едва лишь грош в день, никогда не имеющих уверенности в завтрашнем дне, это означает голод, если по капризу, вызванному гневом или страхом, они лишаются этих орудий! Для привилегированных, для аристократии это приносит право на жизнь и

смерть, ибо у них большие запасы, они могут ждать! Прежде чем истощение их запасов заставит их отступить, последний плебей умрет.

Кто не помнит бедствий 1831 г., когда капитал из страха или из мести скрылся? Из глубины своего голландского сыра бароны с несгораемыми денежными шкафами равнодушно созерцали смертные муки народа, в рядах которого каждый десятый погиб от голода в награду за кровь, пролитую им во имя пошлого тщеславия баронов. Отомстить за это путем стачки невозможно.

Лионские рабочие недавно испытали это средство²³. Но какой ценой? Шестьдесят тысяч человек вынуждены были склониться перед несколькими дюжинами фабрикантов и просить у них пощады. Голод укротил возмущение. И разве не чудо само это желание сопротивляться? Каковы же должны были быть страдания народа, чтобы его терпение лопнуло и чтобы он дал, наконец, отпор угнетению!

Бедный не знает источника своих несчастий. Невежество, это порождение рабства, превращает его в послушное орудие привилегированных. Подавленный тяжелым трудом, чуждый умственной жизни, что может он знать о социальных явлениях, в которых он играет роль вьючного скота? Он принимает, как благодеяние, то, что ему соизволят оставить от плодов, добытых им в поте лица, и считает руку, эксплуатирующую его, рукой,

кормящей его, и всегда готов по знаку господина уничтожить смельчака, пытающегося указать ему лучшую судьбу.

Увы! Человечество двигается с повязкой на глазах и лишь изредка приподнимает ее, чтобы взглянуть, по какой дороге оно идет. Каждый его шаг на пути прогресса уничтожает того, кто направляет его по этому пути. Герои человечества были всегда первыми жертвами прогресса. По призыву патрициев Гракхи²⁴ были разорваны взбунтовавшейся толпой в куски. Христос истек кровью на кресте при воплях радости еврейской черни, возбужденной фарисеями и священниками, а некогда защитники равенства погибали на эшафотах революции из-за неблагодарности и глупости толпы, допустившей, чтобы память о них была очернена. Еще и ныне наемники привилегированных каждое утро поучают французов плевать на могилу этих мучеников.

Как трудно раскрыть глаза пролетариату на его угнетателей! Если в Лионе он поднялся, как один человек, то это произошло потому, что глубокий антагонизм интересов уже больше не оставил, даже у самых упорных, иллюзий, способных ослепить его. Тогда-то обнаружилось, сколько ненависти и жестокости таилось в душах этих торгашей! Рабочим угрожала резня, со всех сторон спешно приближались пушки, конница, солдаты для их истребления. Вернуться к выполнению своих обязанностей или погибнуть от

картечи — такова была альтернатива, поставленная перед восставшими. Обязанностью же лионского трудящегося, этого человека-машины, было страдать от голода и день и ночь ткать ради удовольствия богачей ткань из золота, шелка и слез.

Но такая жестокая тирания таит в себе опасность: она вызывает озлобление, восстание. Для того чтобы отвратить опасность, пытаются примирить Каина с Авелем²⁵. Из нужды в капитале, как в орудии труда, пытаются сделать вывод об общности интересов, а следовательно, о солидарности между капиталистом и трудящимся. Сколько фраз, артистически вышитых на этой канве братства! Овцу стригут только для ее здоровья. Она должна благодарить за это. Наши эскулапы умеют позолотить пилюлю.

Еще находятся дураки, слушающие эти проповеди, но их уже мало. Каждый день проливает новый свет на этот мнимый союз паразита и его жертвы. Факты красноречивы; они свидетельствуют о том, что между прибылью и заработной платой существует поединок на смерть. Кто поддастся? Это вопрос справедливости и здравого смысла. Посмотрим.

Без труда нет общества! Отсюда — нет бездельников, которые не нуждались бы в трудящихся. Но зачем нужны трудящимся бездельники? Верно ли, что в руках трудящихся капитал приносит пользу только при условии, если он принадлежит не им? Предположим,

что пролетариат, покидая в массе страну, переносит свой очаг и свой труд в какой-либо далекий край. Что же, погибнет он от отсутствия своих хозяев? Разве новое общество может быть основано только при условии создания землевладельцев и капиталистов и предоставления касте бездельников владения всеми орудиями труда? Разве невозможен иной социальный строй, кроме этого строя, разделяющего людей на собственников и наемников?

Зато до чего любопытно было бы посмотреть на наших гордых сюзеренов, покинутых своими рабами! Что им делать со своими дворцами, мастерскими, опустевшими полями? Умереть с голоду среди этих богатств или же, засучив рукава, взяться за мотыгу и в свою очередь смиренно трудиться в поте лица над клочком земли. И много ли они обработают ее все вместе? Я полагаю, что этим господам просторно было бы даже в каком-нибудь одном округе.

Но народ, насчитывающий 32 миллиона душ, не удаляется на Авентинский холм²⁶. Примем противоположную гипотезу, более осуществимую. В одно прекрасное утро, бездельники, новые Биасы²⁷, покинули французскую землю, оставшуюся в трудолюбивых руках. День счастья и торжества! Какое огромное облегчение для стольких миллионов душ, освобожденных от давящей их тяжести. Полной грудью вздыхает все это множество людей. Граждане, пойте хором песнь освобождения!

Аксиома такова: нация беднеет от потери трудящегося; она обогащается от потери бездельника. Смерть богача — это благодеяние.

Да! Право собственности клонится к концу. Благородные умы предсказывают и призывают его падение. Ессейский принцип равенства²⁸ в течение восемнадцати веков, медленно точит его, последовательно уничтожая рабство, составляющее основу его могущества. Оно исчезнет когда-нибудь вместе с последними привилегиями, служащими ему убежищем и приютом. Настоящее и прошлое являются гарантией такой развязки. Ибо человечество никогда не стоит на одном месте. Оно движется или вперед, или назад. Движение вперед ведет его к равенству. Движение назад доводит его, путем всякого рода привилегий для одних, до личного рабства для других — последнего слова права собственности. Прежде чем человечество дойдет до этого, европейская цивилизация, конечно, погибнет. Но в результате какого катаклизма? Вторжения русских? Наоборот, Север сам будет захвачен принципом равенства, тем принципом, которым французы ведут народы к победе. Будущее не вызывает сомнений.

Скажем сразу же, что равенство не может быть достигнуто разделом земли. Бесконечное дробление земли ничего не изменит по существу в праве собственности. Так как богатство происходит скорее от владения орудиями труда, чем от самого труда, то

сохранившийся дух эксплуатации сумеет вскоре, восстановив большие состояния, восстановить и социальное неравенство.

Одна лишь ассоциация, заменяя частную собственность и устанавливая равенство, создаст царство справедливости. Вот почему все сильнее становится стремление борцов за будущее осветить сущность ассоциации. Быть может, и мы внесем нашу долю в общее дело.

1834—185..

Портрет Бланки работы его жены (1834)

ПРИЛОЖЕНИЯ ²⁹

1. [ВОПРОСНИК ДЛЯ ВСТУПАЮЩЕГО В «ОБЩЕСТВО СЕМЕЙСТВ»]

Вступающего в Общество вводят с завязанными глазами; его заставляют принести следующую клятву: «Клянусь хранить в глубокой тайне все, что будет происходить в этих стенах». Затем председатель обращается к нему с нижеследующими вопросами, на которые он должен дать ответы, дословно цитируемые здесь.

1. Что ты думаешь о теперешнем правительстве? — Что оно является предателем народа и страны.

2. В чьих интересах оно управляет? — В интересах небольшого числа привилегированных.

3. Кто теперь является аристократами? — Денежные мешки, банкиры, поставщики, монополисты, крупные земельные собственники, биржевики, — одним словом, эксплуататоры, жиреющие за счет народа...

4. По какому праву они управляют? — По праву силы.

5. Какой порок господствует в обществе? — Эгоизм.

6. Что заменяет честь, честность, добродетель? — Деньги.

7. Кого уважают в обществе? — Богатого и могущественного.

8. Кого презирают, преследуют, кто вне закона? — Бедный и слабый.

9. Что ты думаешь о налоге на продовольственные продукты, о соляном налоге, о налоге на напитки? — Это гнусные налоги, предназначенные на то, чтобы подавлять народ и щадящие богатых.

10. Что такое народ? — Народ — это совокупность граждан, которые трудятся.

11. Как обходится закон с народом? — Закон обходится с ним, как с рабом.

12. Какова судьба пролетария при правительстве богачей? — Судьба пролетария подобна судьбе раба и негра, его жизнь — это длинная ткань, сотканная из нищеты, изнурения и страданий...

13. Какой принцип должен служить основой правильно организованного общества! — Равенство.

14. Каковы должны быть права гражданина в правильно устроенной стране? — Право на существование, право на бесплатное образование, право участвовать в правительстве..., его обязанности — преданность обществу и братство по отношению к своим согражданам.

15. Нужно произвести политическую или социальную революцию?— Нужно произвести социальную революцию.

Председатель. Говорил ли тебе гражданин, который открыл тебе тайну, о цели нашей деятельности? Эту цель ты уже должен был видеть из наших вопросов, мы объясним тебе ее еще яснее в нескольких словах. Мы объединились в Общество для того, чтобы с наибольшим успехом бороться против тирании угнетателей нашей страны, политика которых состоит в том, чтобы держать народ в невежестве и в разобщении, а наша политика, следовательно, должна стремиться распространять просвещение и сплотить в одно целое все силы народа. Наши тираны запретили и прессу, и ассоциации, поэтому наш долг — объединиться, с большей, чем когда бы то ни было настойчивостью и дополнить прессу устной пропагандой, ибо — как ты совершенно правильно полагаешь — наши угнетатели боятся больше всего того оружия, которое они нам запрещают использовать, и мы должны главным образом пользоваться им. Каждому члену поручается распространять всеми возможными средствами республиканские учения, одним словом, вести активную, неутомимую пропаганду. Обещаешь ли ты для этого к нашим усилиям присоединить свои?

Позднее, когда пробьет час, мы возьмемся за оружие, чтобы свергнуть правительство, которое является предателем отечества. Будешь ли ты с нами в тот день? Подумай

хорошенько, это опасное предприятие; наши враги могущественны. У них — армия, богатства, поддержка иностранных королей; они царствуют при помощи террора. Мы же, бедные пролетарии, обладаем лишь нашим мужеством и справедливым правом. Чувствуешь ли ты в себе силы, чтобы не бояться опасности?

Решил ли ты умереть с оружием в руках за дело человечества, когда будет дан сигнал к борьбе?

Встань, гражданин! Ты должен дать такую клятву: «Я клянусь не раскрывать никому, даже ближайшим родственникам, то, что будет сказано или сделано в нашей среде; я клянусь повиноваться законам ассоциации, клянусь ненавидеть предателей, проникших в наши ряды, и мстить им, клянусь любить моих братьев, помогать им и пожертвовать моей свободой и моей жизнью для торжества нашего святого дела». Гражданин, объявляем тебя членом нашего общества, садись.

Есть ли у тебя оружие, боевые припасы? Каждый вступающий в Общество член должен внести известное количество пороха, соответственно своему состоянию, но не менее четверти фунта. Кроме того, он должен достать для себя лично два фунта пороха. В Обществе нет ничего написанного. Тебя будут знать только по твоему военному имени, которое ты себе выберешь. В случае ареста никогда не следует отвечать на вопросы судебного следователя. Состав комитета

никому не известен, но в момент боя он становится известным. Строго воспрещается вступать на городскую площадь, если комитет не встал во главе ассоциации. Во время боя члены общества должны подчиняться своим начальникам по всей строгости военной дисциплины. Если ты знаком с лицами, умеющими хранить тайну настолько, чтобы мы могли принять их в нашу среду, ты нам представишь их: каждый гражданин, отличающийся сдержанностью и доброй волей, достоин прикнута к нашим рядам, какова бы ни была степень его образования. Общество завершит его политическое воспитание.

2. [ВОПРОСНИК ДЛЯ ВСТУПАЮЩЕГО В «ОБЩЕСТВО ВРЕМЕН ГОДА»]

Вступающего в Общество вводят с завязанными глазами. Председатель обращается к лицу, которое рекомендует нового члена: «Как зовут нового брата, которого ты к нам привел?»

Обращаясь к вступающему: «Гражданин (называет имя), сколько тебе лет? Какая у тебя профессия? Где ты родился? Где ты живешь? Какие у тебя средства к существованию? Обдумал ли ты шаг, который ты сейчас совершаешь, подумал ли об обязательстве, которое ты на себя принимаешь? Известно ли тебе, что предатели караются смертью?»

Поклянись же, гражданин, никому ничего не выдавать из того, что произойдет здесь».

Председатель задает ему следующие вопросы: 1. Что ты думаешь о королевстве и о королях? 2. Как поддерживается королевство, которое ты считаешь таким дурным? 3. Кто такие теперешние аристократы? 4. Можно ли удовольствоваться только ниспровержением королевской власти? 5. Что мы должны поставить на ее место? 6. Почему республика является единственно законным правительством?

вом? 7. Каковы обязанности каждого гражданина? 8. Каковы его права? 9. Должен ли иметь права тот, кто не выполняет своих обязанностей? 10. Составляют ли часть народа те люди, которые имеют права, не выполняя никаких обязанностей, как, например, теперешние аристократы? 11. Как проявляет народ свою волю? 12. Может ли палата депутатов издавать законы? 13. Сможет ли народ, тотчас же после революции, самоуправляться? 14. Каковы в общем твои убеждения?

Гражданин, высказанные сейчас тобой убеждения единственно правильные, единственно способные заставить человечество идти к предназначенной ему цели. Но осуществление их — дело не легкое, наши враги многочисленны и могущественны; в их распоряжении все общественные силы; мы же, республиканцы, само имя которых запрещено, обладаем только храбростью и нашим справедливым правом; подумай — еще есть время — о всех опасностях, которым ты подвергаешь себя, вступая в наши ряды. Решаешься ли ты без страха пожертвовать своим состоянием, потерять свободу и, быть может, умереть?

Твой ответ свидетельствует о твоей энергии. Встань, гражданин, и принеси следующую клятву:

«Именем республики я клянусь в вечной ненависти ко всем королям, аристократам, ко всем угнетателям человечества. Клянусь быть безгранично преданным народу, братом всем людям, кроме аристократов. Клянусь карать

предателей. Обещаю отдать мою жизнь, взойти даже на эшафот, если эта жертва будет необходима для царства народного суверенитета и равенства».

Председатель кладет ему в руку кинжал.

«Пусть меня накажут смертью изменника, пусть я буду пронзен этим кинжалом, если я нарушу свою клятву! Я согласен, чтобы меня считали изменником, если я расскажу хоть что-нибудь кому бы то ни было, даже ближайшему моему родственнику, если он не состоит членом этого общества».

Председатель. Гражданин, садись. Общество принимает твою клятву, теперь ты считаешься частью ассоциации; работай же вместе с нами ради освобождения народа.

Гражданин, твое имя не будет произноситься среди нас. Вот твой номер в списке мастерской. Ты должен раздобыть себе оружие и боеприпасы. Комитет, руководящий Обществом, останется в неизвестности до тех пор, пока мы не возьмемся за оружие.— Гражданин, твой долг распространять принципы ассоциации.— Если тебе известны преданные и скромные граждане, представь их нам.

Вступающему развязывают глаза.

Гражданин, который принимает в члены общества, приходит на помощь вступающему во всех случаях, когда он испытывает затруднения в своих ответах.

Ответы: 1. Что оно мерзкое, что короли столь же губительны для человеческого рода, как тигры для других животных.

2. Оно поддерживается тем, что объединило несколько классов народа для эксплуатации всех других классов; оно создало аристократию.

3. Родовая аристократия была уничтожена в июле 1830 г., теперь аристократами являются богачи, составляющие такую же прожорливую аристократию, как и первая.

4. Необходимо уничтожить всяких аристократов, всяческие привилегии — иначе ничего не сделаешь.

5. Самоуправление народа, т. е. республику.

6. Потому что только она основана на равенстве, только она предписывает всем одинаковые обязанности и предоставляет одинаковые права.

7. Повиновение общей воле, преданность родине и братство в отношении каждого члена нации.

8. Право на существование. Каждый трудящийся должен иметь обеспеченное существование. Право на образование. Человек создан не только из материи, у него есть разум. И этот разум имеет такое же право на жизнь, как и тело; таким образом, право на образование представляет собой лишь право на духовное существование. Избирательное право.

9. Не выполняя своих обязанностей, он тем самым отрекается от своих гражданских прав.

10. Они не должны входить в его состав; они являются для общественного тела тем,

чем является язва для человеческого тела. Первое условие для выздоровления тела — это удаление из него язвы: первое условие для выздоровления общественного тела — это уничтожение аристократии.

11. Через закон, являющийся не чем иным, как выражением общей воли.

12. Нет, она может лишь подготовить их для представления народу, который может их одобрить или отвергнуть.

13. Для оздоровления зараженного гангреной государства народу необходимо будет иметь на некоторое время революционную власть.

14. Надо уничтожить королевскую власть и всех аристократов; установить вместо них республику, т. е. управление на основе равенства; но для перехода к такому управлению — употребить революционную власть, которая даст народу возможность использовать свои права.

3. [ВОЗЗВАНИЕ КОМИТЕТА
«ОБЩЕСТВА ВРЕМЕН ГОДА»
В ДЕНЬ ВОССТАНИЯ 12 МАЯ 1839 г.]

К оружию, граждане!

Пробил роковой час для угнетателей. Презренный тиран в Тюильри потешается над тем, что народ мучительно страдает от голода. Но мера преступлений переполнилась, народ наконец будет отмщен.

Францию предали. Кровь наших замученных братьев взывает к вам о мщении; пусть оно будет ужасно, так как оно пришло слишком поздно. Да погибнет наконец эксплуатация и да воцарится торжествующее равенство на обломках сверженной королевской власти и аристократии...

Временное правительство выбрало военных вождей для руководства боем. Эти вожди вышли из ваших рядов; следуйте за ними, они поведут к победе!

О г ю с т Б л а н к и — главнокомандующий.
Б а р б е с, М а р т е н Б е р н а р, К и н ь о,
М е й а р, Н е т р — начальники дивизий республиканской армии.

Воспрянь, народ! И твои враги исчезнут, как пыль перед ураганом. Бей, уничтожай без жалости подлых сатрапов, добровольных соучастников тирании; протяни руку тем солдатам, которые, будучи выходцами из твоей среды, не обратят против тебя отцеубийственного оружия.

Вперед! Да здравствует республика!

Члены Временного правительства: Барбес, Вуайе д'Аржансон, Огюст Бланки, Ламеннэ, Мартен Бернар, Дюбок, Лапоннерэ.

Париж, 12 мая 1839 г.

Заседание клуба

II

СТАТЬИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

1. [РЕЧЬ 25 ФЕВРАЛЯ 1848 г.]³⁰

Франция еще не республиканская страна. Совершившаяся революция — счастливая случайность, и ничего больше. Если бы мы сегодня захотели привести к власти людей, скомпрометированных в глазах буржуазии политическими процессами, то провинция испугается; она вспомнит о терроре и Конвенте, вспомнит, быть может, бежавшего короля. Сама национальная гвардия была только нашим невольным соучастником; она состоит из трусливых лавочников, которые могли бы разрушить завтра то, что создали вчера под крики «Да здравствует республика!..» Предоставьте людей из городской ратуши их бессилию: их слабость — верный признак скорого падения. В их руках эфемерная власть; у нас же народ и клубы, где мы его организуем по-революционному, как некогда его организовали якобинцы. Найдем в себе достаточно благоразумия, чтобы подождать еще несколько дней, и революция будет принадлежать нам! Если же мы, как воры во тьме ночной, захватим власть внезапным нападением, кто поручится, что наша власть будет дли-

тельной? Разве кроме нас не найдут энергичные и честолюбивые люди, которые загорелись бы желанием низвергнуть нас подобным же способом? Нам нужны широкие народные массы, предместья, пылающие в огне восстания, нам нужно новое 10 августа³¹. Тогда, по крайней мере, мы будем обладать престижем революционной силы.

2. [О БОРЬБЕ ЗА КРАСНОЕ ЗНАМЯ] ³²

Мы уже не в 93-м году! ³³ Мы в 1848 году!

Трехцветное знамя не есть знамя Республики; это — знамя Луи-Филиппа и монархии.

Под трехцветным знаменем происходила резня на улице Трансноэн ³⁴ в предместье Вез, в Сент-Этьенне. Десятки раз оно обагрено кровью рабочих.

Народ водрузил красные знамена на баррикадах 48-го года, он водрузил их на июльских баррикадах 1832 года, на апрельских 1834 года и на майских 1839 года. Они дважды были освящены: и в поражении, и в победе. Отныне это народные знамена.

Еще вчера они снова победоносно развевались на фасадах наших зданий.

А сегодня реакция постыдно бросает их в грязь и осмеливается бесчестить их своей клеветой.

Говорят, что это знамя кровавое. Оно красно от крови мучеников, сделавших его флагом Республики.

Его падение — оскорбление для народа, профанация его мертвецов. Знамя муниципальной гвардии осенит их могилы.

Реакция уже свирепствует. Ее легко узнать по насилию, которое она творит. Молодцы из роялистской партии рыщут по улицам, оскорбляют граждан и угрожают им, срывая красные банты с их груди. Рабочие, это ваше знамя падает! Погодите! Скоро за ним последует и Республика!

3. [АДРЕС «ЦЕНТРАЛЬНОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА» ПРАВИТЕЛЬСТВУ ОТ 1 МАРТА 1848 г.]³⁵

...Мы твердо надеемся, что правительство, рожденное на баррикадах 1848 года, не захочет следовать примеру своего предшественника и, восстанавливая разрушенные мостовые, не восстановит законов, ведущих к угнетению народа. Убежденные в этом, мы предлагаем Временному правительству наше содействие в осуществлении прекрасного девиза: «Свобода, Равенство, Братство».

Мы требуем поэтому, чтобы в результате победы народа правительство немедленно декретировало:

1. Полную и неограниченную свободу печати.

2. Полную и окончательную отмену налогов, гербового и почтового сборов.

3. Полную свободу распространения печатных произведений всеми возможными способами — путем объявлений, через разносную торговлю, через глашатаев — без каких-либо препятствий или ограничений, без предварительного разрешения.

4. Свободу типографского производства и уничтожение привилегий, предоставляемых патентами, однако с возмещением за эти патенты.

5. Полное освобождение владельцев типографий от ответственности за печатное произведение, автор которого известен.

6. Отмену пункта 291 уголовного кодекса, закона от 9 апреля 1834 г. и официального упразднения всех законов, приказов, декретов, постановлений, эдиктов или других правил, изданных до 25 февраля 1848 г., которые могли бы сузить или ограничить естественное и полное право ассоциаций и собраний.

7. Лишение прав сменяемых и несменяемых судей последних трех царствований.

8. Немедленное вооружение и организацию национальной гвардии из всех без исключения рабочих, как получающих заработную плату, так и не работающих, с возмещением за каждый день их службы.

9. Отмену статей уголовного кодекса и всех специальных законов, воспреещающих рабочие объединения...

4. [ОБ ОТСРОЧКЕ ВЫБОРОВ] ³⁶

(первая петиция)

Граждане, немедленные выборы в Национальное собрание были бы опасностью для Республики.

В течение пятидесяти лет во Франции одна лишь контрреволюция поднимает свой голос. Пресса, которой законы о налогах затыкали рот, проникала только в верхние слои общества, политическое же воспитание масс, проводившееся устным путем, находилось, и теперь находится, в руках врагов Республики.

Внимание народа, в особенности в деревнях, привлекают только знатные представители побежденных партий; люди же, преданные демократическому делу, остаются почти не известными народу. Свобода выборов была бы фиктивной; сплотившиеся против народа враждебные ему силы неизбежно извратили бы его волю.

Могут сказать, что нация будет голосовать подобно огромному собранию, в котором господствует одно мнение, не имеющее противников; но это неверно.

Кто эти люди, которые громко кричат о необходимости немедленного созыва избирательных собраний? Враги республики, те, которые яростно боролись против нее, которые терпят ее как печальную необходимость и которые рассчитывают на ее чрезмерную простоту, чтобы задушить ее в колыбели.

Комедия разыгрывается перед глазами всей Франции. И мы будем одурачены ею, граждане! Наши враги, обезоруженные силой, прибегают к коварству. Они хотят спешно пожать плоды тридцатилетнего беспощадного угнетения.

Подумайте об этом, граждане, и дело 24 февраля не погибнет. Если же в результате выборов, поспешное проведение которых было бы столь же опрометчивым, сколь и несправедливым, Собрание окажется контрреволюционным, Республика не отступит. Сколько же кровавых событий уготовит эта борьба в будущем?

Пусть ваше благоразумие не допустит их.

Помните, что между Собранием, которое может быть избрано завтра, и Собранием, избранным через три месяца,— бездна.

Голосование, проведенное завтра, было бы неожиданностью и ложью; отсроченное на достаточный срок, оно будет свободным, оно будет правдой.

Мы требуем поэтому отсрочки выборов и посланки в департаменты граждан, уполномоченных просветить сельское население.

Манифестация 17 марта 1848 г. за отсрочку выборов .

5. [ОБ ОТСРОЧКЕ ВЫБОРОВ]

(вторая петиция)

Граждане, мы требуем отсрочки выборов в Учредительное собрание и в национальную гвардию. Эти выборы были бы сейчас насмешкой.

В Париже очень незначительное число рабочих внесено в избирательные списки. В урны попадут бюллетени одной лишь буржуазии.

В городах класс трудящихся, приученный к ярму долгими годами угнетения и нищеты, или вовсе не принял бы участия в выборах, или пошел бы голосовать, как слепой, на поводу у своих хозяев.

В сельских местностях все влияние сосредоточено в руках духовенства и аристократии. Своей системой разобщения людей тирания искусно заглушила все непосредственные чувства в сердцах масс. Несчастные крестьяне, доведенные до положения рабов, стали бы служить ступенью для возвышения своих врагов, угнетающих и эксплуатирующих их.

Мы полны негодования при мысли о том, что угнетатели могут таким образом исполь-

зовать плоды своего преступления; было бы святотатством заставлять десять миллионов человек лгать во имя спасения угнетателей и вырывать у них, пользуясь их неопытностью, санкцию на их порабощение. Это было бы слишком наглым вызовом февральским баррикадам.

Народ не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. Это дело не одного дня и не одного месяца. Если в течение пятидесяти лет слово принадлежит одной лишь контрреволюции, то неужели нельзя хотя бы на один год предоставить слово свободе, которая готова разделить трибуну со своим противником, не препятствовать его выступлениям? Надо, чтобы свет проник всюду, в самые маленькие, бедные деревушки, надо, чтобы согнутые рабством трудящиеся разогнули спины и поднялись из того состояния протрации и отупения, в котором держат их под своей пятой господствующие касты.

Не говорите, что наши страхи призрачны. Если выборы состоятся теперь, они будут реакционными. Об этом кричат все. Роялистская партия, единственная организованная благодаря своему длительному господству, будет руководить выборами при помощи интриг, подкупа, используя свое общественное влияние; урны принесут ей победу.

Эта победа повлечет за собой гражданскую войну, потому что Париж — сердце и мозг Франции — не отступит перед угрозой возврата к прошлому. Подумайте о зловещих

последствиях конфликта между парижским населением и Собранием, которое будет считать, что оно представляет народ и которое в действительности не будет представлять его; ибо голосование, которое состоится завтра, будет случайным и ложным.

Пусть же ваше благоразумие охранит Францию от такой опасности. Дайте народу дорасти до Республики; он все еще задыхается в тесных пеленках монархии.

Отсрочка выборов — таков клич парижан.

6. [ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ
КЛУБАМ ПАРИЖА МАНИФЕСТ
ОТ 25 МАРТА 1848 г.]³⁷

Республика будет ложью, если она станет только сменой одной правительственной формы другою.

Недостаточно изменить слова, надо изменить вещи. Республика — это освобождение рабочих, это конец господству эксплуатации, это наступление нового порядка, который освободит труд от тирании капитала.

Свобода! Равенство! Братство!

Этот девиз, горящий у нас на фронтонах зданий, не должен быть пустой театральной декорацией.

Довольно погремушек! Мы больше не дети. Нет свободы, если нет хлеба. Нет равенства, если изобилие выставляется напоказ рядом с нищетой. Нет братства, если работница со своими голодными детьми валяется у ворот дворцов.

Работы и хлеба!

Существование народа не может быть отдано на милость махинаций злой воли капиталистов.

Народные общества, разделяющие эти принципы, призываются избрать по три делегата для создания центрального избирательного комитета. Делегаты соберутся в воскресенье 26 марта, в одиннадцать часов утра, в зале Собраний, улица Пуаре, близ Сорбонны. Допущены будут только делегаты клубов, признанные законными уполномоченными соответствующих обществ.

7. [ПРОЕКТ АДРЕСА ПРАВИТЕЛЬСТВУ] ³⁸

Граждане, народ жалуется на реакционные тенденции части Временного правительства.

Он хочет, чтобы освященная на баррикадах власть держала твердой рукой бразды государственного управления и покончила бы сразу с колебаниями и шатаниями, которые могли бы скомпрометировать будущее республики.

Он требует в качестве срочных мероприятий: 1) удаления из столицы наемных войск; 2) отсрочку выборов национальной гвардии и учредительного собрания. Париж, голова и сердце Франции, должен охраняться только самим населением, всем населением в целом.

А между тем по злой воле некоторых лиц бóльшая часть рабочих еще не включена в списки по проверке легионов и не примет никакого участия в выборе офицеров. Это несправедливо. Так же несправедливо будет проведение выборов национального представительства почти под исключительным влиянием объединившейся аристократии и чиновников Луи-Филиппа.

Это так и будет, однако, если отсрочка выборов не даст народной партии возможности

уничтожить предрассудки и опровергнуть клевету, распространяемую против нее ретроградными партиями, которые в течение пятидесяти лет насильственно присваивали себе монополию политического воспитания масс.

Завтра голосование не будет свободным; оно будет продиктовано господствующими враждебными силами, которые своей хитростью уже давно закабалили бóльшую часть населения.

«Реакционное Собрание не только не восстановит безопасности и доверия, но, развязав гражданскую войну, ускорит потерю правительством его влияния и возможности любовного соглашения с народом.

Народ заклинает свое правительство предупредить это бедствие и, действуя твердо и активно, создать в будущем Национальном собрании однородный республиканский состав, который один может обеспечить благоприятные результаты работы Собрания.

Он готов поддержать правительство на этом пути против попыток и махинаций роялистских партий.

8. ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ ³⁹

Республика, подобно монархии, может укрыть под сенью своего знамени рабство.

Спарта, Рим, Венеция были порочными и угнетающими народ олигархиями. В Соединенных Штатах существует институт рабства.

Формула «Свобода, Равенство, Братство!» могла бы стать такой же ложью, какой является в Хартии истина, гласящая: «Все французы равны перед законом!»

Тирания капитала безжалостнее тирании меча и кадила. Целью февральской революции было разрушить ее. Такова цель и «Центрального республиканского общества», и каждый его член обязуется преследовать эту цель до тех пор, пока она не будет достигнута.

9. [АДРЕС «ЦЕНТРАЛЬНОГО
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОБЩЕСТВА»
ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ
ОТ 20 АПРЕЛЯ 1848 г.]⁴⁰

Полки идут к Парижу. Их приближение сеет тревогу среди патриотов.

Армия не была реорганизована. Ее кадры, созданные испуганной тиранией для убийства, остались теми же, какими были до баррикад.

В самом Париже замаскировавшиеся под республиканцев вчерашние роялисты не скрывают ни своей ненависти, ни своих реакционных планов против тех, кого они называют чернью.

Эти чувства и этот эгоизм могут дорого обойтись Республике.

Народ любит солдат, вышедших из его рядов, но он питает глубокое недоверие к доктрине об их пассивном послушании, которое так часто топило Париж во французской крови.

И зачем стоят в городе наемные войска? Стоит лишь искренне захотеть — и через неделю на страже безопасности и порядка в столице будут стоять триста тысяч вооруженных национальных гвардейцев.

Старые республиканцы должны открыто высказать Временному правительству то, что они думают. А мысли у них горькие.

Достойный сожаления выбор комиссаров, посланных в департаменты, поддержка, оказанная магистратуре и чиновникам Луи-Филиппа, систематическое отстранение старых патриотов, которых агенты власти повсюду изгоняют и выставляют на посмешище роялистов;

непрекращающееся разоружение баррикадных борцов, призыв в Париж наемных войск, место которых на границе;

угроза создания городской гвардии, восстановление жандармерии и муниципальной гвардии под новым названием;

срочный созыв избирательных собраний, которые, находясь под исключительным влиянием реакционеров, смогут создать только реакционное Собрание;

все эти действия, вместе взятые, предвещают новое издание 1830 года.

Народ уже окрестил новое правительство монархической республикой. Не будет ли монархическая республика стоять еще меньше того, чего стоит республиканская монархия?

Мы еще раз взываем к вашему патриотизму, к вашему благоразумию, граждане! Остановите реакцию! Удержите войска вдали от столицы, рассейте угрозу вооруженных репрессий против победившего народа.

10. [АДРЕС ОТ 3 МАЯ 1848 г.
О РУАНСКИХ СОБЫТИЯХ] ⁴¹

Граждане! Контрреволюция искупалась в народной крови. Под суд, немедленно под суд убийц! В течение двух месяцев руанская роялистская буржуазия тайно замышляла устроить рабочим Варфоломеевскую ночь. Она заготовляла большие запасы патронов. Власти знали об этом. То здесь, то там раздавались угрозы смерти — предвестники катастрофы: надо покончить с этим сбродом! Действительно, это сброд, который в феврале, после трехдневного сопротивления буржуазной гвардии, принудил ее подчиниться Республике.

Граждане из Временного правительства, как случилось, что в эти два месяца рабочие Руана и соседних долин не были организованы в отряды национальной гвардии?

Как случилось, что одна лишь аристократия была организована и вооружена?

Как случилось, что в момент выполнения ее ужасного заговора перед нею оказались безоружные люди?

Как случилось, что в Руане был расположен 28-й пехотный полк, этот зловещий герой предместья Вез в 1834 г.?

Как случилось, что гарнизон повиновался приказам генералов, явных врагов Республики, приказам генерала Жерара, этого ставленника Луи-Филиппа, беззаветно преданного ему?

Они жаждали кровавой мести, эти наемные убийцы свергнутой династии! Им нужна была апрельская резня, чтобы утешить себя за второй июль! Не долго пришлось им ждать.

Апрельские дни всего лишь через два месяца после Революции! Торопитесь, граждане из Временного правительства.

Ни в чем недостатка не было на этой новой апрельской арене! — ни в картечи, ни в ядрах, ни в разрушенных домах, ни в осадном положении, ни в жестокости солдатчины, ни в оскорблении мертвых, ни в единодушных оскорблениях газет, этих подлых поклонников силы! Превзойдены события, произошедшие на улице Транснонэн! При чтении гнусных рассказов об этих разбойничьих подвигах кажется, будто вернулись роковые дни, покрывшие некогда Францию трауром и позором. Это все те же палачи и те же жертвы! С одной стороны, бешеные буржуа, подталкивающие на резню глупых солдат, которых они напоили вином и ненавистью; с другой стороны, несчастные, беззащитные рабочие, падающие от пуль и штыков убийц!

В качестве последнего признака сходства — королевский суд, судьи Луи-Филиппа, которые набросились, как гиены, на уцелевших

после бойни и наполнили тюрьмы двумястами пятьюдесятью республиканцами. Во главе этих инквизиторов стоит Франк-Карре, ненавистный генеральный прокурор Парижского суда, этот Лобардемон⁴², яростно требовавший головы восставших в мае 1839 г. Приказы об арестах до самого Парижа преследуют патриотов, бежавших от роялистского террора.

В Руане царит роялистский террор, разве вы этого не знаете, граждане из Временного правительства! В феврале руанская буржуазная гвардия с яростью отвергла Республику. Она проклинает Республику и стремится свергнуть ее.

Все республиканцы были брошены в тюрьмы накануне бойни. Вашим собственным представителям угрожает смерть, они смещены с должностей, они находятся под надзором. Муниципальных служащих Лемасона и Дюрана таскали по улицам в разорванной одежде, угрожая им штыками. Власти мятежников посадили их в одиночные камеры! в старой столице Нормандии восторжествовало роялистское восстание, а вы, республиканское правительство, поддерживаете восставших убийц!.. Что это — измена или трусость? Что вы — их соучастники или безвольные тряпки?

Никакой борьбы не было, вы это прекрасно знаете! Это было убийство! И вы разрешаете прославлять геройские подвиги убийц! Что же, и в ваших глазах, как в глазах

королей, кровь народа — это вода, годная на то, чтобы время от времени омыwać ею загрязненные улицы? Сотрите же, сотрите с ваших зданий эту ненавистную ложь из трех слов, которые вы только что начертали на них: «Свобода, Равенство, Братство!»

Если бы ваши жены, если бы ваши дочери, эти блестящие и хрупкие создания, которые от безделья катаются в роскошных экипажах, разодетые в золото и шелк, были бы вдруг брошены к вашим ногам, пронзенные штыками безжалостных врагов, вы так завыли бы от горя и жажды мести, что вас слышно было бы на краю света!..

Пойдите же, поглядите: распростертые на полу в больницах, на набитых соломой тюфяках в мансардах лежат трупы этих убитых женщин; их груди продырявлены пулями буржуазии, а ведь эти груди, слышите ли вы, вскормили рабочих, от труда которых жиреют буржуа!..

Женщины из народа стоят ваших женщин, и кровь их не должна, не может остаться неотмщенной!

Под суд, под суд убийц!..

Мы требуем:

1) роспуска и разоружения руанской буржуазной гвардии;

2) ареста и предания суду генералов и офицеров буржуазной гвардии и пехотных войск, по приказу которых и под руководством которых происходила резня;

3) ареста и предания суду так называемых членов апелляционного суда, приверженцев Луи-Филиппа, которые были назначены им и которые, действуя от имени и во имя победоносной роялистской партии, арестовали служащих муниципалитета и заполнили тюрьмы республиканцами;

4) немедленного удаления из Парижа пехотных войск, которые реакционеры на происходящих теперь братоубийственных банкетах призывают устроить для парижских рабочих Варфоломеевскую ночь.

11. ОБРАЩЕНИЕ К НАРОДУ ⁴³

Тост 10 февраля 1851 г.

Какой подводный камень угрожает будущей революции? Тот же, о который разбилась вчерашняя революция: плачевная популярность буржуа, переодетых в трибунов.

Ледрю-Роллен, Луи Блан, Кремье, Мари, Ламартин, Гарнье, Пажес, Дюпон (де л'Эр), Флокон, Альбер, Араго, Марраст! ⁴⁴

Мрачный список! Зловещие имена, начертанные кровавыми буквами на всех мостовых демократической Европы.

Временное правительство убило Революцию. На его голову падает ответственность за все несчастия и за кровь стольких тысяч жертв.

Умерщвляя демократию, реакция только занималась своим ремеслом.

Преступление совершили те изменники, которых доверчивый народ согласился считать своими руководителями и которые предали народ реакции.

Презренное правительство! Не слушая криков и просьб народа, оно назначает налог в

45 сантимов⁴⁵, который возмущает охваченных отчаянием крестьян. Оно сохраняет королевские главные штабы, королевских судей, королевские законы. Измена!

Оно преследует рабочих Парижа; 16 апреля оно сажает в тюрьму рабочих Лиможа; 27-го оно расстреливает руанских рабочих; оно спускает с цепи всех их палачей, оно обманывает и травит всех искренних республиканцев. Измена! Измена!

На нем, на нем одном лежит ужасное бремя всех бедствий, почти уничтоживших революцию.

Это большие преступники! И среди них наиболее преступны те, в которых обманутый речами их трибунов народ видел свой меч и свой щит; те, которых он с энтузиазмом провозглашал властителями своего будущего.

Горе нам, если в день грядущего торжества народа забывчивость и снисходительность масс допустит к власти одного из этих людей, изменивших своему мандату! Еще раз с революцией будет покончено!

Пусть трудящиеся всегда помнят список этих проклятых имен; и если хотя бы один, да, хотя бы один, когда-нибудь окажется в правительстве, возникшем в результате восстания, пусть все они в один голос крикнут: «Измена!»

Речи, клятвы, программы опять были бы только плутовством и обманом; те же жонглеры вернулись бы для того, чтобы проделывать те же фокусы; это было бы первое звено

в новой цепи деяний еще более бешеной реакции! Проклятие и месть им, если они посмеют когда-либо вновь появиться! Будет стыдно за глупую толпу и жалко ее, если она еще раз попадется в их сети!

Мало того что февральские фокусники навсегда изгнаны из городской ратуши, необходимо предохранить себя от новых изменников.

Изменниками будут те правительства, которые, будучи подняты народом на щит, не проведут немедленно же:

1) общего разоружения буржуазных гвардий;

2) вооружения всех рабочих и организации их в национальную милицию.

Конечно, необходимо будет провести и еще много других мероприятий, но они естественно будут вытекать из этого первого акта, являющегося предварительной гарантией, единственным залогом безопасности народа.

Ни одного ружья не должно остаться в руках буржуазии; без этого нет спасения.

Сторонники разных учений, оспаривающие теперь друг у друга симпатии масс, сумеют когда-нибудь осуществить свои обещания провести реформы и добиться благосостояния народа, но при условии, если они не бросят добычу ради ее тени.

Они добьются лишь печальной неудачи, если народ, в своем крайнем увлечении теориями, не будет радеть о единственном практическом, надежном элементе — о силе!

Оружие и организация — вот главное орудие прогресса, решительное средство покончить с нищетой.

У кого меч, у того и хлеб! Перед оружием падают ниц, безоружные толпы разгоняют. Франция, ощетинившаяся штыками трудящихся, — это пришествие социализма.

Для вооруженных пролетариев не будет ничего невозможного, исчезнут все препятствия, всякое сопротивление.

Но пролетарии, которые дают себя забавлять смешными прогулками по улицам, посадкой деревьев свободы, звонкими фразами адвокатов, получают сначала святую водицу, потом оскорбления, наконец — картечь; и нищету всегда.

Пусть же народ выбирает!

Тюрьма Бель-Иль-на-море.

10 февраля 1851 г.

Опубликовано «Обществом друзей равенства».

12. [КОММЕНТАРИЙ К ТОСТУ БЛАНКИ 10 ФЕВРАЛЯ 1851 г.]⁴⁶

Да, газеты правы. Так говорили перед 15 мая; это повторение речей Бланки, произнесенных им в его клубе; единодушное «ура», которое вызвало одно лишь появление идей того времени, показывает, какой путь проделала Революция. Это те идеи, которые вызывали возмущение у представителей реакции всех оттенков, начиная от Генриха V до Луи Блана; это те идеи, которые преследуются клеветой, насилием, угрозами, смертью, которые вызвали гнев Временного правительства, происки его полиции, приказы об арестах. Эти идеи потерпели поражение перед численным превосходством врага, а вместе с ними потерпела поражение и демократия; их поражение открыло брешь для волны реакции, которая все еще поднимается. Сколько раз в рядах народа раздавался возглас: «Бланки был прав!» Сколько людей, убедившись в этом на опыте, вспоминало точность его предвидения, его дар ясновидения, который как бы озарял его среди общего ослепления! Часто повторяли: «Он ведь так и говорил!» — и это за-

поздалое признание своего заблуждения, это выражение сожаления и раскаяния было реабилитацией, было публичным покаянием.

И вот пророк снова берет слово. Разве для того он берет его, чтобы показать какие-то неведомые горизонты, открыть какой-то новый мир? Нет, для того, чтобы снова повторить проповеди своего клуба. Все газеты их публикуют. Накануне, быть может, тех же разочарований он повторил те же предупреждения. Опасностям, которые грозят возродиться в том же виде, он противопоставляет свой тревожный клич: «Пролетарии, остерегайтесь!» И тотчас из недр тех же самых партий опять поднимается хор проклятий, предающих его ярости фурий.

Итак, хотят возобновить 48-й год! Ничто не изменилось ни в намерениях, ни в действиях! Есть только программы, т. е. новая ложь, новая мистификация, прелюдия нового отступничества. Те, кто вновь, как в 48-м году, проклиная часового, охраняющего народ, кто вновь, как и тогда, готовятся обмануть народ, те тотчас находят среди заинтересованных лиц всех оттенков своих старых сообщников и как всегда обманывают народ, который постоянно служит им посмешищем, но остается таким же доверчивым, потому что он невежествен и несчастен. И вновь образуется коалиция, поднимающаяся как один человек.

Мы снова будем свидетелями февральских событий. «Нет, нет!» — хором отвечают

плуты и одураченные. Урок принес свои плоды; народ ясно видит, у него теперь есть программы, эти маяки в надвигающейся буре, спасительные огни, ведущие его в гавань.

Скажите-ка лучше, что это блуждающие огни, бросающие его на гибель в волны прибой.

Поговорим об этих рецептах, об этих панацеях, которые выставляются напоказ на столбах большой и малой прессы! Поговорим об управлении народом самого народа и обо всем этом вздоре, обо всех этих шутовских фантазиях, которые бедный народ принимает всерьез и от которых актеры надрываются от смеха за кулисами.

Как не видит пролетарий по тому равнодушию и презрению, с каким наши господа и повелители, так ревностно охраняющие свои привилегии, так сильно опасующиеся за сохранение своего господства, принимают эти прекрасные произведения, что они представляют собой лишь проспекты шарлатанов? Программа! Разве уже забыты речи господ Ледрю-Роллена и Луи Блана, произносившиеся ими перед февралем? Разве на банкетах в Лилле, Дижоне, Шалоне газеты не формулировали устами своих трибунов прекрасный кодекс равенства, который будет освящен на другой день после революции? Во что превратились эти торжественные обязательства?

Да, но никому не известно, как разыгрывается комедия с программами. Вот как она

разыгрывается: поднявшись в Ратушу, господа выбрасывают программы за борт, но в тот день, когда под ударами роялистского сапога они спускаются с лестницы, они поднимают эти грязные лоскуты, сушат, разглаживают, исправляют их и под звуки оркестра показывают изумленной толпе. Какое дело до них реакции? Она слишком хорошо знает цену этим лоскуткам бумаги, чтобы беспокоиться о них. Она знает, откуда они приходят и куда возвращаются в определенный момент. Она спокойно предоставляет скоморохам выставлять их на ярмарочной площади для обмана зевак.

Но пусть только искренний человек, отказавшись от фантастического миража программ, покинув туманное царство утопии, уйдет из области вымысла, чтобы вступить в реальный мир; пусть он произнесет важные и имеющие практический смысл слова: «Разоружайте буржуазию, вооружайте народ,— это дело первой необходимости, единственный залог спасения Революции!»

О, тогда равнодушие исчезает; с одного конца Франции до другого раздаются протяжные вопли ярости. Кричат о святотатстве, об отцеубийстве, о бешенстве. Против этого человека возбуждают гнев, призывают против него силы ада за то, что он скромно, по складам произнес первые слова здравого смысла.

Что это? Забыта июньская драма? ⁴⁷ Забыт обезоруженный, связанный, дрожавший

Париж, которому заткнули рот, который извивался от оскорблений, каких ему не нанесли даже иностранные орды, хозяйничавшие в его стенах. Как! За какую-нибудь унцию пороха, за какую-нибудь рукоятку сабли, за ружейный приклад, найденный в бедной мансарде рабочего, этого несчастного отправляют гнить в тюрьму!

Но, став победителями, вы заколебались, вы не стали беспощадно разоружать касту, которая расправляется с народом только посредством истребления!

Престиж длительного господства этой касты импонирует вам, а воспоминание о ее насилиях обеспечивает ей неприкосновенность. Вы раса рабов, которая не смеет поднять глаза и руки на своих тиранов! Восстав сегодня, вы завтра раскаиваетесь, вы падаете ниц, вы остаетесь коснеть в нужде и рабстве! Не пытайтесь разбить свои цепи! Вам придется снова сковать их своими собственными руками. Не делайте больше революцию, чтобы по крайней мере снасти себя от позора на коленях просить прощения.

13. [ПИСЬМО МАЙАРУ] ⁴⁸

Бель-Иль, 6 июня 1852 г.

Я не спешил ответить вам, мой дорогой гражданин, из страха задеть ваши убеждения, не всегда совпадающие с моими, по крайней мере по форме. Но вы настаиваете на ответе, вы даже, повидимому, склонны приписать мое молчание личному недовольству вами. Я не хочу, чтобы ваше воображение витало неведомо где, и, поскольку вы хотите знать мое мнение, я его выскажу. Мы с вами согласны в главном пункте, я хочу сказать, в практических средствах борьбы, которые в конечном счете являются сущностью Революции. Но практические средства применяются на основе принципов и зависят также от оценки людей и вещей. Здесь мы расходимся в мнениях. Вы обвиняете в февральском поражении лиц, возглавляющих школы: мыслителей, философов, адвокатов, обвиняете разногласия в партии. Из всех этих виновников я принимаю лишь одну группу — адвокатов, и вовсе не как адвокатов, а как весьма значительную фракцию того сброда интриганов, которые поглотили Рес-

публику и, не будучи в состоянии переварить ее, поспешили выбросить ее вѣрхом и низом. Будьте уверены, ренегаты ничего и не предполагали изменить, ничего не думали разрушать; совсем наоборот, у них была одна лишь цель, одно желание — сохранить свои места. Вы считаете их более глупыми, чем они есть. Это общее заблуждение. Все обвиняют скорее их ум, чем их намерения, и, таким образом, постепенно выравнивают им путь для новых плутней. Как можно поверить, что люди, искушенные во всяких политических проделках, могут так грубо ошибаться в азбуке своего ремесла? Если они не сделали Революции, это значит, что они не желали ее делать. Их измена оказалась просто глупостью. Они наконец завладели рулем, они в свою очередь захотели управлять. Глупость их состояла в том, что они вообразили, что будут долго править. Но это неизлечимый недуг властей. Все они считают себя бессмертными.

Вычеркните мыслителей из списка виновных. Никто не испытывал страха в феврале, разве только те, кто боялся потерять свою долю в добыче! Философы совсем не виновны в наших несчастьях, и к тому же теперь больше, чем когда-либо, надо быть философом. Обвинения, бросаемые против главарей школ, это один из видов вероломства партии интриганов. Кто же эти главари школ? Авторы или главные представители разных социальных теорий, которые намереваются перестроить мир на основе справедливости и ра-

венства. Социализм — это вера в новый порядок, который должен выйти из горнила этих доктрин. Они, конечно, спорят по многим пунктам, но преследуют одну и ту же цель; у них одни и те же устремления; они согласны между собой в существенных вопросах; уже теперь их усилия привели к какой-то равнодействующей, хотя и не имеющей вполне определенного характера, однако проникнутой духом масс и ставшей их верой и надеждой, их знаменем. Социализм — это электрическая искра, которая пролетает над народами и возбуждает их. Они оживляются, они воспаляются уже от одного горячего дуновения этих учений: сегодня они вызывают ужас у интриганов, а в скором времени, надеюсь, они станут могилой эгоизма. Главы этих школ, осыпаемые проклятиями, в конечном счете являются первыми революционерами, первыми пропагандистами могучих идей, обладающих преимуществом увлечь народ и бросить его в бурные волны. Не заблуждайтесь, социализм — это революция. Она только в нем. Уничтожьте социализм — и пламя народа погаснет, тишина и мрак опустятся над Европой.

Вы печалитесь по поводу разногласий в рядах демократии. Если вы подразумеваете под этим личную ненависть, ревность, соперничество, честолюбие, я вместе с вами готов заклеить их. Они являются бедствием в нашем деле; но заметьте, что они присущи не только нашей партии, наши противники всех

оттенков страдают от них так же, как мы. Эти разногласия более бурно прорываются в наших рядах только вследствие более экспансивного характера и простых нравов представителей демократического мира. К тому же эта личная борьба происходит от человеческой слабости, этому надо покориться и принимать людей такими, какие они есть. Гневаться на недостатки природы — ребячество, если не глупость. Сильные умы умеют плавать посреди этих препятствий, уничтожить которые никому не дано, а избежать или преодолеть которые может всякий. Подчинимся же необходимости и, сожалея о зле, не остановимся в своем движении. Повторяю, настоящий политик не считается с этими помехами и идет вперед, не замечая камней, которыми усеян его путь. Таким образом, препирательства между представителями разных учений, если, конечно, вы не придаете им слишком большого значения, кажутся мне столь же ничтожными, сколь смешными... Каждое направление, каждая школа должна выполнить свою миссию, должна сыграть свою роль в великой революционной драме, и если это многообразие систем кажется вам пагубным, вы, следовательно, отрицаете неопровержимую правду: «Только в споре рождается истина». Эти теоретические дебаты, этот антагонизм школ представляют собою наибольшую силу республиканской партии; в этом ее превосходство над другими партиями, находящимися в состоянии покоя и окаменев-

шими в своей старой неподвижной форме. Мы — живая партия; мы в движении, у нас есть душа, у нас есть жизнь; остальные только трупы. А вы еще жалуетесь, что живете полнокровной жизнью, а не окаменели и не лежите в могиле!

Вернемся к вопросу о ваших убеждениях: вы называете себя *революционным республиканцем*. Остерегайтесь называть себя этим именем, чтобы не оказаться обманутым. Как раз это имя *революционного республиканца* стараются присвоить себе люди, которые не являются ни революционерами, ни даже, — быть может, республиканцами, люди, которые погубили и Революцию, и Республику. Они противопоставляют это имя имени социалиста, которое они предают анафеме и которое они, однако, не колеблясь, принимали, как только народная волна двигалась в сторону социализма и когда казалось, что социализм накануне своего торжества. С тех пор как после поражений мы опустили знамя социализма, они отреклись от него, они оплевали его. Я вспоминаю время, когда Ледрю-Роллен⁴⁹ считал себя бóльшим социалистом, чем Прудон или Кабе, и позировал в роли Дон-Кихота социализма. Это время ушло далеко. Мы потерпели поражение во многих битвах, в результате которых с авансены были изгнаны передовые доктрины. Теперь Ледрю-Роллен и его друзья предают социализм анафеме и приписывают ему все наши несчастья. Это низкая ложь.

Вы говорите: я не *буржуа* и не *пролетарий*, я *Демократ*. Осторожнее со словами, лишенными определенного смысла, они являются излюбленным орудием интриганов. Я прекрасно знаю, кто вы, я это ясно вижу по нескольким отрывкам из вашего письма. Но вы приклеиваете к своим взглядам фальшивую этикетку, заимствованную из фразеологии фокусников, что не мешает мне прекрасно видеть, что у вас и у меня одни и те же идеи, одни и те же взгляды, ничего общего не имеющие с идеями интриганов. Это они изобрели прекрасный афоризм: не *пролетарий*, не *буржуа*, но *Демократ*. Что же такое *Демократ*, скажите, пожалуйста? Это неясное, банальное слово, не имеющее точного смысла, каучуковое слово. Какие только мнения не могут скрываться под этой вывеской? Все считают себя *Демократами*, особенно аристократы. Разве вы не знаете, что господин Гизо⁵⁰ демократ? Плутам нравится эта неясность, она им на руку; они испытывают ужас перед точками над и. Вот почему они упраздняют термины «*пролетарий*» и «*буржуа*». Эти термины имеют ясный и точный смысл, они решительно обозначают вещи. А это вот им и не нравится. Они отвергают их как слова, провоцирующие гражданскую войну. Неужели этого не достаточно, чтобы открыть вам глаза? Что, если не гражданскую войну, мы так давно принуждены вести? И против кого? Ах! Вот именно этот-то вопрос и стараются затемнить непонятными

словами, потому что дело состоит в том, чтобы помешать двум враждебным знаменам открыто стать друг перед другом с той целью, чтобы можно было после боя обманом захватить у тех, чье знамя победило, блага победы и дать возможность побежденным незаметно превратиться в победителей. Не хотят, чтобы противные лагеря назывались своими настоящими именами: *Пролетариат* и *Буржуазия*. А между тем у них нет других имен.

Разве не верно, что в нашей нации существует известный класс, если хотите, значительно менее определенный, чем дворянство или духовенство, но, однако, очень отчетливый и прекрасно известный всем под именем класса буржуазии? В него входит большинство лиц, владеющих известным достатком и образованием: финансисты, торговцы, землевладельцы, адвокаты, врачи, лица судейского звания, чиновники, рантье, все лица, живущие на свои доходы или эксплуатацией трудящихся. Прибавьте к этому довольно большое количество зажиточных, но не имеющих образования сельских жителей, и у вас получится цифра, быть может, до 4 миллионов человек. Остаются 32 миллиона пролетариев, не имеющих собственности или, по крайней мере, значительной собственности и живущих на скудный продукт своего труда. Между этими двумя классами происходит жестокая война, которая забросила вас в Испанию, а меня на Бель-Иль. Под каким знаменем

сражались мы, если не под знаменем пролетариата? Между тем по своему происхождению, по своему воспитанию я буржуа и, быть может, вы тоже. Хвала небу, в пролетарском лагере много буржуа. Это они составляют главную, или по крайней мере наиболее стойкую, его силу. Они вливают в него контингент просвещенных людей, которых народ, к несчастью, не может еще доставить. Буржуа первые подняли знамя пролетариата, это они сформулировали учение о равенстве, они пропагандируют его, поддерживают его, поднимают его после падения. Повсюду буржуа руководят народом в его битвах против буржуазии. Вот, действительно, то, что позволило плутам внушить доверие к их коварной аксиоме: «Не Буржуа! Не Пролетарий! Но Демократ!» Как! Из того только, что среди блуз встречается много сюртуков и что еще большее количество блуз сражается за плату на стороне сюртуков, делать вывод, что между массой буржуазии, с одной стороны, и пролетарской массой — с другой, т. е. между доходом и заработной платой, между капиталом и трудом не ведется борьба? Но ведь много дворян, и священников приняло участие в первой Революции⁵¹; так можно ли из этого сделать вывод, что Революция не была направлена против духовенства и дворянства? Кто осмелится поддерживать такую глупость? Несчастье нашей партии в том, что союз большинства буржуазии с трудящимися — не

искренний союз. Честолюбие, алчность толкают буржуа в лагерь пролетариев, поднявшихся против угнетения. Они становятся во главе их, ведут их на штурм правительства, захватывают власть, начинают управлять страной, окапываются и, превратившись с этого момента в консерваторов, обращаются против бедного народа, который чувствует себя сбитым с толку, видя, как его вчерашние генералы превращаются в его палачей.

Эта постоянно возобновляемая мистификация ведет свое начало от 89-го года. Средний класс побудил народ выступить против дворянства и духовенства, победил их и занял их место. Все казалось ему законным для захвата наследства побежденных каст, а затем все кажется ему законным для сохранения этого наследства и для того, чтобы держать под новым ярмом пролетария, который упорно сопротивляется этому. Как только старый порядок был свергнут совместными усилиями, началась борьба между двумя союзниками-победителями, между Буржуазией и Пролетариатом. Теперь эта борьба достигла как раз уровня борьбы 89-го года. Читать историю первой революции — то же, что читать современную историю. Сходство полное: те же слова, то же положение, те же эпитеты и те же перипетии, точная копия. Только Буржуазия лучше использовала опыт, чем Пролетариат. Вы теперь встретите людей того времени, этих мнимых друзей народа, которые попросту стремятся занять место изгнанных.

эксплуататоров. Наши так называемые мон-таньяры⁵² с Ледрю-Ролленом во главе — точная копия своих предшественников — жирондистов. Правда, они приняли девиз и знамя старой Горы; они клянутся только Робеспьером и якобинцами. Но так нужно. Как можно было бы обманывать без этого? Обычная хитрость интриганов — водружать народное знамя. Массы доверчивы и легковерны, они легко поддаются громким словам и широким жестам. А теперь им стараются навязать и сбить их с толку широковещательными банальностями вроде названий: *Революционные Республиканцы! Демократы!* Зато горячо отвергаются точные термины, которые резко определяют и объясняют положение: *Буржуа! Пролетарии!* Не позволяйте обманывать себя. Оставайтесь в своем лагере и носите свою кокарду. Вы пролетарий потому, что вы стремитесь к действительному равенству среди граждан, к свержению всех каст и всякого рода тирании. Чем должна быть Революция? Уничтожением существующего порядка, основанного на неравенстве и эксплуатации, гибелью угнетателей, освобождением народа от ига богатых. И что же! Так называемые революционные республиканцы или демократы ничего подобного не желают. Они это доказали в феврале. Не верьте тому, что тогда они не знали, как надо свергать; они не хотели этого; они еще больше не хотят этого теперь, они насмеваются над нами, эти эгоисты, готовые наброситься на новую добычу

с криками: отойди отсюда, я займу это место! Глупцы! Они еще раз и навсегда погубили бы Революцию. Вы ведь знаете, что каждая неудача влечет за собой еще более ужасную реакцию. Кроме того, вы видели всех этих людей в деле в течение четырех лет, судите же о будущем по прошлому. Только так и должен поступать мудрец.

Я не француз и не испанец, говорите вы, я космополит. Прекрасно! Я тоже, но еще раз берегитесь мистификации! С вашим энтузиазмом космополита вы как раз связали себя с наиболее эгоистическим националистом во всей Европе — с Мадзини⁵³.

...Как можно читать без негодования поток его гнусной и смешной брани против социальных идей? Можно ли поверить, что человек, который обвинил социализм в поражении Декабря⁵⁴, не был бы всеми освистан! Какой наглый шарлатан! Какая глупая публика! Как, Пьер Леру⁵⁵, Л. Блан и Кабе⁵⁶ были побеждены в бою 1851 г.! Если в Ньевре, Алье, Саон-и-Лауре, в Юре, Дроме, Ардеше, Варе, Эро, Гаре, Жере в Ло-и-Гаронне и т. д. тысячи вооруженных людей бежали перед треуголкой жандарма или перед помпоном какого-нибудь солдата — в этом вина социализма? Какая насмешка! И это безнаказанно рассказывается перед всей Европой. Здесь преступление совершают обвинители, честь принадлежит обвиняемому! Социализм поднял народные массы, а политические вожди не сумели использовать их для дела. Что де-

лали в Лондоне, в Швейцарии и в других местах господ Ледрю-Роллены и Компания во время этих двенадцати дней смертельных боев? Почему не поспешили они на поле битвы, чтобы бросить на чашу весов свое имя и свою огромную популярность? Их присутствие соединило бы эти покинутые массы, оставшиеся без направления, укрепило бы их дух, деморализовало бы армию и победа была бы одержана. Но нет! Эти господа, как настоящие претенденты на престол, величественно ждали в Лондоне, когда, одержав без них победу, народ придет и смиренно положит к их августейшим ногам свою победу и свою власть. Социализм исполнил свою миссию и сыграл свою роль. Люди же не сумели сыграть своей роли. Если бы вдруг появился человек, который был бы в состоянии поддержать эти массы, организовать их, повести их на врага, то неужели кто-нибудь стал бы интересоваться теми или другими оттенками его взглядов? Неужели потребовали бы от него удостоверения в том, является ли он коммунистом, ролленистом или прудонистом? Если бы даже теперь явился человек, который сумел бы увлечь крестьянство, сгруппировать его, дисциплинировать его и превратить беспорядочную толпу в армию, то разве мы вздумали бы допытываться, каковы оттенки его социалистического или республиканского мировоззрения?

Декабрьское движение потерпело неудачу по чисто военным причинам. Когда настало

время сражаться, не оказалось ни генералов, ни солдат, были только растерявшиеся войска. Как вы рассказываете, везде обнаружилось слабость, колебание, перепуг, неспособность, глупость. Главы школ ни в чем не повинны в этом бегстве. Мадзини, быть может, станет утверждать, что жалкая роль инсургентов в этой кампании зависит от самой сущности социалистических проповедей и что нельзя черпать самоотверженность и храбрость в религии желудка, в доктринах о материальном благополучии, о своекорыстии и т. д. Но прежде всего, без социализма никто бы вообще не поднялся, и это сильно упростило бы положение вещей. Мадзини забывает, что никакое влияние в мире не может в настоящее время привести в движение пролетария, кроме влияния социальных идей, что время религиозного фанатизма прошло, что нельзя больше пустыми формулами, чудесами и невразумительными догмами вызвать движение народов. Можно подумать, что он сожалеет о веках суеверия и идиотизма, когда отупевшие массы поднимались по зову священника, чтобы убивать себе подобных в честь Иисуса и святой девы...

Я не перестаю удивляться, что вы нашли какую-то аналогию между моими идеями и идеями Мадзини. Прежде всего, у Мадзини нет ни малейшей революционной или другой идеи, кроме идеи независимости и преобладания Италии. Вне этого нет ничего. Я спрашиваю вас, что нам до итальянской независимо-

сти, если она в то же время не установит строй равенства и братства, который является единственной нашей религией?...

Этот человек хочет воспользоваться нами против нас же; он не только враг нашей страны, он также враг наших убеждений, нашей социальной веры. Он рассчитывает внедрить в своей стране эксплуатацию буржуазии, подобно той, которая — вот уже 22 года — вызывает у нас гнев и заставляет нас братья за оружие. Вы, быть может, думаете, что я клевету на него. Почитайте же его послания, попытайтесь отыскать в них что-нибудь, кроме смутной и бессодержательной декламации, пустой фразеологии, какого-то многословия, лишённого идей, каких-то общих мест о демократии, ничего не говорящих, ни к чему не обязывающих громких слов — вера, преданность, Революция — без единой положительной мысли. Тьер⁵⁷ в своей оппозиции мог бы подписаться под этими избитыми истинами. Разве подобным жужжанием можно поднять массы во Франции? Они, слава богу, выше этого. Они понимают Революцию так, как ее надо понимать и какую мэтр Мадзини не хочет признавать ее. В нашей стране народ уже не восстанет во имя пустых фраз, хотя бы слово «Революция» звучало с одного ее конца до другого. Крестьяне только тогда начали волноваться, когда они придали весьма конкретный и весьма решительный смысл слову «Революция». Война дворцам! Долой богачей! Смерть эксплуа-

таторам! Вот каков клич крестьян, вот как они переводят слово «Социализм». Эти крики приводят в ужас Мадзини и ему подобных... Франция далеко ушла вперед от остальной Европы: она уже прошла те этапы, которые должны еще пройти наши соседи. Слова «Революция» и «Революционер» не имеют, следовательно, одного и того же смысла в наших устах и в устах большинства иностранцев. Почти все они находятся на стадии борьбы буржуазии против королей, дворян и духовенства. Некоторые из них, венгры, поляки,— просто аристократы, борющиеся за свою национальность против иностранных завоевателей. У нас же духовенство, дворянство почти исчезли, им пришлось смешаться с Буржуазией для общей борьбы с Пролетариатом. Короли, дворяне, священники, буржуа объединились против трудящихся. Во время последнего восстания войска Бонапарта повсюду получали помощь от буржуазии, без нее он потерпел бы поражение⁵⁸. Несомненно, что некоторое число буржуа было с народом, но это были исключения, которые лишь подтверждают правило. Финансисты, купцы, землевладельцы, адвокаты в массе своей были повсюду против движения. Говорят, что теперь Буржуазия ведет борьбу с властями; но она это делает не ради наших прекрасных глаз, а во имя Бурбонов, старших и младших.

Мадзини яростно поносит материализм социалистических учений, превозносящих материальные запросы, призывающих к эгоисти-

ческим интересам; он громит унижительную и деморализующую теорию материального благополучия. Итак, разве вы не видите, что эта попросту контрреволюционная декламация? Что же такое Революция, если не улучшение судьбы масс? И как глупы эти выпады против доктрины интересов. Интересы индивидуума — это ничто, но интересы целого народа поднимаются на высоту принципа; интересы же всего человечества превращаются в религию.

Разве когда-нибудь народы действуют во имя чего-либо другого, кроме своих интересов? Призыв к свободе — это в то же время и призыв к эгоизму, так как свобода — это материальное благо, а рабство — это страдание. Бороться за хлеб, т. е. за жизнь своих детей, — еще более священная цель, чем бороться за свободу. К тому же оба эти интереса смешиваются и образуют поистине лишь один интерес. Голод — это рабство. Разве свободны этот рабочий, этот крестьянин, которых нищета превращает в вьючных животных, эксплуатируемых фабрикантом и землевладельцем? Поговорите-ка с этими несчастными о свободе. Они вам ответят: свобода — это хлеб на столе. Мы говорим им: свобода — это благосостояние! Разве мы не правы? Мы не обращаемся ни к неграм, ни к товарищам Спартака, мы обращаемся к рабам, пользующимся среди страданий рабства видимостью свободы. Их надо заставить разбедить свои раны, объяснить им узел загад-

ки для того, чтобы они разрубили его мечом. Пусть Мадзини распекает нас, сколько хочет, по поводу восстания во имя удовлетворения своих материальных запросов, своих аппетитов. Никогда и не было иначе. Но, скажут, разве религиозный фанатизм не является благородной и бескорыстной побудительной причиной? Крестоносцы боролись за вечную жизнь, следовательно, у них был самый прожорливый аппетит.

...Прощайте, мой дорогой гражданин, вы хотели знать мое мнение. Я высказал его прямо и чистосердечно, хотя несколько длинно и тем менее скрывал его, что очень сожалел о вашем присоединении к Мадзини, о чем вы писали ему. Говорю вам откровенно, вы не с его берега, вовсе нет. Вы считали его не таким, какой он есть, и вы сами себе даете такие названия, какие вам не подходят. Вы *социалист-революционер*, нельзя быть *революционером*, не будучи *социалистом*, и наоборот. Однако есть *миролюбивые социалисты*, кабинетные люди мирного характера, выбивающиеся из колеи шумом битв, люди, которые являются революционерами только по своим идеям. Вообще, главы школ — это люди такого именно склада, но это еще не значит, что они меньше служат Революции. У них заимствуют только их идеи и оставляют при них их темперамент. Что же касается практического социализма, он не принадлежит какой-либо особой секте или религии. Он берет из каждой системы все то, что ему

подходит, у него нет пристрастия к какой-либо одной школе, он хочет свергнуть существующий порядок не на авось и не для интриги, но во имя вполне установившихся принципов, с твердым решением построить будущее на новых основаниях просвещенного, развитого и определившегося ходом событий социализма.

Вы и я — мы из этой категории вместе с 999 тысячами социалистов, с рабочими и крестьянами, но не с монтаньярами, у которых совершенно другие чувства и мнения и которые называют себя, подобно Ледрю-Роллену, *Революционными Республиканцами*.

За четыре года они показали нам, на что они способны. Я знаю, чего они хотят: возобновить Февраль, и ничего больше; это любители получать 25 франков в день за заседания в Законодательном собрании, 40 франков за заседания в префектуре, или же любители носить парадные мундиры, но больше всего любители получать жалование. Если интриганам удастся переиздать их февральскую мистификацию, мы погибнем. Это новое поражение приведет в Париж Николая⁵⁹. Уцелевшим не останется больше ничего, как отправиться в Америку. Но в будущей Революции я рассчитываю на крестьян, чтобы перехитрить хитрецов. Последние это хорошо знают и боятся. Страх — вот ключ к их поведению в последние годы. Гора и пресса испытывают священный трепет перед чернью. От перспективы Революции, сделанной Улицей, у них

всегда мороз по коже подирает. 31 мая их поведение определяется двумя словами: трусость и измена! Они чувствовали себя между молотом и наковальней, они тонули в победе, как тонули в поражении. Они прекрасно умели маневрировать, чтобы скрыться от шквала и сохранить свои 25 франков.

III

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ «СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ»⁶⁰

Том I

1. РОСТОВЩИЧЕСТВО

Личная независимость была принесена в жертву разделению труда, что явилось неизбежным его следствием. Произошло это внезапно? Нет! Никто бы на это не согласился. С чувством личной свободы связан такой острый вкус наслаждения, что ни один человек не променял бы его на позолоченные цепи цивилизации.

Тому прекрасный пример дикари, которых европейский мир пытается приручить. Бедные люди! Оплакивая утерянную свободу, они облачаются в саван и предпочитают смерть рабству. Чудеса роскоши, которые кажутся нам столь обольстительными, не соблазняют их. Они недоступны их уму, превосходят их потребности, расстраивают их жизнь. Дикари воспринимают их как какие-то враждебные им странности, вонзающиеся острием в их тело и душу. Несчастные племена, которые мы захватили при вторжении в американские пустыни и на отдаленные острова Тихого океана, исчезнут от смертоносного соприкосновения с нами.

В течение почти четырех веков наша проклятая раса уничтожает все, что ей попадает, — людей, животных, растения, минералы. Вымирает порода китов, которых истребляют бессмысленной охотой на них. Леса хинного дерева уничтожаются. Топор валит эти деревья, но никто не насаждает новых, никого не касается, что лихорадка и в будущем не исчезнет. Залежи каменного угля растрачиваются с варварской небрежностью.

Когда вдруг были обнаружены люди, одним своим видом рассказывающие нам о первых временах нашего пребывания на земле, необходимо было, хотя бы во имя науки, с сыновней заботливостью сохранить эти оставшиеся в живых образцы наших предков, драгоценные образцы первобытных веков. Мы же стали убивать их, а среди христианских держав найдется кому погубить их окончательно.

Мы ответим перед историей за убийство. Она скоро станет обвинять нас в преступлении со всей силой новой, более высокой морали. Неизмерима будет ненависть, сильны проклятия, которые будут посылать христианству, убивавшему эти безоружные существа под предлогом обращения их в новую религию, меркантилизму, калечащему и отравляющему их, народам, которые смотрят на эту агонию сухими глазами.

Несчастные не сумели уподобиться нам. Их ли это вина? Путем незаметных переходов прошло человечество бесчисленные эта-

пы, отделяющие его зрелый возраст от его колыбели. Тысячи веков лежат между этими двумя периодами. Ничего не произошло внезапно ни у людей, ни в природе, разве только катастрофы, которые разрушают и никогда ничего не создают.

Даже революции, кажущиеся столь внезапными, подобны в своем развитии превращению куколки. Они вызревают под лопнувшей оболочкой. Их развитие всегда свободно, в отличие от завоевания, происходящего в результате вторжения грубой силы, которая все расстраивает и разрушает, ничего не улучшая. Естественная эволюция расы, племени представляет собою нечто совсем иное, она совершается постепенно, незаметно, подобно росту растений.

Система разделения труда пришла на смену индивидуальному изолированному труду через изменения в его формах, происходившие в течение огромного периода времени. Каждый шаг на этом пути люди приветствовали как желанную, долгожданную победу, и, таким образом, перемена совершилась постепенно, пройдя через длинный ряд поколений, не задевая нравов, обычаев, ни даже предрассудков.

Несомненно, это был определенный прогресс... но какова цена его? Полный отказ от личной независимости, взаимное порабощение под видом солидарности, общественные узы, связывающие по рукам и ногам. Отныне никто не может заботиться об удовле-

творении своих нужд самостоятельно, его существование зависит от милости его ближних. От них ему приходится ждать свой хлеб насущный и почти все другое, необходимое ему для жизни, ибо сам он может заниматься только одним каким-нибудь видом производства. При этих условиях качество труда закабаляет человека, и по мере того, как, благодаря усовершенствованию орудий производства, усиливается разделение труда, человек оказывается все более прикованным к своему ремеслу.

Известно, каково положение вещей в настоящее время. Есть люди, которые проводят всю свою жизнь, трудясь над изготовлением острия иголки и булабочных головок.

Понятно, что это положение налагает на граждан серьезные обязанности. Если каждый посвящает себя какому-нибудь одному несложному занятию, то почти весь продукт его труда бесполезен для него самого. Этот продукт в чрезвычайно малых количествах будет полезен множеству других индивидуумов. А эти потребители все вместе обязаны, следовательно, удовлетворять нужды того, кто работал для них.

Таким образом, общество зиждется на обмене. Закон, регулирующий его условия, должен быть законом о взаимопомощи, строго соответствующей справедливости, ибо эта взаимопомощь является теперь вопросом жизни и смерти для всех и каждого. Если натуральный обмен удовлетворял людей

первобытной эпохи, когда потребление ограничивалось весьма малым числом крайне необходимых предметов, он становится совершенно негодным при огромном количестве продуктов усовершенствованной индустрии.

Неизбежно было появление посредника. Особые свойства драгоценных металлов должны были очень рано привлечь к себе внимание людей. Появление денег относится к незапамятным временам. Предполагают, что они появились приблизительно в бронзовом веке. Впрочем, это не имеет никакого экономического значения и интересует только археологию. Для нас важно то, что, как показал приобретенный опыт, польза, принесенная деньгами, обошлась людям весьма дорого. Деньги создали ростовщичество, капиталистическую эксплуатацию и ее злосчастных дочерей — неравенство, нищету. Одна только идея бога оспаривает у них лавры за принесенное ими зло.

И как могло быть иначе? Когда появились деньги, перед человечеством было открыто два пути: путь братства и путь эгоизма. Правый путь скоро привел бы человечество ко всеобщему объединению. Грабительский дух создал бесконечный ряд бедствий, оставивших следы во всей истории человеческого рода. Между этими двумя дорогами — ни одной тропинки. При индивидуальном способе производства честный обмен, на паритетных началах, без налога на деньги обрек бы род человеческий на бездеятельность. Еще

и теперь он привел бы к такому же результату.

Можно предположить, что в сложном производстве, требующем значительных запасов материалов и орудий, люди почувствовали бы необходимость в объединении своих усилий. До тех же пор, пока простые орудия давали производителю возможность получать путем обмена необходимые для его работы и его существования предметы, люди держались этого способа производства. Но человек по природе своей стремится к совершенствованию. Требования более развитой индустрии заставили бы объединить усилия отдельных лиц, и когда трудящиеся стали бы получать полностью продукт своего труда, вскоре воцарилось бы общее благоденствие. Его следствием явился бы все усиливающийся рост населения, рост благосостояния, распространение просвещения, все более увеличивающаяся сеть разных объединений и, наконец, довольно быстрое осуществление полной ассоциации без деспотизма, без принуждения, без какого-либо гнета.

Жадность разбила эту прекрасную мечту. Накопление капитала произошло не через ассоциацию, а путем индивидуальных захватов в пользу меньшинства и в ущерб большинству.

По совести говоря, разве в давние времена эта мечта о братстве не была иллюзией, утопией? Могла ли существовать в века темноты и дикости борьба между верностью и

изменой? Люди того времени не знали иного права, кроме силы, иной морали, кроме успеха. Вампир набросился на свои жертвы и беспощадно высасывал их кровь. Ростовщичество стало общим бичом.

Его происхождение теряется во мраке прошлого. Эта форма грабежа не могла появиться до того, как вошли в употребление деньги. При натуральном обмене ростовщичество было невозможно даже при разделении труда. Никакой письменности, конечно, не существовало тогда. Она сохранила бы воспоминание об этом важном нововведении. Предание же молчит.

Ростовщичество было не необходимым злом, думать иначе значило бы явно признать фатализм, но оно было злом неизбежным. О, если бы орудие обмена приносило с самого начала свои плоды по справедливости, если бы оно не извратилось, не уклонилось от своего назначения!.. Но «если бы»... это звучит глупо. Превращать настоящее в обвинительный акт⁶¹ против прошлого — не менее абсурдно, чем делать из прошлого правило, или, вернее рутину для будущего.

Каждая эпоха имеет свойственное ей одной устройство, свой особый образ жизни и составляет часть общей жизни Человечества. Это вовсе не фатализм. Ибо скромность или распущенность века отражается на здоровье рода человеческого. Только Человечество, как множественное существо, может излечивать болезни, расквитавшись с ними тыся-

челетиями лечения в больницах. Каждый же человек в отдельности рискует своей жизнью.

Праздное и смешное занятие — выразить сожаление по поводу злоупотребления средствами обмена. Признаться ли? Это была невыгодная сторона выгоды, это было искупление, как сказали бы христиане, эти доктринеры страдания, это была замена убийства мошенничеством... это был прогресс. Воцарилась династия его величества императора Экю. В течение долгого времени она ловко обворовывала и держала в тисках мир. Она царила в течение почти всей жизни человечества, оставаясь неподвижной, неоспоримой, пережив империи, республики, нации и даже расы.

Теперь впервые она столкнулась с возмущением своих жертв. Но такой древний и могущественный монарх насчитывает больше слуг, чем врагов. На выручку ему сбегаются во множестве кадилоносцы с кадилом и музыкой, с криками и песнями: «Осанна! Слава золотому тельцу, отцу изобилия!» Строгий анализ воздаст по справедливости этим хвалебным песнопениям и, сняв с государя мишуру, покажет его голым, таким, каким он есть: карманным вором...

2. КАПИТАЛ — СИНОНИМ РОСТОВЩИЧЕСТВА

Капитал — это только деньги, которые ростовщичество высасывает через тысячи и тысячи каналов. Сколько бы политическая экономия ни изощрялась, сколько бы ни мудрила, ни изворачивалась, сколько бы ни язвила, ее определения капитала лживы.

Удивительно даже, что ее смелость создает какую-то иллюзию. Это простодушие объясняется только невниманием и безразличием. Прибавим, что у заинтересованных лиц иллюзия — чистое притворство. Вопрос не выдерживает и часа испытания. Обиходный язык сразу разрешает его и постоянно изобличает иезуитскую запутанность экономистов.

Капиталы — термин, употребляющийся всеми устно и письменно. Что он означает для общества? Домá? Орудия производства? Продовольствие? Одежду? Короче, какие-нибудь товары? Нет, никогда! Капиталы означают золото, серебро, банковые билеты, ценные бумаги, обмениваемые на звонкую монету. И ничего другого.

Политическая экономия отвечает увертками,

рассуждениями, определениями, целым аппаратом буквоедства. Согласно ей, капитал — это вовсе не деньги, а совокупность продуктов, нужных для производства, необходимые для него орудия и всякого рода запасы, предназначенные для трудящихся. Уловка. Все это покупалось на деньги для определенного предприятия, а вовсе не накапливалось издавна, понемногу и не сберегалось для выполнения задуманной цели. Назвать эту совокупность вещей *капиталом*, исключив деньги, от которых они происходят, — это жалкая двусмысленность.

Какой аргумент неизбежно приводится, когда кричат народу, что его волнения гибельны для него самого, лишая его средства к жизни?

«Вы наводите ужас на *капиталы!* *Капиталы* прячутся. *Капиталы* убегают! Разве дома, поля, товары, орудия и т. д. прячутся, улетучиваются на другой день после революции? Убегают, закапываются в землю, исчезает звонкая монета. Ее большая ценность и малый объем облегчают это передвижение. Отверстие в стене, яма в погребе, в саду... и огромные суммы исчезают в мгновение ока, без чьего-либо ведома.

Нужно ли говорить об этом публике? Она посмеется над профессором. Как можно считать ее столь глупой, чтобы убеждать ее, что *капиталы* и *капитал* не одно и то же? Тут вся разница сводится к различию между единственным и множественным числом. Нигде это

выражение *капиталы* не имеет иного смысла, кроме значения звонкой монеты или ценных бумаг. Как осмеливается политическая экономия утверждать, что капитал и деньги — это две различные вещи, смещение которых является опасностью и ересью? Деньги не всегда играют роль капитала. Но капитал — это всегда деньги.

Мы иногда читаем в газетах: «Такая-то великолепная страна (если хотите — населенная страна) обладает множеством ресурсов. Ей нехватает лишь *капиталов* для развития ее естественных богатств». В чем смысл этих слов? Если страна обладает столькими естественными ресурсами, если у нее хорошие земли, леса, прекрасное солнце, обильные дожди и если в ней есть руки для работы, зачем нужны ей чужие капиталы? Ведь она владеет, по вашему мнению, наилучшим капиталом — землей и всем, что земля способна производить. Пусть работают руки, и богатство появится!

«Да, но, — говорят, — нужны *авансы*». Вот еще каббалистическое слово *авансы*! Давала ли когда-нибудь политическая экономия точное определение того, что она понимает под *авансами*? Она, по своему обыкновению, наводит туман. «Авансы, — говорит она, — это накопление труда, продукты, сбереженные и положенные в запас для того, чтобы удовлетворить потребление производителей, и т. д.» То есть политическая экономия повторяет для слова *авансы* определение слова *капитал*, ту-

манную, непонятную, педантичную и лживую фразеологию, какие-то иероглифы и мистификации.

Говорите ясно! Не надо запутанных формулировок, не надо пустословия. Мы говорим: «*Авансы* — это эю, и ничего больше». Конечно, материалы, орудия производства, провизия для рабочих и т. д. — вещи необходимые. Но могут ли, должны ли эти вещи называться *капиталом*? Нет, тысячу раз нет! Могут ли они называться *авансами*? Нет! Еще менее того. Потому что здесь это слово имеет особое значение, здесь оно было бы совершенно лживым.

Когда говорят, например, что «английские и французские капиталы дадут, наконец, возможность России провести у себя сеть железных дорог», ясно, что эти капиталы составляют *авансы*, необходимые для выполнения этого предприятия. Неужели же станут переправлять из Англии или из Франции в Россию *накопленные продукты*, орудия производства, сырье, запасы и т. д., все предметы, будто бы приготовленные издавна и отложенные во Франции и в Англии для этого назначения?

Вы, конечно, никому не скажете этого? В Россию везут звонкую монету, этого биржевого маклера, вот и все. Как только он прибывает, все нужные для работ материалы сбегаются ему навстречу. Орудия производства покупаются на месте. Только паровозы будут привезены извне, потому что в России

их не строят. Вагоны будут сделаны из русского дерева и русскими орудиями. Если рельсы не все изготовляются на месте, они будут ввезены из других стран.

Но какие бы ни были орудия, местные или привезенные, они не будут собраны заранее, без вмешательства денег. Капитал-деньги найдут их по своему приказанию на другой же день после своего прибытия.

Что касается продуктов питания, одежды и т. п. для трудящихся, то ни одного атома их не прибудет из-за границы. Все будет доставлено страной, и не потому, что они будут в большом количестве приготовлены в ней заранее. Отнюдь нет. Никакого накопления, никакого сбережения и ничего подобного. По зову монет все эти продукты появятся в массе, никем не будучи скоплены. Они будут созданы и появятся тотчас же по мере нужды в них, не раньше и не позже. Как только у рабочих появятся эцю в карманах, продукты, одежда и жилища окажутся тут же.

Итак, ваши капиталы, окрещенные именем сбереженных, накопленных инструментов, сырья, провизии и т. п., — ложь. Ваши капиталы, ваши авансы — это деньги... деньги, сбереженные, накопленные, о, да! — согласен. Это то, что мы называем более точным названием: захваченные капиталы. Если вы добавите, что эти деньги представляют собою сбереженные и накопленные продукты, — стоп! Это ложь. Никогда не сберегают, никогда не

накапливают продукты производства. После того, как они произведены, их тотчас продают, а если не удастся продать их, тогда происходит разорение. Будучи проданными, они идут в потребление. То, что сберегают, то, что накапливают, — это есть продажная цена продукта. Деньги, захваченные таким образом, представляют собою продукты — нет ничего более верного. Они представляют собой часть продуктов, уворованных у трудящихся следующим образом: результат их труда покупается за две трети или три четверти его стоимости, а продают его за полную стоимость. Трудящиеся теряют одну треть или четверть своего труда, а часто и больше. Чтобы возместить потерю, они едят сухой хлеб, пьют воду, спят в конурах, страдают от холода.

Их потери образуют прибыль предприятия. Эта прибыль накапливается в форме металлических или бумажных денег, не иначе, иначе невозможно. Деньги, изымаемые таким способом из непосредственного обращения, называются капиталом, и капитал никогда ничем иным не является. Он сын ростовщичества и становится его отцом совершенно так же, как человек бывает сыном своего отца и отцом своего сына.

То, что название капитала дают землям, домовладениям, товарам, даже самим индивидуумам, — это плохая шутка, это трюк мистификатора. В такой же мере можно бы назвать золотой монетой какую-нибудь сковороду потому только, что за нее заплачено двадцать

франков, и назвать луидором сковороду, шляпу, или пару башмаков, или какой-нибудь другой предмет, стоящий луидор.⁶²

Всегда одна и та же двусмысленность, один и тот же обман, как в большом, так и в малом. «Услуга за услугу» — так определяют обмен. Да, в теории. Нет, на практике! Обмен раздваивается на две совершенно различные для одного и того же индивидуума операции: обмен своего продукта на деньги и обмен этих денег на другой продукт. Политическая экономия пытается поставить оба эти акта на одну доску. Это ухищрение — для оправдания ссуды на проценты и для того, чтобы скрыть его гнусность. Ибо эта проделка совершается как раз в интервале между двумя операциями. Она состоит попросту в изъятии части второй операции. Продают больше, чем покупают, а с долей денег, оставленной про запас, производят ростовщические операции.

Для защитника механизма обмена вторая операция, покупка, происходит добровольно. Со всех сторон ее домогаются. Подобно султану, ей стоит лишь бросить платок. Зато первая, т. е. продажа, представляет серьезные затруднения, иногда непреодолимые. Например, только труд создает все, никто этого не отрицает. Чего хочет рабочий? Продать свой труд. Конечно, требование скромное. А все же его находят чрезмерным. Почему? Потому что его хотят купить со скидкой, взимая капиталистическую десятину.

Продать! — это для каждого вопрос существования, вопрос to be or not to be (быть или не быть). Покупать — кто хочет и что хочет, понятно, если есть деньги в кармане, продать — кто может. И сколько же миллионов людей не может!

Эти затруднения с продажей являются подводным камнем системы обмена посредством драгоценных металлов. Это порождает нищету отдельных лиц, а также нужду всего народа. Гражданин страдает потому, что не может выполнить первую часть обмена, обмена своего труда или своего продукта на монету. Народы чахнут по той же причине, несмотря на плодородие их земель. Они не извлекают денег из богатств этой земли, которая поэтому остается в бездействии.

Политическая экономия, не любящая выражаться кратко, быть может, скажет с видом сострадания, столь свойственным ее уверенности в своей непогрешимости: «Вы впадаете в обычную ошибку, принимая деньги за богатство. Не забудьте Испанию, разоренную именно открытием Нового Света, наводнившего ее драгоценными металлами. Не заблуждайтесь. Один лишь труд создает богатство. Испания, несмотря на свое золото, или, вернее, из-за него, обеднела, перестав работать».

О, мы не заблуждаемся. Нам известны злоключения Пиренейского полуострова. Они сложны. Верно, что эмиграция в Америку лишила Испанию большей части ее рабочих рук, а наплыв пиастров⁶³ отнял у нее еще

большую часть оставшихся, создав множество бездельников. Бесчисленные представители духовенства, битком набитые золотом, массы гидальго⁶⁴, также разбогатевших благодаря галионам⁶⁵, сделали из испанцев нацию непродвинувших потребителей. Однако смертельный удар был нанесен Испании изгнанием мавров.

Это был трудолюбивый народ. Инквизиция изгнала всех производителей и оставила лодырей. Последние, веселясь, растратили свои американские эю. К несчастью, на эти эю продукты покупались за границей. Деньги уходили из страны и не возвращались обратно. Пиастров же было не бесконечное количество. Высасывание их в течение века исчерпало их запас. Испания осталась очень католической... и очень бедной. Крушением своих богатств она на девять десятых обязана изгнанию мавров.

Ясно, что если бы французский народ, разбогатев, перестал работать, чтобы жить на ренту, то поколение, живущее подобным образом, оставило бы после себя обезлюдившую страну и нищету. Социализм не ставит себе подобной цели. Наоборот, он мечтает, что будущее будет освобождено от власти золота. Обмен посредством металлических или бумажных денег в достаточной степени показал свою неспособность создать социальный порядок на основе справедливости. Между тем такова цель, которую ставит перед собой развитие просвещения, и этому придется подчи-

ниться. Вопрос лишь во времени и в активности.

В ожидании, когда деньги будут вытеснены экономическим механизмом, наша эпоха была свидетельницей памятного примера их всемогущества: это — Калифорния! Дикая, пустынная страна, в которой нет ни куска хлеба, ни куска материи, ни соломенной хижины. Тишина, скалы или целина — и больше ничего. Среди камней было обнаружено золото. Но золото не едят, говорит реторика, на сей раз безошибочно. Нет! Его не едят, и, однако, при известии об открытии золота волна людей хлынула на голый и бесплодный берег. Со всех концов земли стекаются люди, бросая родину и семью. Солдаты дезертируют, моряки дезертируют, рабочие дезертируют. Люди всех классов, всех положений, профессора, адвокаты, врачи, купцы, промышленники, землевладельцы — все устремляются в эти далекие пустыни, не думая ни о голоде, ни о непогоде. Что за важность, что там нет ни хлеба, ни одежды, ни убежища! Там есть золото, золото, и золотая лихорадка охватывает, уносит обезумевших людей.

Не насмеются ли над нами экономисты, повторяя: «Услуга за услугу?» Пусть завтра объявят об открытии на берегах Магелланова пролива прекрасно обструганных досок. Несомненно, корабли отправятся за этой неожиданной находкой. Но если толпа готова оспаривать друг у друга находку, уж лучше я сам себе выстругаю доску.

Большой архипелаг, расположенный у берегов Азии, Африка, Австралия и в особенности Южная Америка представляют собой огромные пространства свободной, чрезвычайно плодородной земли, которую может занять кто хочет. Эти щедроты, однако, почти никого не прельщают.

«Климат там нездоровый,— говорят.— А потом нужны авансы на дорогу и на устройство».

Пусть! Но появись там золото — и на основании одного лишь слуха об этом мы в двадцать четыре часа увидим третье издание калифорнийской авантюры. Австралия была вторым изданием. Ну, а нездоровый климат! А недостаток авансов, эти непреодолимые препятствия! Кто об этом вспоминает?

Золота, золота! Великие экономисты,— вот что путает все ваши расчеты, или вернее, что не путает их ни в малейшей степени. Вы слишком хорошо знаете всемогущество его высочества императора Экю. Вы его придворные, вы служите ему. Все ваши усилия имеют целью защитить его деспотизм против общественного возмущения. Ибо он облагает жестоким налогом всякого, кто нуждается в нем.

3. КОММУНИЗМ — БУДУЩЕЕ ОБЩЕСТВА

Внимательное изучение геологии и истории показывает, что человечество в начале своего развития было разобщено, отличалось крайним индивидуализмом и что через долгий ряд усовершенствований оно должно дойти до строя общности.

Истина эта будет доказана экспериментальным методом, единственно ценным в настоящее время, ибо он положил основание науке.

Наблюдение фактов и неопровержимые выводы из них установят последовательные этапы этого непрерывного хода развития человеческого рода. Ясно станет, что всякий прогресс — это победа коммунизма, всякое отступление — это его поражение, что развитие его сливается с развитием цивилизации, что обе эти идеи идентичны; что все проблемы, последовательно поставленные в истории и вызванные потребностями человеческого рода, разрешаются коммунистически, что стоящие теперь перед нами сложнейшие вопросы, вызывающие смятение и угрозу войны, также не могут быть разрешены иначе, если мы не хотим обострить зло и дойти до абсурда.

Все усовершенствования налоговой системы, акцизные сборы, заменившие собой откупщиков налогов, почта, налоги на табак, на соль — все это нововведения коммунистические. Промышленные компании, торговые общества, взаимное страхование всякого рода, даже штемпель; армия, учебные заведения, тюрьмы, казармы — это коммунизм, младенческий, грубый, жестокий, но неизбежный. Ничто не происходит вне этого. Налоги, само правительство — также от коммунизма, конечно, коммунизма худшего вида и, однако, абсолютно необходимого. Идея коммунизма произнесла только первое свое слово. Прежде чем она скажет последнее, она совершенно изменит свой лик. Мы еще только дикари.

Взгляните на последствия современной системы! Низкие цены, а следовательно, избытие товаров, считается бедствием, разоряющим производителей, доводящим до полного истощения промышленность и торговлю. Политическая экономия открыто освящает это бедствие своими суждениями. Она называет *полезностью* естественное богатство и *стоимостью* общественное богатство. Итак, полезность — это избытие, а стоимость — это редкость. Чем больше *полезной стоимости*, тем меньше *покупной стоимости*. О, безумие! Каким образом то, что является благом само по себе, может стать бедствием? Тому причина алчность капитала, требующего себе львиной доли и исчезающего, как только цены отказывают ему в этой доле. Его исчезновение

поднимает цены на продукты, тогда капитал возвращается, чтобы половить рыбу в мутной воде.

Голландцы в своих азиатских владениях запрещали разведение перца, мускатного ореха и т. п. и уничтожали в огромном количестве пряности для того, чтобы поддержать высокие цены на рынке. В цивилизованных странах каждый товаропроизводитель желает, чтобы на его продукт цены поднимались, а на все другие падали. Падение цен на муку приводит в отчаяние земледельца, а повышение их приводит в отчаяние промышленника. Разве эта непрерывная социальная борьба не является ужасным обвинением против существующей организации общества?

При коммунистическом строе благо выгодно для всех, а зло ни для кого. Хорошие урожаи — это благословение, плохие — это бедствие. Никто не благословляет то, что вредит другим, и никому не вредит то, что полезно другим. Все сообразуется со справедливостью и разумом. Обилие запасов не влечет за собой промышленных или торговых кризисов. Совсем наоборот, накопление продуктов, неизбежно ведущее теперь к краху, будет тогда ограничиваться только из-за естественной порчи их.

Бесполезные растения зачастую захватывают пространство на земле в ущерб полезным. Жадный к деньгам, всегда осторожный капитализм постиг силу ассоциации, и это прекрасное орудие прогресса превратилось в

его руках в настоящее оружие. Он использует его для уничтожения мелкой и средней промышленности, средней и мелкой торговли.

Эти бедные люди умирают втихомолку, задушенные во тьме. Без шума, без скандала. Никто ничего не видит, ничего не слышит. Они исчезают безвестными. Это совсем не то, что восстания 1848 г., вызвавшие столь ослепленную ярость, столь беспощадную месть. Торговцы могут при желании поразмыслить над басней Лафонтена о шумном и безопасном потоке и о реке, бесшумно поглощающей жертву в своих тихих водах. Можно пройти через поток, слегка замочив себе ноги, реку же не перейдешь, останешься на дне ее.

На останках скромного буржуа подымается более искусный и более страшный, чем старый, патрициат, тройной феодализм — финансовый, промышленный и торговый, попирающий ногами все общество; коварство вместо насилия, карманный вор вместо грабителя с большой дороги.

Таковы предначертания судьбы: перед смертью прошлое нанесет свой последний удар тем самым оружием, которое должно убить его. Этим ударом оно нанесло себе смертельную рану своею собственной рукой. Ассоциация на службе капитала становится бичом, который невозможно долго переносить. Такова привилегия ассоциации — этого славного принципа, способного творить только добро. А в отношении зла он подобен порош-

ку, истребляющему насекомых. Коснувшись его, отравленные клопы погибают.

Когда пробил час социальной эволюции, все спешит ей на помощь, чтобы облегчить ей роды. Даже исчерпанные, готовые заглохнуть силы, и те, помимо своей воли, оказывают ей содействие. Мы являемся свидетелями любопытного зрелища. На наших глазах разворачиваются события, предшествующие установлению строя общности.

Что такое взаимная помощь, которая все время получает новое применение и постепенно способствует солидаризации всех интересов? Одна из сторон грядущего переустройства? А ассоциация, эта излюбленная идея нашего времени, эта всеобщая панацея, которой единогласно возносится хвала, что это, если не великое пришествие и последнее слово коммунизма?

Однако никаких иллюзий. Это последнее слово не будет сказано до тех пор, пока большинство людей коснеет в невежестве. Скорее луна спустится на землю, чем установится система общности без неизбежного для нее элемента — просвещения. Нам так же трудно было бы дышать без воздуха, как ей существовать без образования, являющегося ее атмосферой и ее проводником. Между просвещением и коммунизмом существует такая тесная связь, что одно без другого не сможет сделать шага ни вперед, ни назад. В истории человечества они постоянно шествовали вместе, в одном ряду, и не отдалятся никогда от

общей линии до конца своего совместного пути.

Невежество и строй общности — несовместимы. Всеобщее просвещение без коммунизма и коммунизм без всеобщего просвещения одинаково невозможны. При строе общности человека нельзя обмануть, нельзя провести; между тем как теперь каждый невежда обманут и является орудием обмана, он раб и является орудием рабства.

Предположите, что в одну прекрасную ночь все солдаты превратились бы в ученых. Я представляю себе, что появление офицеров в казарме на следующее утро являло бы одно из живописнейших зрелищ и что они покинули бы ее по меньшей мере гимнастическим шагом. Помечтайте еще, представьте себе тридцать восемь миллионов французов, превращенных по мановению волшебной палочки в ученых, подобно солдатам, о которых сказано выше. Через двадцать четыре часа не осталось бы и следа правительства, а в течение месяца строй общности стал бы функционировать полным ходом.

Какой-то безумец, вернее, иезуит, осмелился сказать на одном публичном собрании: «Если бы общество состояло из производителей, из невежественных, но хороших рабочих, оно двигалось бы от эксплуатации к деспотизму, но оно не прекратило бы своего существования. Если бы общество состояло из ученых, не являющихся в какой-либо мере производителями, оно не могло бы существовать».

Этот же человек сказал также: «Я боюсь этой аномалии, этих *деклассированных*, которых мы ежедневно видим, которые очень образованы, очень умны, но не в состоянии заработать себе на жизнь».

И опять тот же замечательный оратор, «отвергает бесплатное, обязательное и светское обучение как посягающее на свободу и усложняющее централизаторскую систему».

Таковы желания, такова ненависть попов, желания, проистекающие от темноты, от ненависти к просвещению. Война против *деклассированных* была после государственного переворота сигналом к безжалостной охоте на учителей и светские учебные заведения. Надо ознакомиться с циркулярами префектов этой злосчастной эпохи, чтобы понять замыслы клерикально-монархической реакции.

Свободное обучение оставило бы все воспитание в руках иезуитов. Перед лицом коалиции духовенства и капитала никакая борьба невозможна. Только лишь изменники осмелились бы поддержать обратное мнение. Наконец, проклятие, посланное обществу, состоящему из одних ученых, в достаточной степени вскрывает намерение увековечить кастовый режим; здесь парии ручного труда — там привилегированные работники умственного труда, здесь масса отупевших — там горсточка отупляющих. Надо обладать большой наглостью или, вернее, большой глупостью, чтобы думать, что народ, состоящий из ученых, не сможет существовать и неминуемо умрет с голоду.

Ни один современный народ не сможет бороться против производительной мощи народа ученых ни в области земледелия, ни в промышленности. Расстояние между двумя такими народами будет больше, чем то, которое отделяет галлов времен Цезаря⁶⁶ от французов 1870 года.

Пусть будущие общественные собрания остерегаются эмиссаров общества Иисуса. Тактика этого общества состоит в том, что во всех клубах оно содержит своих эмиссаров, причем этим сыщикам приказывают маскироваться любым способом для того, чтобы они могли снимать с обсуждения все не угодные преподобным отцам вопросы. Клерикалы заинтересованы в свободном обучении, в том, чтобы наука и ученые были взяты под подозрение, и в объявлении войны *деклассированным*, иначе говоря, людям образованным и бедным.

Каждый, кто под предлогом свободы и экономии отвергает бесплатное и обязательное обучение и требует свободного обучения, является агентом иезуитов. Пусть он называется республиканцем, революционером, атеистом, или материалистом, социалистом, коммунистом, прудонистом, всем, чем угодно, неважно, каков цвет его маски,— можно, без опасения ошибиться, назвать его приспешником иезуитов. В действительности здравый смысл показывает, что платное и свободное обучение, без вмешательства государства, сводится к тому, что при всемогуществе червон-

ца монополия обучения окажется в руках священников.

А обучение в руках священника означает мракобесие и угнетение. Черная армия, сильная своей сотней тысяч солдат — мужчин и женщин, пускается с яростью сеять мрак и гасить свет. Опираясь на государство, эта армия господствует, управляет, угрожает, подавляет. Светская власть к ее услугам, капитал расточает все свои ресурсы, зная ее как лучшего своего пособника, или, вернее, как свой последний якорь спасения.

Кто теперь не знает этой опасности? Вся демократия в целом, без различия оттенков, кричит о ней, призывая к единственному целебному средству — к просвещению. Один крик вырывается из груди всех: «Просвещения, просвещения! Довольно церковного отупения».

Напрасные крики! Правительство притворяется глухим и в ответ лихорадочно усиливает влияние иезуитов. Ежегодно сотнями закрываются светские школы и в еще большем количестве открываются школы конгрегации. Сравнивая 1848 г. с 1870-м, мы видим, что двадцать пять лет назад половина женских школ была светской, половина церковной и что теперь едва ли только шестая часть всех этих школ светские; число мальчиков, отравленных духовным воспитанием, с 17 процентов поднялось до 50 и для обеих полов эта устрашающая прогрессия продолжает расти. План всеобщей кретинизации

выполняется безостановочно. Осуществится ли он?

Нет! Но как задерживается пришествие счастливых дней! Как прискорбны это соперничество и эта нищета! Годы бегут, бесполезные и однообразные, проходят поколения, пожираемые одно за другим чудовищем предрассудка и невежества, преграждающим человечеству путь к обетованной земле, которую оно видит вдалеке, не будучи в состоянии достигнуть ее.

Сколько еще времени надо будет бороться против этого врага, всегда беспощадного к другим, которого всегда прощают, одержав над ним победу? Если бы революция выполнила свой долг в 1830-м, в 1848 г., этой половины века, напрасно потерянной, хватило бы, чтобы добиться цели. С войной было бы покончено, и народы, предоставив прошлому быстро погружаться во мрак, двигались бы большими шагами к светлomu будущему.

Окажется ли, наконец, революция разумной при своей новой победе или снова пощадит дух зла, которому она до сих пор давала подняться еще более ужасным после каждого его падения? В наших рядах есть предатели, которые при помощи каббалистических угроз, одурачивающих народ, охраняют его, когда он впадает в немилость. При следующей измене будут вопить: «Отмена бюджета на обслуживание религиозных культов», «Отделение церкви от государства». Понимайте: победа католицизма, подавление революции. Пусть же

нашим девизом будет: «Отмена религиозных культов, изгнание попов!», и пусть революция не сгибается ни перед просьбой, ни перед угрозой, ни перед лукавством.

Уступка — это смерть. Победоносная республика не будет растрачивать время на бесполезную борьбу. У нее слишком много препятствий, для преодоления которых придется годами держать траншеи открытыми. Нельзя будет забавляться планомерной атакой одной какой-нибудь преграды, которую можно преодолеть попутно. Армия, магистратура, христианство, политический строй — это обыкновенные преграды. Невежество — грозный бастион. Взять преграду можно в один день — для взятия бастиона нужно двадцать лет.

Преграда будет преодолена и разрушена. И все же пройдет еще много времени. И так как строй общности может установиться только лишь на месте разрушенного бастиона, нечего рассчитывать, что это произойдет завтра. Путешествие на луну было бы менее опасной химерой. Однако это — мечта многих нетерпеливых, увы, законно нетерпеливых, мечта, неосуществимая до тех пор, пока не будут преобразованы умы. Воля всей Франции была бы бессильна приблизить час пришествия коммунизма, а попытка забежать вперед окончилась бы только неудачей, что дало бы сигнал к наступлению жестокой реакции.

Все организмы существуют в определенных условиях, и вне этих условий они нежизнеспособны. Строй общности не может быть

импровизацией, ибо он будет следствием просвещения, а оно также не может импровизироваться. Не забудем породу вампиров, или, что то же, хамелеонов. Они не исчезнут на другой день после революции, так же как не исчезнет порода доверчивых и простодушных людей, которые обычно являются их добычей.

Они быстро вывернут наизнанку свою одежду. Как грибы после дождя, толпой появятся из-под земли шарлатаны коммунизма, чтобы завербовать мужчин, тартюфы⁶⁷ — чтобы лаской опутать женщин. Как следствие их интриг к ним неминуемо перейдет управление, т. е. распоряжение по их усмотрению общим достоянием. Вся масса невежественных людей станет их добычей и их армией... Совершенно так же, как это происходит теперь, но с последствиями, еще более ужасными, произойдет такое смещение тирании и анархии, что контрреволюция, под влиянием воскресшего страха, будет сокрушительной, и не в течение одного дня, а долгие годы. Это был бы ужасный скачок назад!

К тому же, не безумие ли вообразить, что путем простого кувыркания общество может сразу встать на ноги заново перестроенное? Нет! Так не бывает ни у людей, ни в природе.

Строй общности приближается шаг за шагом, он идет в ногу с просвещением как его спутник и его руководитель, не опережая его и не отставая от него, всегда идя в одном ряду с ним. Он установится в полной силе в тот день, когда, благодаря просвещению, ни

один человек не сможет быть одурачен другим. В этот же день никто не захочет терпеть неравенство имуществ. Итак, только коммунизм удовлетворяет этому условию...

Быть может, возразят, что равенство образования вовсе не влечет за собой равенства умственных способностей и что всегда остается неравенство умов, образующее умственную иерархию от гения до ничтожества.

Согласен. Но для самого бедного в умственном отношении человека всестороннее образование будет служить броней, непроницаемой для обмана, под какой бы маской он ни скрывался. Это доказано опытом. Эксплуататор, увидит на лице каждого уничтожающую улыбку, говорящую: «Убирайся, шарлатан!» Убеждение в своей бессилии заставит его оберегать себя от таких неприятностей. Кроме того, так как установленный строй не будет какой-то импровизацией, то порода вампиров успеет приспособиться к нему и подчиниться новой среде. Нечего заблуждаться: братство означает невозможность убить своего брата.

Способность суждения, самая полезная способность человека, лучше всего охраняющая его, защищающая его одновременно и изнутри, и снаружи, от других и от него самого, в настоящее время слишком редкая, получит в результате всестороннего образования такое необычайное развитие, что станет оружием нового общества. Плод опыта и сравнения, она будет черпать в них неведомую силу. Тогда с хитростью будет покончено. Неумо-

лимая проницательность вскроет последние следы ее притворства. Мошенники и дураки перестанут быть двумя большими подразделениями человечества.

Повсюду в легковерии уже пробита брешь. Черная армия еще держит в заточении женщин и детей. Мужчины покидают ее. Сохранить дитя — и потерять взрослого! Пользоваться привилегией иметь у себя постоянно белый лист, на котором так легко начертать неизгладимые впечатления, и видеть, как они потом исчезают, заменяются... тяжелый труд! Какой непреложный приговор! Скорее бы он был выполнен!

Гений останется исключением, но способность к суждению станет общим уделом, и этого будет достаточно, чтобы навсегда свести с трона царящее теперь в мире лицемерие. Тартюфы чувства, тартюфы чистосердечия, тартюфы благодушия, тартюфы преданности, тартюфы сердечности, тартюфы простодушия, тартюфы рыцарства, тартюфы добродетели, тартюфы добродушия, тартюфы доброжелательства, вы подобны омерзительным язвам, — с вас, друзья мои, тотчас же будет сорвана маска, вы будете освистаны, осмеяны, и религиозное лицемерие, самое адское из всех, останется лишь воспоминанием истории, воспоминанием, вызывающим изумление и ужас.

Взоры людей станут столь пронизывающими, что они будут видеть, как сквозь стекло, недостатки и достоинства каждого индивидуума. Придется шагать прямым путем под

страхом насмешек и шиканья. А между тем снисходительность будет главной чертой умов, ибо свобода воли, по окончательному решению науки, перестанет существовать. Что касается преступления, то оно исчезнет вместе с капиталом и религией, его отцом и матерью.

Таковы будут, по нашему мнению, последствия всеобщего просвещения. Отметьте, что в этом предсказании коммунизм фигурирует как простое следствие, а не как причина. Он неизбежно будет порожден всеобщим образованием и только им может быть порожден.

Коммунизм упрекают в том, что ему приносится в жертву индивидуум, и в том, что он отрицает свободу. Конечно, если он появится на свет до срока, посредством наложения щипцов, этот жалкий выкидыш заставит людей бежать от него со всех ног и пожалеть о прошлом. Но если он будет сыном науки, кто тогда осмелится обвинять дитя такой матери? И где, к тому же, доказательства, подтверждающие бросаемое ему обвинение? Это лишенная основания клевета, так как обвиняемый еще не жил на свете.

Во имя чего же это высокомерное утверждение? Во имя индивидуализма, беспрестанно уничтожающего в течение тысячелетий и свободу, и личность. Сколько в нашем человеческом роде таких индивидуумов, которых он не превратил бы в илотов и в своих жертв? Быть может, один на десять тысяч! Десять тысяч мучеников на одного палача! Десять тысяч рабов на одного тирана! А еще говорят

о свободе! Понятно! Какая-то зловещая иезуитская уловка кроется под этим названием. Разве олигархия не называет себя демократией, вероломство — честностью, резня — умеренностью?

Мы знаем, что такое та свобода, которая восстает против коммунизма; это свобода порабощения, свобода беспощадной эксплуатации, свобода широкой жизни, в которой, как говорит Ренан, народные массы играют роль подножки. Эту свободу народ называет угнетением и преступлением. Он не хочет более питать ее своей плотью и кровью.

Все моралисты и законодатели возводят в принцип положение, что человек обязан жертвовать частью своей свободы ради общества, иначе говоря, что свобода каждого ограничивается свободой другого. Обязательно ли это определение для современного порядка вещей с его двумя категориями — привилегированными и париями? Сколько нужно рабов, чтобы создать свободу? 10, 20, 60, 100, 2 тысячи, 30 тысяч, 100 тысяч? Бесчисленны расценки, многообразно их применение. Лишь связь между ними не меняется.

Всякое покушение на свободу другого нарушает определение, данное ей моралистами, единственно законное определение, остающееся, однако, всегда пустым словом. Оно ведь предполагает существование социального паритета между индивидуумами, из чего следует, что свобода ограничена равенством.

Только полная ассоциация может удовле-

творить требования этого верховного закона. Старый порядок топчет его ногами без стыда и жалости. Коммунизм — спасение для индивидуума, индивидуализм — его гибель. Для первого каждый индивидуум священен. Второ́й считается с ним не больше, чем с земляным червем, и закалывает его в жертву кровавой троице — Лойоле⁶⁸, Цезарю, Шейлоку⁶⁹, говоря после этого флегматично: «Строй общности был бы принесением в жертву индивидуума».

Этот строй нарушил бы пиршество людоедов, это ясно. Но те, за чей счет оно происходит, не будут возражать против этой помехи. А это главное. Впрочем, зачем нам ссориться? Разве речь идет о том, чтобы навязать коммунизм à priori? Нисколько. Мы ограничиваемся предсказанием, что он явится неизбежным результатом всеобщего просвещения. Кто может осудить быстрое развитие просвещения? Если же за ним должно последовать, как правило, пришествие коммунизма, никто не может возразить и слова против этого.

Все призывают к образованию как единственному возможному ответу на загадки социального сфинкса. Нельзя быть вполне уверенным, что этот призыв искренен в устах всех. С этим словом произошло то же, что происходит со всеми словами, которые определяют какую-либо проблему. Сколько партий — столько определений. Для священников — это катехизис, а вовсе не наука, для социалистов — это наука и никакого катехизиса.

Поэтому нет ничего удивительного в этом единодушии голосов. И тем не менее за ним скрывается смертельная борьба. Народу нечего о ней беспокоиться. У него нет задних мыслей, у него нет показных знамен. Он всегда писал на своем знамени: *Свобода, Просвещение*, ясно и точно. Клерикализм же, наоборот, после того как он в течение долгого времени предавал эти два слова анафеме, увидев свое бессилие, спохватился и теперь приклеил их к своему знамени, чтобы использовать их престиж в своих целях. Двойной и наглый обман. Но что ему, лишь бы он мог дурачить людей!

О том, что консерватизм предчувствует, куда ведет распространение просвещения, достаточно громко говорит его союз с врагами просвещения. Нет невежества — нет угнетения! Консерватизм подрывает основания и борется за продление тьмы, являющейся для него жизненно необходимой средой. Социализму предстоит противоположная задача: он должен добиться, чтобы над простертой ныне ночью раскрылось яркое небо, которое осветило бы его победу, победу справедливости и здравого смысла над злом и глупостью. Тогда его миссия будет выполнена.

Между тем от социализма требуют большего. Капиталистическая доктрина, которая осыпала и еще теперь осыпает род человеческий столькими благодеяниями, сильно терзается, глядя, как ее питомец шествует под другими знаменами. С тревожной заботливо-

стью она требует от своего юного соперника — коммунизма описать будущий строй в мельчайших подробностях, разрешить все затруднения, которые она пожелала предвидеть, наконец, представить ее любопытному взору завершенное здание от подвала до чердака, не упустив ни гвоздика, ни винтика.

«Как будет гражданин новой Саланты⁷⁰ располагать собой, своим временем, как он будет удовлетворять свое желание путешествовать или отдохнуть? Как будет мыть посуду? Кто будет выметать сор? Кто будет выносить ночные горшки, кто будет наполнять ведра водой? Кто будет добывать уголь из рудниксв, и т. д.?»

На эти наглые вопросы возможен один ответ: «Это вас не касается, и меня также».

Ведь речь идет о сорока или пятидесяти миллионах человек, лучше любого из наших академиков сведущих во всем, вооруженных с ног до головы против насилия и хитрости, склонных к повышенной чувствительности, пугливых, как дикие лошади. Ничто такое мерзкое и ненавистное, что называется правительством, не сможет и носа показать у них; ни тени власти, ни капли принуждения, ни намека на влияние! И эти сорок миллионов способных людей, которым ни один из нас в подметки не годился бы, нуждались бы в наших советах, чтобы организовать, в наших правилах, в нашем надзоре! Без нас они не будут знать, где найти сорочки и штаны, и они понесут пищу себе в ухо, если мы не

предупредим их, что едят ртом! Это уже слишком.

Сами наши сорок бессмертных⁷¹ если неожиданное увеличение численности населения шестью нулями создаст сразу миллион Тьеров, миллион Оливье⁷², миллион Дюпанлу⁷³ и т. д., а пустынная Франция окажется в их распоряжении, неужели вы искренно думаете, что, достигнув цифры в сорок миллионов, они будут проводить свое время в обращении друг к другу с речами в стихах и прозе? Не так они глупы! Утем⁷⁴, надо завтракать, и, не дожидаясь ни одного часа, они возьмутся за дело.

Естественно, что предметом первого голосования явится разделение труда. Будет ли кастовая система, почти установленная заранее фактом существования этих сорока типов, встречена с энтузиазмом? О нет, ни за что! Я убежден, что какие-нибудь Мериме⁷⁵, например, не станут упорно держаться привилегии ополаскивать ночные горшки, будь они хоть этрусскими вазами. Столько сильных умов сумело бы окружить эту неизбежную работу ореолом поэзии...

Забавная вещь: когда спорят о коммунизме, страх перед ним инстинктивно наводит его противника на этот фатальный предмет. «Кто будет выносить ночной горшок?» — кричит он прежде всего. «Кто вынесет мой ночной горшок?» — хочет он сказать, по сути дела. Но он слишком предусмотрителен, чтобы употребить притяжательное местоимение,

и великодушно посвящает свою тревогу потомству.

Отвратительная штука этот эгоизм настоящего! Какая-то смесь цинизма и лицемерия! А что такое прошлое? Мертвые листья! Из них делают подстилку для скота. Историю же набрасывают крупными штрихами, с величайшим хладнокровием изображая груды трупов и развалин. Никакая бойня не заставит моргнуть глазом этих бесстрастных людей. Резня целого народа — это эволюция человечества. Нашествие варваров? Это вливание молодой, новой крови в старые вены Римской империи. Смерч германцев и гуннов пронесся над латинским миром лишь для того, чтобы очистить застоявшийся воздух. Это ураган, посланный провидением! Что же касается населения и городов, низвергнутых этим бичом на своем пути... это неизбежность... фатальный ход прогресса... Все хорошо, что породило настоящее, т. е. нас. Никакие расходы не кажутся слишком большими для столь прекрасного произведения.

Но какая перемена, если дело идет о будущих поколениях! Бесчувственность сменяется неистовой страстью. Люди охвачены такой бурной нежностью к этим будущим младенцам, что они спешно запирают их на ключ, чтобы предохранить от несчастных случаев. Из страха, как бы они не упали, их шаги, их движения рассчитаны, уравновешены. Все разлиновано заранее, как нотная бумага для бедных маленьких автоматов и при этом

навсегда. Вечная религия, вечная династия, вечные законы, а главное — вечный долг с законной оплатой за такую заботливость и такую любовь.

Ах, добрые люди! Когда вы присоединитесь к своим праотцам, с вами будут считаться столько же, а то и меньше, чем вы считались с ними. Обезопасив себя от заражения вашими материальными останками, заводные куклы вашего производства разобьют все свои пружины и произнесут приблизительно в таких выражениях надгробное слово над вашими моральными останками:

«В истории Человечества вы подобны холере и чуме. В дикости и глупости ваших предков повинно их невежество, результат их слепых убеждений. Вы же творили зло заведомо, предумышленно, из гнусного эгоизма. Ибо вы никогда ни о чем другом не думали, кроме своего интереса, бесчестные скептики, и в жертву этому интересу вы хотели принести даже ваших самых отдаленных потомков.

Кто поручил вам договариваться от нашего имени, думать и действовать за нас? Разве мы дали согласие торговать нашим трудом? Лицемеры! Под предлогом обеспечения нашего благополучия вы заранее пожрали плоды нашего тяжелого труда, выкалывая нам глаза и обрезая уши, чтобы не дать нам видеть и слышать. Почему вы не ограничились своими делами, оставив нам заботу о наших делах? Вы взимали ежегодный налог. Это был ваш

доход, и его вы должны были расходовать. Надо было оставаться в этих пределах и вести себя, как лица, имеющие законное право пожизненного пользования и уплатившие компенсацию за свои издержки и за полученную прибыль. Мы принимаем наследство, но только без обязанности уплачивать долги, превышающие его стоимость. Кто делает долги, пусть тот и оплачивает их.

Говорят, что ваши займы имели целью произвести работы, полезные для потомства, и что оно должно взять на себя часть бремени, так как получит барыши. Для него работают, оно должно платить. Для него? Лицемеры! Какое предприятие было когда-либо задумано в интересах будущего? Нет! Настоящее думает только о себе. Оно смеется над будущим, как и над прошлым. Оно использует остатки одного и собирается авансом использовать другое. Оно говорит: «После меня хоть потоп!», или, если оно этого не говорит, оно так думает и действует соответственно. Разве щадят накопленные природой богатства, вовсе не неисчерпаемые и не восстанавливающиеся вновь? Каменный уголь безобразно расточается под предлогом, что существуют неизведанные залежи, запасы будущего. Уничтожают огромное количество китов, их не останется для наших потомков. Настоящее, не задумываясь, грабит и уничтожает природные богатства для своих нужд или для удовлетворения своих капризов».

Итак, займемся сегодняшним днем. Завтрашний не принадлежит нам, не интересует нас. Единственная наша обязанность — подготовить ему хороший материал для его устройства. Остальное не в нашей компетенции. Не жителю Нижней Бретани преподавать в каком-нибудь институте. А если сударь Вейо придерживается противоположного мнения, то скажем ему в ответ: яйца курицу не учат. Не удивительно ли глупое самомнение этих Ликургов ⁷⁶, которые считают себя обязанными набросать пункт за пунктом, кодекс будущего? Они якобы боятся, что эти бедные будущие поколения не будут знать, как ступить, и спешат смастерить им — кто мягкую шапочку, чтобы они не ушиблись при падении, кто помочи, а кто маленькую катящуюся темницу, чтобы научить их свободно ходить.

Правда, эти поколения не останутся в долгу за оказанное им благодеяние, они будут расстроганы страстью этих добрых предков, запущенности строивших каменные общественные здания для заточения в них своего потомства. Еще цела старая тюрьма; она стоит мрачная и грозная с двумя-тремя трещинами в стене, через которые несколько заключенным удалось бежать. И вот новые разоблачители, как насадки при виде своих утят, спустившихся к воде, кричат в ужасе перед судьбой несчастных беглецов, которые радостно резвятся на солнышке:

«Ах, дети мои! Какая неосторожность! Вы схватите насморк на открытом воздухе. Вер-

нитесь скорее в прекрасный дворец, который мы построили для вас. Никто никогда не видел и никогда не увидит подобного дворца».

Есть уже три-четыре Мойсея, утверждающих, что они построили прочное здание на вечные времена и что врата ада не смогут сравниться в прочности с этим новым раем. Воля верующего искать сквозь туман какие-то беглые очертания здания будущего. Это хорошая цель для прогулки и прекрасное упражнение для глаз. Но приносить нам из этой экскурсии полный и подробный план здания, его разрез, высоту, детали, расположение... нет, мой друг, положите обратно в карман ваш чертеж.

Мания была бы невинной, если бы эти фанатики, любители тюремного заточения людей, не поддерживали тех, кто борется с разрушителями старых казематов, с людьми, отказывающимися работать для строительства новых тюрем и готовых позволить народу гулять на свободе: вещь ужасная, по мнению всех этих мессий.

Неизбежным венцом цивилизации будет строй общности, было бы трудно отрицать эту очевидность. Изучение прошлого и настоящего подтверждает, что всякий прогресс есть шаг, сделанный на этом пути, и рассмотрение спорных теперь проблем не допускает иного разумного разрешения. Все движется полным ходом к такой развязке. Она зависит только от народного просвещения, а следовательно, от нашей доброй воли. Коммунизм — не уто-

пия. Он является итогом нормального развития и не состоит ни в каком родстве с тремя или четырьмя системами, придуманными фантазерами во всех деталях.

Кабе со своей Икарией и попыткой создать колонию Науво совершил ошибку, уподобив стройный идеал будущего необоснованным гипотезам убогих мечтателей. Он должен был потерпеть еще более жестокую неудачу, чем соревновавшиеся с ним, ибо коммунизм следует рассматривать, как общий вывод развития человеческого рода, а не как яйцо, высиженное и снесенное в каком-то уголке земли двуногой птицей без перьев и без крыльев.

Сен-симонисты, фурьеристы, позитивисты— все они объявили войну революции, обвиняя ее в неискоренимом негативизме. В течение целых тридцати лет они в своих проповедях возвещали миру об окончании эпохи разрушения и о наступлении периода органического творчества, олицетворенного мессиями каждой из этих сект. Конкурируя между собой, точно лавочники, эти три секты сходились в одном — в своей резкой критике революционеров, этих закоренелых грешников, и отказывались открыть глаза на новый свет и прислушаться к живому слову.

Замечательно, что различие между коммунистами и утопистами в достаточной степени устанавливается тем фактом, что коммунисты всегда составляют самый отважный авангард демократии, тогда как сторонники гипотез соперничают друг с другом в пошлости, унижа-

ясь перед всеми реакционными правительствами, и, как нищие, вымаливают у них милости, проклинаят республику. Коммунизм — это сущность, это мозг революции, тогда как все эти новые религии, точно так же как и старая религия, были всегда лишь ее врагами.

Все знают, что представляют собой теперь сен-симонисты, эти столпы Империи. Их нельзя, конечно, обвинять в отступничестве от своих принципов. Их доктрины о верховной власти капитала, о всемогуществе банка и крупной индустрии восторжествовали. Они же царят вместе с ними — вот и всё. И кто бы мог подумать, что этих добрых малых принимали за опасных новаторов!

Фурьеристы, после того как они восемнадцать лет ухаживали за Луи-Филиппом, издеваясь над республиканцами, перешли после победы республики на ее сторону и вскоре были крайне удивлены и озадачены тем, что были изгнаны вместо того, чтобы добиться ожидаемой власти. Они исчезли во время бури вместе со своей шутовской утопией. Остатки их смешались с рядами демократов. Им не на что больше надеяться.

Позитивизм, эта третья химера века, дебютировал отрицанием всяческих культов и верований и кончил созданием кастовой системы, основанной на карикатурном католицизме. Впрочем, он раскололся. Ортодоксы с важным видом служат контовскую мессу своему пророку. Протестующие же проводят свою жизнь в отрицании доктрины, которую сами

проповедают, или в проповедывании доктрины, которую сами отрицают, кто как хочет. А все они в одинаковой мере одержимы страхом перед палкой, проникнуты почтением перед силой и стараются избежать связи с побежденными.

Конт⁷⁷ посвятил свои последние годы восхвалениям императора Николая и заклеил революционеров. Он придумал свои касты, чтобы привлечь на свою сторону реакцию. Реакция же и царь не соизволили и взглянуть на него.

Раскольники шумят, они владеют призраком влияния по милости трусов, которые из страха перед атеизмом укрылись под какой-то сомнительной защитой. Когда минует опасность, это призрачное существование прекратится и позитивисты станут в хвосте социализма или эмигрируют в лагерь консерваторов.

Коммунизм, олицетворяющий Революцию, должен избегать замашек утопии и никогда не удаляться от политики. Недавно он еще был вне политики, теперь он в самом сердце ее. Она лишь его служанка. Он должен беречь ее, чтобы пользоваться ее услугами. Он не должен навязывать себя сразу, ни накануне победы, ни на другой день после нее. Это равносильно тому, чтобы пуститься в путь к солнцу. Прежде чем подняться ввысь, мы окажемся на земле с разбитым телом и весьма продолжительной остановкой в больнице.

Не забудем нашей аксиомы: просвещение и коммунизм шагают рядом и не могут опередить один другого ни на шаг. Это уже немало — быть одним из сямских близнецов, которого весь мир призывает. Один не придет без другого.

Правда, эти единодушные призывы к просвещению должны быть как-то определены. А мы видели, что определение может быть двойное — черное и белое. Не будем же глупцами. Дело вот в чем. Правительство и консерваторы хотят лишь такого просвещения, какое могут дать святые отцы, а это означает тьму. Они иступленно добиваются этого. Цезарь, Шейлок, Лойола шагают бок о бок к торжеству ночи. Им не добиться этого, но они мешают и нам добиться своего. Обе борющиеся силы держат друг друга в неопределенном положении. Никто не продвигается, никто не отступает. Никакого движения. Для нас такое положение означает успех. Ночь имеет к своим услугам 50 тысяч священников, 50 тысяч конгрегационистов и приблизительно 40 тысяч учителей, ибо почти все они теперь подчинены духовенству. В университете полное предательство.

Нельзя рассчитывать даже на прессу. Оппозиционная пресса не выходит за городские стены. Деревня находится под влиянием ретроградных листков, поддерживающих своей печатной пропагандой устную пропаганду кюре, мракобесов и крупных землевладельцев. Всё против нас, ничто за нас.

Что же нам остается? Дуновение прогресса, которое чувствуется в воздухе, связи между людьми посредством железных дорог, общественная совесть и в особенности вид наших врагов, который является нашей лучшей защитительной речью. Растет гнев, но это сила ненадежная. Гнев сегодняшнего дня часто становится страхом на завтра. Нет иной прочной базы, кроме просвещения, но усилия, противодействующие ему, уничтожают его. Мы стоим на одном месте.

Но первый день после революции подобен театральному эффекту. И не потому, что происходит внезапная перемена. Люди и вещи остаются теми же, какими они были накануне. Только надежда и страх поменялись местами. Цепи пали, народ свободен, и обширный горизонт открывается перед ним.

Что тогда делать? Запрячь свежих лошадей в ту же телегу, что в 1848 г., и спокойно двигаться по тем же колеям? Известно, куда они ведут. Если же, наоборот, здравый смысл, наконец, берет верх, перед народом лежат две идущие бок о бок параллельные дороги. Одна от этапа к этапу достигает всеобщего просвещения; другая по соответствующим этапам достигает строя общности.

На обеих дорогах вначале одно и то же мероприятие: уничтожение препятствий. Они хорошо известны. Здесь — черная армия, рядом — заговор капитала. Черную армию удаляют за границу, это дело простое. Капи-

тал менее покладист. Известен его неизменный образ действий: он или убегает, или прячется. После этого капиталист садится у окошка и спокойно глядит, как народ барахтается в луже. Такова история 48-го года. Народ стонал, плакал, бранился, а затем, слишком поздно разгневавшись, был здорово побит и снова надел свои оковы. Не будем повторять этого.

Помешать исчезновению звонкой монеты невозможно! Об этом и думать нечего. Но недвижимое, вернее движимое, не может ни спрятаться, ни убежать. Этого достаточно. Надо быстро сделать самое спешное.

Ближайшие мероприятия В области экономики

1. Приказать всем лицам, возглавляющим промышленные и торговые предприятия, под страхом изгнания временно сохранить существующее в этих предприятиях положение вещей, персонал и выплачиваемую ему заработную плату. Государство вступит с ними в договорные отношения. Взамен предпринимателя, изгнанного по причине отказа повиноваться приказу, поручить предприятие ведению особого управления.

2. Созвать собрания из компетентных лиц для урегулирования таможенного вопроса, вопроса о рудниках и крупных промышленных компаниях, о кредите и способах торгового обмена.

3. Поручить особому собранию выработать основы рабочих ассоциаций. Этим приказом был бы отражен предательский удар предпринимателей. Для начала это главное. Трудящиеся смогут дожидаться новых социальных мер не в луже, а в другом месте.

В области политики

Упразднение армии и судебных органов.— Немедленное смещение средних и высших должностных лиц. Временное сохранение мелких служащих.— Изгнание всей черной армии духовенства, мужчин и женщин.— Включение в государственное имущество движимое и недвижимое имущество церквей, общин и конгрегаций мужских и женских, так же как имущество их подставных лиц.— Требование наказания главных врагов республики за преступления, совершенные после 24 февраля 1848 г.— Отмена продажи всякого их имущества или всякой закладной, выданной ими с этой же даты.

Реорганизация персонала чиновников. Упразднение уголовного кодекса и судейского сословия. Третейский суд для гражданских дел, суд присяжных для уголовных. Наказание, соответствующее проступку, присуждается всегда судом присяжных по совести, без принуждения. Заранее может быть определен только род наказания.

Формирование территориальных частей национальной армии. Всеобщее вооружение ра-

бочих и республиканского населения. Никакой свободы врагу.

В области финансовой

Уничтожение росписи государственных долгов.— Создание комиссии по урегулированию вопроса о сберегательной кассе.

Замена всех прямых и косвенных налогов одним прямым прогрессивным налогом на наследство и на доход.

Народное образование

Создание учебного ведомства для трех ступеней обучения: начальной, средней и высшей школы.

Правительство

Диктатура Парижа.

Призыв спешно приступить ко всеобщему голосованию в 1848 г. был умышленной изменой. Было известно, что, начиная с 18 брюмера, когда прессе заткнули рот, вся провинция стала добычей духовенства, чиновничества и аристократии. При этих условиях требовать от поработанного народа участия в голосовании было то же, что требовать этого от их господ. Честные республиканцы требовали отсрочки избирательных собраний до той поры, когда, благодаря беспрепятственному обсуждению создавшегося положения, сознание народа станет свободным. Это требование объяло ужасом реакцию, уверенную

в своей победе, если выборы состоятся немедленно, и в своем поражении, если они состоятся через год. Временное правительство, с трудом терпевшее Республику, умышленно предало ее реакции.

Обращение к помощи всеобщих выборов на другой день после Революции могло иметь только одну из двух одинаково преступных целей: вырвать голоса принудительным путем или восстановить монархию. Могут сказать, что мы признаем право меньшинства и насилие. Нет, большинство, полученное при помощи террора и затыкания ртов, не есть большинство граждан, а стадо рабов. Это слепой суд, который в течение 70 лет выслушивал только одну сторону тяжущихся. Он обязуется теперь выслушивать в течение 70 лет другую сторону. Так как обе стороны не могли защищать свое дело одновременно, им придется защищать его поочередно.

В предвидении событий слащавые представители реакции уже плетут скучные сентиментальные проповеди на такой мотив: «Весьма прискорбно, что, одержав победу, партии думают только о возмездии вместо того, чтобы думать о свободе». Фальшивые напевы.

В 1848 г. республиканцы, забыв о 50 годах преследований, даровали полную и безграничную свободу своим врагам. Был торжественный и решительный час. Он уже не повторится вновь. Победители, несмотря на долгие годы жестоких обид, сделали первый шаг к примирению, подали пример.

Каков был ответ? Истребление. Вопрос решен. В тот день, когда трудящиеся смогут свободно говорить, они заткнут рот капиталистам.

Один год диктатуры Парижа в 48-м году избавил бы Францию и историю от событий четверти века, клонящегося к закату. Если теперь понадобится десять лет такой диктатуры, колебаться не следует. В конце концов парижское правительство — это правительство, избранное страной, а следовательно, единственно законное. Париж — это не обыкновенный, замкнутый в своих интересах город, — он является подлинным представительством нации.

Для блага революции важно, чтобы она умело соединяла благоразумие с энергией. Нападать на принцип частной собственности было бы в такой же степени бесполезно, как и опасно. Коммунизм нельзя предписать декретом, его пришествие должно быть вызвано свободным решением страны, а это решение может быть только следствием повсеместного распространения просвещения.

Тьма не рассеется в двадцать четыре часа. Из всех наших врагов это самый упорный. Быть может, и через двадцать лет не наступит ясный день. Сознательные рабочие знают уже по опыту, что главным, можно даже сказать, единственным препятствием к развитию рабочих ассоциаций служит невежество. Массы не понимают их значения и опасаются их. Опасения, увы, слишком

законные! Раса вампиров всегда тут, она готова возобновить эксплуатацию под новой маской. Невежественные рабочие, инстинктивно чувствуя эту опасность, предпочитают простую форму наемного труда. Они хорошо знают все его выгоды и невыгоды. Усложнения пугают их. Ничто не лишает нас бодрости так, как отсутствие ясного понимания игры, от которой зависит наша жизнь.

Тем не менее польза от ассоциаций станет ясной всему промышленному пролетариату, как только правительство приложит усилия к распространению просвещения, и объединение в ассоциации может завершиться с предельной быстротой.

Другое серьезное затруднение — это деревня. Прежде всего, невежество и недоверие посещают хижину гораздо чаще, чем мастерскую. Затем у крестьянина нет таких могучих побуждений — необходимости и выгоды, которые тянули бы его к ассоциации. Орудие его труда прочно и определено. В то время как промышленность, это искусственное создание капитала, подобна кораблю, качаемому волнами и ежеминутно угрожаемому крушением, у сельского хозяйства под ногами твердая почва, которая никогда не колеблется.

Крестьянин знает свой кусок земли, оккупывается на нем, укрепляется и боится только, как бы кто не отобрал ее у него. Кораблекрушением для него было бы поглощение его парцеллы этим океаном земель, пределов которого он не знает. Слова «раздел земель»

и «общность» звучат в его ушах, как набат. Эти слова немало способствовали несчастьям, поразившим Республику в 1848 г., и с тех пор, как появилась новая коалиция трех монархий, они снова используются против Республики.

Но это не может служить причиной, чтобы вычеркнуть слово коммунизм из политического словаря. Вовсе нет, надо приучать деревенского жителя слушать его, и не как угрозу, а как надежду. Надо лишь установить, что строй общности — это полное объединение всей страны, образовавшееся постепенно из отдельных ассоциаций и разросшееся путем последовательного слияния федераций. Политическая ассоциация французской территории уже осуществлена. Почему же экономическая ассоциация не может в результате распространения этой идеи стать ее естественным дополнением?

Нужно лишь открыто заявить, что никогда никого не будут принуждать присоединиться со своим полем к той или другой ассоциации и что если кто вступит в нее, то лишь по своей доброй воле. На имущество врагов Республики будут налагаться взыскания по постановлению судебных комиссий, что ни в чем не противоречит принципу собственности.

Необходимо будет равным образом огласить, что эти постановления не коснутся мелких и средних земельных собственников, так как их враждебность, даже если она и

существует, не имеет значения и не заслуживает возмездия. Но кого надо прогнать с земли без колебаний, без угрызений совести — это аристократов и духовенство. За границу, марш!

В какой срок может установиться коммунизм во Франции? Вопрос трудный. Судя по состоянию умов в настоящее время, нельзя сказать, что он вот-вот постучится в двери. Но нет ничего более обманчивого, ибо нет ничего более изменчивого, чем то или иное положение вещей. Большой преградой — и это никогда не лишне напомнить — является невежество. В этом вопросе Париж строит себе иллюзии. Это вполне понятно — с освещенного места не видно место, находящееся в тени. Газеты, путешественники рассказывают нам о провинции, но дать картину того, что она представляет собой, они не могут. Чтобы понять, что такое мрак, надо в него погрузиться. Он покрывает Францию таким толстым слоем, что, кажется, невозможно сорвать его. Одно единственное место освещено солнцем, над некоторыми другими едва занимается заря, нависли тусклые сумерки, а повсюду дальше — темнота.

Поэтому нам невозможно ясно представить себе разрешение социальной проблемы. Между тем, что есть, и тем, что будет, существует такое огромное расстояние, что мысль не в силах преодолеть его. Гипотеза, однако, дает ключ к загадке. Каким способом установилось бы абсолютное равенство, это един-

ственное средство, способное примирить властные требования всех после того, как каждый гражданин получит образование? Ни тени сомнения, что этим способом был бы коммунизм. Коммунизм — это единственно возможная организация общества, состоящего из высокообразованных людей и поэтому построенного на абсолютно равных началах.

В том, что жажда превосходства является первым и самым неизбежным следствием образования, легко убедиться, бросив взгляд вокруг себя и на себя. Кто среди просвещенных людей захочет терпеть чье-либо господство, если только он не будет принуждаем к тому силой? Привычка к принуждению создает привычку к покорности. Об этом перестают думать, а если и думают, то пожимая плечами, что является красноречивым жестом бессилия.

Итак, что такое грубая сила? Это — невежество, которое по милости случая служит первому встречному, это невежество, трусливое и покорное, орудие и, одновременно, жертва насилия. Нет невежд, нет и солдат! Всякая власть уничтожена. Кто сможет командовать своим соседом или жить на его счет? Равенство будет первым законом. Братство и свобода станут по необходимости его естественными спутниками. Коммунизм, конечно, будет обязательной формой такого социального порядка, ибо он один решает, на основе здравого смысла, все экономические проблемы.

Вот почему именно он не мог бы быть формой существующего общества. Он совместим только лишь со всеобщим просвещением, а мы еще не дошли до этого. Прежвременные попытки насадить его в несоответствующей среде породили бы лишь бедствия. В 1848 г. большинство рабочих плохо отнеслось к идее о равной для всех заработной плате, идее действительно не доступной людям с ограниченным образованием.

Ассоциация, которая будет матерью коммунизма, еще находится только в начальном периоде беременности. Она сохраняет среди своих сторонников строй, в котором господствует обмен, а следовательно, индивидуализм. Никто не согласился бы на более строгую ассоциацию, ничто еще не созрело для таких глубоких преобразований. До сих пор общность проявилась в мире только безобразной стороной — монастырями. Общность в будущем — это свобода. Дорога бывает сухой и твердой как от холода, так и от жары. Между ними — оттепель.

В Париже, на открытом публичном собрании, осмелились возобновить желчную критику *деклассированных*, как во времена государственного переворота. Осмелились говорить, что общество ученых не будет жизненным, что ему следует предпочесть общество болванов. Жаловаться на то, что существует слишком много образованных людей в то время, когда нация из-за своего невежества порабощена, разве это не язык врагов народа? Они

это прекрасно понимают и поэтому скрывают свою тактику под грубыми комплиментами, золотят пилюлю низкой лестью, проповедуя пролетариям, что искусство рук сто́ит силы ума. Трудящиеся, преданные делу освобождения народных масс, хорошо видят, сколько яду содержит в себе этот фимиам. Они слишком хорошо знают, что ни сила, ни ловкость не являются следствием ума и что автор какого-нибудь шедевра производства может в то же время быть невежественным дураком.

Возьмем для примера Индию и Китай. Европа никогда не могла сравниться с индусами по ткачеству кашемира. Как художники и как мастера китайцы по меньшей мере — наши соперники. И, однако, какая деградация! Почему? Отсутствует мысль.

Даже некоторые животные могут состязаться с человеком, а иногда они стоят выше его в обработке вещества. Некоторые птичьи гнезда — неподражаемые шедевры. Существуют ли более чудесные рабочие, чем пчела и паук? Пчела располагает свои шестигранные соты с такой геометрической точностью, которую мы никогда не сумеем превзойти. Паук поспорит с математиком и искусством ткача в тысяче расчетов, которыми он связывает свои нити и тклет свою паутину в самых разнообразных местах. И, однако, это всего лишь два обыкновенных насекомых.

Нет! Не проворство рук, а только одна идея создает человека. Орудие освобожде-

ния — не рука, а мозг, жизнь же мозга зависит только от образования. Нападки на образование, питающее мысль, являются покушением против самого мыслящего существа, являются общественным преступлением.

Желудок не может обходиться без пищи, мозг, напротив, легко привыкает к этому. Чем больше он страдает, тем меньше испытывает потребности в пище. Крайние лишения не вызывают в нем жадности к пище, а доводят его до потери вкуса к ней, пища начинает обременять его. Человек не чувствует своего недуга, он даже находит удовольствие в нем и охотно отдается истоме спячки. Голодание желудка причиняет физическую смерть, а голодание мозга приводит к духовной смерти. Только грубые существа удовлетворяются прозябанием в чисто скотской жизни. Так тирания искусной атрофией духовных способностей народа добивается его морального угасания и в некотором роде вычеркивает его из рядов человечества. Нация может простить своим угнетателям рабство, тюрьмы, мучения, нищету, голод, всякого рода насилия, всякие бедствия, все страдания, но покушение на его мозг, но удушение его ума она не простит, никогда, никогда, никогда! За такое преступление нет прощения!

Оставим же эти бредни, эти фантастические программы, эти споры о словах и формах. Спасение народа в просвещении! Все кричат: «Просвещения! просвещения!» Враг же не хочет его. Он из сил выбивается, чтобы

отбросить нас к средневековью. Кто может забыть достопамятные слова Монталамбера⁷⁸, произнесенные им с трибуны Учредительного собрания в 1850 г.: «Сейчас перед нами две армии — армия добра и армия зла. Армия добра — это 40 тысяч кюре, армия зла — это 40 тысяч учителей».

И что же! Обе эти армии образуют теперь только одну армию. Призыв Монталамбера был услышан. Раскройте «Монитор»⁷⁹, выходящий после государственного переворота, и вы увидите, что его программа выполнена буквально: коллежи везде заменены школами иезуитов, учителя затравлены, как дикие звери; предают анафеме деклассированных, или, иначе говоря, образованных бедняков; начальное обучение сведено к преподаванию катехизиса; в лицеях упразднена философия, программы сокращены; юное поколение предоставлено духовенству, повсюду смертельная война против просвещения, повсюду капиталисты громко зовут священника и мракобесие на помощь их всемогуществу, которому угрожает опасность.

В эти роковые дни кто мог сдержать слезы, видя разнузданные нападки на человеческую мысль! До чего ясной становится преступность такого неистовства! О, если бы только им дано было унести Францию далеко, за самые далекие океаны, с каким безумным сладострастием они уничтожали бы все памятники человеческого ума, печатное слово, вплоть до самого названия типографии!

К несчастью для них, если бы они увезли граждан, все же земля осталась бы, и так как в цивилизованном мире истинной силой является только ум, наши победители вскоре погибли бы от своей собственной победы. Им пришлось бы остановиться из страха смерти и не уничтожать полностью функции мозга. Но какие разрушения уже произведены! И это еще не конец. Сабля — Экю — Кропило — эта всегда господствующая троица может держаться только на насилии и дикости. Ее жалкого раба — всеобщее избирательное право — на выборы тянут за шиворот жандарм и священник, сопровождаемые капиталистом, который подталкивает их сзади ногой.

Что тут удивительного? Невежда — это почти не человек, его можно вести, как лошадь на поводу. Приучать его к труду и повиновению — единственная забота хозяина. Кто хочет до конца познать мечты консерватизма, пусть изучит его язык, его деяния в период после государственного переворота, в то время, когда, попирая народ ногами, он сорвал с себя маску и перестал церемониться. Немедленно были закрыты нормальные школы, которые выпускали хороших учителей. Какую бешеную брань печатали в то время против этих «рассадников поджигателей и отравителей юношества». В официальных речах, в газетах, в проповедях взапуски провозглашалось, что детей народа следует обучать только катехизису и какому-нибудь ремеслу, что всякое другое обучение — постоянный источник

бунтов, общественное бедствие. Повсюду раздавались проклятия просвещению, которое разжигает в народных массах зависть и восстанавливает их против общества; ураган проклятий обрушивался на *деклассированных*, этих врагов существующего социального порядка, этих зачинщиков волнений.

Теперь, когда мы видим, как возобновляются, даже в народных собраниях, нападки на *деклассированных*, как объявляется война бесплатному и обязательному обучению, нам нетрудно отгадать под ее фальшивым социалистическим видом феодально-клерикальную интригу. Внимательно изучая проект *профессиональных школ*, можно легко обнаружить яд 1852 года, эту навязчивую идею о том, чтобы заточить трудящегося в ремесло и таким путем возвратиться к кастовой системе.

Надо во всеуслышание сказать, что *профессиональные школы*, такие, какими многие их замышляют, были бы не более чем китайскими семинариями. Опасность этого тем серьезнее, что она облекается в форму лести. Путем лести хотят привести народ к вырождению и систематически противодействуют прогрессу. Гутенберг и Вольтер были совсем по-иному полезны человечеству, чем самый искусный мастер. К тому же угнетает не талант, а капитал. Способности без денег опасны только тирании.

Часто какой-нибудь работник умственного труда больше нуждается, чем работник физического труда. Что такое *деклассированные*,

как не парии ума? Их оскорбляют только потому, что они бедны. Как только у них появляются деньги, они перестают быть деклассированными и поднимаются до высшего ранга. Не лучшее ли это доказательство того, что в нашем социальном порядке люди классифицируются не по достоинствам, а по имущественному положению?

Множество ученых, оказавших человечеству услуги, живут и умирают бедняками, оставаясь неизвестными. У них были знания, но не было знаний, необходимых для обогащения, — у них не было ловкости. Ловкость, верховный властитель нашего жестокого общества, является для вампира тем же, чем хоботок для насекомого. Горе тем, кого природа забыла снабдить ею! Они будут служить пищей для царицы наук — науки эксплуатации.

Тысячи избранных чахнут в крайней нищете. Они вызывают ужас и страх у капиталистов. Капиталисты не заблуждаются в своей ненависти. *Деклассированные*, эта невидимая армия прогресса, являются в настоящее время скрытым ферментом, поднимающим массы, не давая им опуститься до состояния маразма. Завтра они превратятся в резервную силу Революции.

1869—1870.

1. СЕНТ-ЭТЬЕН

Борьба между фабрикантами и рабочими

Ассоциация рабочих-ленточников, организованная в 1848 г. под именем «Народного общества», несколько облегчила гнет, тяготевший над пролетариатом этого города. Фабриканты, сдерживаемые этой новой силой, метали гром и молнию и пророчествовали гибель Сент-Этьена. Они утверждали, что иностранные заказы прекратятся из-за повышения цен и перейдут к Базелю или к Англии. Они вне себя, что им приходится подчиняться законам, идущим от рабочих. Они привыкли сами создавать закон, это условие существующего социального порядка. Капитал повелевает, а не подчиняется. Как только он не может более господствовать, он начинает кричать об угнетении. Для него свобода — это абсолютная власть. Он не признает других отношений с трудящимися, как отношения господина к рабу.

Вполне вероятно, что мнимое рабство, о котором он громко кричит теперь в Сент-Этьене, есть лишь уменьшение его аристократизма,

ограничение его деспотизма, бывшего до сих пор безудержным. Благодаря союзу рабочий перестает подчиняться воле старых властителей. Против их жадности он борется равным оружием и не находится более в положении земляного червя. Он может остановить снижение заработной платы, противодействовать эксплуатации, бороться за лучшие условия труда вместо того, чтобы терпеть их. Он получает долю прибыли и уменьшает несправедливость в распределении.

Это недопустимый бунт в глазах фабриканта, не являющегося более верховным судьей в оплате рабочей силы и считающего, что этот мятеж лишает его основного элемента прибыли — произвольного уменьшения заработной платы, а следовательно, возможности продажи товаров по уменьшенной цене, что служит приманкой для заказов и гарантией сбыта товаров. Вся эта борьба чревата гражданской войной, так как никогда капитал не согласится отказаться от малейшей частицы своей власти. Он менее снисходителен и менее уступчив, чем абсолютные монархии, он не может идти на уступки. Он не хочет знать другого закона, кроме своей доброй воли.

Контрреволюционное Собрание, которое пытается нынче вновь заткнуть рот Франции, с неистовством предоставляет себя к услугам этому беспощадному господину капиталу. Своей поддержкой карательных мер против союзов оно выковало новую цепь, связывающую труд по рукам и ногам. Влияние рабочих

в Сент-Этьене возбуждает тайную и плохо сдерживаемую ярость роялистской партии. Солидарность и твердость широкой ассоциации ленточников внушает ей пока некоторую осторожность, которая проявляется в дипломатическом стиле газеты «Журналь де Деба», этого почтительного слуги власти.

Но дорого стоит этим верховным сеньорам сделка с рабами. Эта необходимость сдерживаться, это принуждение, внушаемое осторожностью, накапливают в глубине их душ страшный гнев. Они мечтают о крови, а иногда и говорят о ней — эти тираны, которым надели намордник. Несчастный Сент-Этьен еще не видел своей последней бойни, еще не носит траура. Несмотря на спокойствие, которое ни на миг не было нарушено, город осажден. Его республиканские газеты закрыты, его население живет под страхом резни, в его стенах поместили Радецких⁸¹ и Гайнау⁸².

Дело не ограничится угрозами. Капитал не удовлетворится столь малым. Он хочет оказаться правым перед дерзостью своих подчиненных и покончить с их союзами, осмелившимися ограничить его власть. Вот уже выдвигается требование перевода префектуры из Монбризона в Сент-Этьен, чтобы установить более эффективное наблюдение за этим очагом социализма. «Социализм сделал ужасные успехи!» — вскричал местный паша генерал де Граммон. Эти люди полны зловещих замыслов.

Декабрь 1849.

2. ТРИАДА

Я громко провозглашаю, что для нашей бедной Франции, где три четверти трудящихся нуждаются в самом необходимом, триадой являются по преимуществу три ножки котелка... Я знаю, что нас упрекают в обострении appetitов и в том, что мы низводим все вопросы до уровня низкого материализма. Пусть говорят это суровые моралисты, страдающие от ренты в 50 тысяч франков. Пусть Симеоны Столпники⁸³, живущие в тепле и сытости, проповедают голод и власяницу. Пусть поборники возвышенной политики, анахореты с толстым брюхом гремят против материалистических доктрин, а мы, вовсе не являющиеся фиваидскими монахами⁸⁴, мы, сенсуалисты, питающиеся черствым хлебом и водой, мы, обреченные на жизнь впроголодь,— мы умеем жалеть более несчастных, чем мы. Не будем уклоняться от своего пути из-за проклятий ангелоподобных тартюфов, сидящих между набитым каплуном и куртизанкой. Мы правы, мы на верном пути, останемся же на нем, под риском гибели и оставим своим врагам все отвратительное и смешное, что им так к лицу. Январь 1849.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БОГАТСТВА

На заре нашей истории богатства создавались посредством победы; позднее — конфискациями, грабежом, королевскими милостями;

в средних классах — ростовщицеством, путем злоупотребления доверием; во время Революции — покупкой национальных имуществ, спекуляцией, военными поставками; в период Империи — благодаря войнам, королевским милостям; начиная с 1814 г. — спекуляциями, биржевой игрой, ловкими банкротствами. У наших разбогатевших современников первое поколение состоит из ростовщиков, второе — из развратников и игроков.

1850.

4. КОММУНИЗМ И ПРУДОНИЗМ⁸⁵

Коммунизм и прудонизм яростно спорят на берегу реки о том, чем засеяно поле на противоположном берегу реки — маисом или пшеницей. Заупрямившись, они хотят решить этот вопрос, прежде чем преодолеют препятствие. Эх, переправимся сначала! А там уж увидим!

185..

5. СТОРОННИКИ РАЗДЕЛА ЗЕМЕЛЬ

В дижонской реакционной газете «Одр» помещена любопытная статья: «Социалисты, говоря о разделе земель, обещают несчастным обманчивое счастье. Перед нами практика такого раздела. Старые коммунальные угодья во многих местностях были разделены. Бедные жители, имевшие ранее право на паст-

бище, право на общий выгон, получили свою часть в полную собственность. Что же произошло? То, что из-за нищеты или непредусмотрительности большинство из них продало свою часть, а полученное растратило, сделавшись таким образом, беднее, чем прежде, потому что лишилось права пастись скот на общем выгоне. Вот что они выиграли от теории разделения имущества. Это общеизвестный факт, о котором мы предоставляем уравнителям поразмыслить».

Эта жалкая газета принимает социалистов за сторонников раздела имущества. Как раз наоборот. Они проповедуют всеобщее объединение как единственное средство от существующих зол, единственно возможное разрешение всех социальных проблем, порождающих нищету, беспорядок, гражданскую войну. Раздел земель, с их точки зрения, не является даже паллиативом и лишь привел бы к общему обеднению и страданиям. Раздел же коммунальных угодий всегда представляется социалистам губительным средством, которое должно повлечь за собой отягчение доли бедняков, неизбежно лишаящихся своего владения и теряющих прежние права на общинные земли. Они предсказывали такой пагубный исход, а невежественная газета возлагает на них ответственность за него. Смешная сторона этого приключения заключается в том, что эта газета, невольно защищает мнение своих противников и становится, таким образом, приверженцем их доктрины, становится под

социалистическое знамя, покидает дело семьи и собственности. Какой промах! Возражать против частной собственности! Как перо журналиста не подпрыгнуло от ужаса, когда он писал слова: «Бедняки стали еще беднее из-за превращения общественной собственности в частную собственность». Это же попросту чистейший коммунизм. Ибо логика неумолима. Аргумент, применяемый к коммунальным угодьям, применим и к общности земель. Присвоение земли есть, следовательно, бедствие, но оно не может быть то благодеянием, то бедствием. Если бы оно было благодеянием, оно оставалось бы им при всех обстоятельствах, в такой же степени при разделе коммунальных угодий, как при всяком ином разделе общественных земель. Разделение коммунальных угодий становится в некотором роде пробным камнем для существующей системы собственности. Результаты его либо осуждают ее, либо восхваляют. Если эти результаты удачны, они узаконивают эту систему, если они губительны, они осуждают ее. Защитники порядка выражают свое мнение. Раздел коммунальных угодий имел печальные последствия. Он лишь усилил нищету. Следовательно, неизбежным результатом присвоения земли всегда является создание нищеты и роскоши одновременно. Бедность и богатство — такова его двойная формула.

1850.

6. СЕН-СИМОНИСТЫ. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КРЕДИТ

Анфантен ⁸⁶ предложил сен-симонистам основать общество интеллектуального кредита с целью завербовать всех работников умственного труда в распоряжение и на службу финансистам. Купоны акций предоставляются ученым, писателям, артистам и т. д. Авансы и ссуды будут выдаваться им на основании оценки их заслуг, взятых под залог. Благодаря этому исчезнет безработица среди лиц умственного труда, они будут привлечены под знамена Биржи и демоны будут обращены в ангелов. Ум сделался помощником и слугой финансового мира вместо того, чтобы быть его самым грозным врагом.

Сен-симонисты сочли эту идею непрактичной и отказались от попытки испытать ее на деле. Они знали, что найдутся люди, которые будут уклоняться от нее, а это будет достаточно, чтобы цель не была достигнута. Эти-то люди и станут всем, завербованные же — ничем.

Март. 1863.

7. ДЕТОУБИЙСТВО. ЕГО ПРИЧИНЫ — БОГ И КАПИТАЛ

Существуют две причины детоубийства: капитал, который создает бедняков и мешает девушкам находить себе мужей, и христианство, которое безжалостно позорит материнство вне брака,

Богатые девушки могут выбирать среди своих претендентов. Бедными пренебрегают. Между тем у всех у них есть сердце. Но для одних материнство — это слава, а для других позор. Таков существующий порядок.

Бог и капитал объединяются для уничтожения девушки-матери. Капитал лишает ее куса хлеба, бог лишает ее чести. От их рук гибнет дитя; мать сходит с ума от отчаяния, — и сколько миллионов таких жертв!

Что происходит с двумя убийцами? Где они? Один на троне, другой на алтаре. И честные люди не питают беспощадной ненависти к этим чудовищам!

1867.

8. ФИЛАНТРОПЫ

«В Англии пьянство развивается в такой же степени, как в России. Там ежегодно расстрачивается около 100 миллионов фунтов стерлингов на спиртные напитки (два миллиарда пятьсот миллионов франков). Преступления и нищета увеличиваются обратно пропорционально усилиям филантропов уменьшить это зло» («Монитор» от 23 мая 1869 г.).

Филантропы хорошо едят, тепло и хорошо одеты. Они могут философствовать вволю.

Свобода (по английской моде) фабрикует миллионеров дюжинами, а голодных — миллионами. Миллионеры становятся филантропами, а голодные пьют, чтобы заглушить свой голод.

Господа филантропы лечат одной рукой то зло, которое они творят другой. Только их добро — песчинка, а зло — целая гора.

1869.

9. ВОЙНА КАПИТАЛА С РЕВОЛЮЦИЕЙ

«Ревю де Де Монд» от 1 апреля 1866 г.
Е. Форкад. Политическая хроника:

«...После 1851 года политическая активность во Франции сменилась активностью промышленной и финансовой. Надо было восстановить старые железные дороги, продолжить и закончить постройку железнодорожной сети, привести обширные общественные владения в хорошее состояние, и все это для извлечения больших доходов от капиталов, *чрезвычайно возросших от сбережений, благоразумно скопленных в тревожный период Республики*».

Определенное и ясное признание! В период Республики капитал удалился на Авентинский холм, предоставив Францию безработице, нищете и голоду. Капитал не пострадал, он накоплял сбережения. По своему обыкновению он взимал налог с труда, захватывал продукт тяжелого народного труда и изымал его из обращения. Этот излишек, этот доход, предварительно изымаемый и с течением времени возвращаемый только взамен новых премий, он предпочтет сохранить непроизводительным, уменьшающим его собственную прибыль, лишь бы заставить массы голодать и принудить их к капитуляции. Вам дозволяется де-

лать такие революции, которые оставляли бы капитал в руках врага. Капитал вопит: рабство или смерть!

Апрель 1866.

«Фигаро» от 8 сентября 1869 г. по поводу болезни Бонапарта и приостановки коммерческих дел говорит: «Деньги трусливы, они скрываются при малейшем волнении».

«Насиональ» от того же числа и по тому же поводу, пишет: «Капитал подобен пугливой лошади, которая при малейшей тревоге несется, закусив удила, как можно дальше. Попытаемся вернуть ее, чтобы она вдохнула жизнь в замерзшие дела».

В переводе этих слов на обычный язык они означают, что «богатые, взимающие такой большой налог с труда, при первом приступе гнева или страха спешат похитить свои экую из производства. Они перестают помещать в него свой капитал, перестают покупать и, будучи суверенными посредниками в товарообращении, они останавливают все дела, убрав орудие обмена.

Вот что ждет народ после революции. Капитал — король и хочет остаться королем. Покоритесь же ему».

Производство по преимуществу предназначается для богатых потому, что у них оно находит то, что ему надо, — сбыт. Вот почему раздаются вопли против политических потрясений: «Они уничтожают всякие сделки, они распространяют нужду». Конечно!

Богатые разделяют свои доходы на две части — сбережения и издержки; издержки идут на то, чтобы наслаждаться жизнью, сбережения — на увеличение капитала посредством накопления процентов на него, взимаемых в разных формах: в виде ренты, арендной платы, платы за наем, дивидендов и т. п.

В первый же день революции богачи приостанавливают свои вложения и взносы, складывают свои эки в ямы, ограничивают свои расходы самыми необходимыми и прекращают, таким образом, торговлю предметами роскоши, вредную торговлю, которую создало их богатство и которую только одно оно может поддерживать.

Приостановка капиталовложений в промышленность лишает ее основного питания и приводит к закрытию предприятий. Сокращение покупок до крайнего минимума душист торговлю магазинов, останавливает фабрики. Повсюду начинаются безработица и продажа товаров себе в убыток. Деньги спрятаны под замок, и общественная деятельность мгновенно замирает. Победивший народ умирает с голоду у дверей своих побежденных господ.
Сентябрь 1869.

10. СЕКТЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Высокомерные теоретики смотрят на революционеров сверху вниз, под тем предлогом, что они не владеют формулой реконструкции, заменяющей то, что падает.

Почему революционеры не воспримут какую-либо формулу, подобно этим великолепным творцам общественных организаций [organiciens]? Ничего не стоило бы выбрать ее среди тех панацей, которые им предлагают, среди зданий, воздвигнутых столькими архитекторами. Разве настолько они невежественны, чтобы не знать, какие замки выдуманы любителями строить их? Действительно, по видимому, именно так мыслят создатели новых миров. Если вы не присоединяетесь к какой-нибудь одной школе, — значит все они чужды вам. Только по причине вашего невежества вы остаетесь равнодушным среди стольких образцов казематов, в которые сторонники выдуманных общественных организаций предполагают заточить будущее.

Фурьеризм, сен-симонизм, коммунизм, позитивизм — все они спешат создать кааторжные тюрьмы совсем нового типа, где человечество испытает счастье быть скованным усовершенствованной цепью.

Все требуют от вас определенной программы, определенного способа управления, системы, распорядка, — анархисты, противники правительства, в такой же степени, как и остальные. Одни требуют нового централизованного порядка, другие хотят децентрализовать его, но все согласно требуют распорядка.

Удивительная мономания! Революционеры вовсе не имеют претензию построить новый мир на основе только своих знаний. Они прекрасно видят, чем грешит старый порядок.

Они расследовали, кто является виновником, преграждающим путь человечеству. Они судили его, осудили, они предают его казни.

На первой скамье подсудимых расположено христианство, или, вернее, монотеизм. Это самый искусный отравитель, та смертоносная составная часть общества, которую необходимо изгнать из его тела. Приговор окончательный, не подлежит апелляции. Теизм в трех его формах — иудаизма, христианства и ислама — должен быть уничтожен. Таков путь, так указывает компас.

Затем встает вопрос о капитале, вопрос, бесконечно более сложный и трудный. В принципе, по законам морали, этот вопрос тоже решен. На практике же это неисследованная глубина, которую надо еще изучить. Возможно ли теперь же построить здание, из которого был бы изгнан капитал? Есть ли у нас план, материалы, все элементы этого совершенного дома? Сектанты говорят «да», революционеры говорят «нет», а между тем не существует истинных социалистов, кроме революционеров, потому что они много лучше охраняют будущее, принадлежащее социализму.

В этом отношении истинные социалисты приближаются к экономистам, требующим от правительства лишь поддержания порядка, ничего больше, никакого организованного вмешательства. Только с той разницей, что экономисты призывают к такой деятельности пра-

вительства в пользу существующего общественного организма, социалисты же — против этого организма, потому что он признан плохим, потому что он осужден справедливостью, чувством, против него всячески протестует человеческая совесть.

Пусть правительство уничтожит религии, этих природных убийц человеческого рода. Это первая обязанность полиции. Без этой чистки ничего невозможно сделать. Пусть одни угнетатели: чиновники, капиталисты — будут изгнаны, другие — помещены под строжайший надзор — такова вторая ее обязанность. Все это просто сделать. Но чтобы правительство вмешалось à priori в создание какого-то фантастического социального организма, чтобы оно предписывало своей властью, на основе своего авторитета — нет, тысячу раз нет! Тут уж начинается безумие, чтобы не сказать преступление. Это было бы источником бедствий.

Создание социального организма не может быть делом одного или нескольких человек. Оно не зависит от добросовестности, от самоотверженности, не может быть делом даже гения. Оно не может быть импровизацией! Это дело всех, дело времени, движения ошупью, накапливающегося опыта, какого-то неизвестного, стихийного течения. Так река образуется постепенно из стечения тысячи источников, миллиардов капель воды. Устраните препятствия, создайте ей уклон, но не претендуйте на то, будто вы можете создать реку.

Сен-симонизм, фурьеризм сами себя осудили своим высокомерием, несостоятельностью своих творений. Позитивизм, бывший сначала революционным, потерпел крушение, разбившись о тот же подводный камень фантастической и единовластной организации. Всякий социальный догматизм погибнет подобным же образом.

Революционер, оскорбляемый и проклинаемый всеми этими основателями общества, произвел всех их на свет, а теперь похоронил их. Преступление погубило отцеубийц. О них осталось лишь какое-то легко улетающее воспоминание, тогда как их отец, столь поруганный, растет в своих деяниях и в своей мощи.

Нет! Никто не знает, и никто не хранит тайну будущего. Самый прозорливый человек может иметь лишь какие-то предчувствия, видеть какой-то просвет, бросить какой-то беглый и неясный взгляд в будущее. Одна лишь Революция, расчищая почву, прояснит горизонт, приподнимет постепенно завесу, укажет дороги, или, вернее, многочисленные тропинки, ведущие к новому общественному порядку. Безумцы те, кто думает, что имеют у себя в кармане подробный план этой неизвестной земли. А те, кто хочет сохранить нашу дикую степь в ее настоящем виде до тех пор, пока у нас не будет готов желанный план, это — враги рода человеческого.

Нечего обманывать себя: если все должно делаться в интересах коллективности, оно

должно делаться индивидуумом. Индивидуум — это элемент человечества, подобно петле в вязании. Следовательно, вне просвещения индивидуума нет ничего. Управление, централизация или децентрализация, бесконечные комбинации или уравниленность власти — все это глупость или надувательство. С индивидуальным просвещением — все. Без него — ничего. Свет или тьма, жизнь или смерть.

Октябрь 1866.

11. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Существуют только три источника собственности — сила, купля, труд.

Ни один из этих источников не может узаконить бóльшую площадь владения, чем та, которая может быть обработана самим владельцем.

1. Сила одним своим названием выносит себе приговор. Победитель, будь то король, разбойник или безразлично кто, насильно заставляет работать других в свою пользу.

2. Купля земли является присвоением ее при помощи капитала. Капитал же сам по себе незаконен как продукт труда другого и не может даровать права на землю.

3. Труд, единственный законный источник земельной собственности, дает право на тот участок земли, который обрабатывается самим владельцем. Все то, что является продуктом труда другого, похищено у трудящегося.

Итак, право первого занявшего землю ограничивается тем участком земли, который он может обработать сам, своими силами. Излишек — уже узурпация.

Ноябрь 1868.

12. ПРОЕКТ РЕЧИ

Граждане, я беру слово, мой ум преследуют столь тягостные сомнения, что я не могу молчать. Когда дело идет об интересах масс, искренность является наиболее властной обязанностью, а отвратительный порок — двуличие становится настоящим преступлением. Народ, простой и честный, лишен защиты против коварства, и его доверчивость легко бывает обмануть. Я выскажу здесь мою мысль открыто, без обиняков, и надеюсь, что ее не будут пытаться заглушить. Это насилие, к тому же, не принесло бы пользы интриге и лишь раскрыло бы замыслы интриганов.

...Кооперация — это какое-то странное создание, существо гибридное, наполовину Прудон⁸⁷, наполовину Мальтус⁸⁸, или, вернее, плоть от плоти Мальтуса, одетое в какое-то подобие прудонистских отрепьев. С этим идолом повсюду торжественно носят слезы на глазах, с громкими криками радости: «Вот счастливая новость! Вот настоящий, хороший социализм! Зло уничтожено. Собственные преступления убили его. Народ говорит ему: *Rasa*⁸⁹! — и отрекается от своих старых заблуждений. Он отрекается от экстравагантно-

стей 48-го года и доводит свое раскаяние до того, что в наказание за свои преступления выбрасывает в мусор слово *ассоциация*. Он заменяет это преступное слово смиренным названием кооперации, исключая всякое вторжение мысли и соответствующим лишь понятию общей упряжки, которое отвечает скромности ее вожделей. *Благородные и прекрасные низшие классы!*»

Ошибаетесь, господа! Народ ничего не отверг, ни от чего не отступил, ничего не бросил в сточную трубу. Социализм 48-го года был упразднен,— вот и все, и это было сделано вовсе не народом. Упразднение не есть аргумент, и либерализм, топча с презрением тело казненного, выражает лишь радость по поводу того, что ему удалось руками противника освободиться от политического врага, и треплет по плечу бывшего союзника.

Подождем немного! Такие покойники иногда возрождаются. Правда, в настоящий момент социализм 48-го года все еще спит в своей гробнице. Ему никогда не разрешали поднять могильную плиту. Его стражи не дремлют. В течение шестнадцати лет он нем, как могила, и ни одним своим волосом не украсил туалет кооператива. Место остается за прудонистским социализмом, который внушает много меньше страха, в особенности с тех пор, как его увидели в том виде, как его понимают и как применяют так называемые адепты прудонизма. Бедный Прудон! Мог ли он когда-нибудь подумать,

что его дитя, его сын, запеленутый в его доктрины, будет окрещен, будет взлелеян, облакан, воспитан и превознесен политической экономией Мальтуса и К^о?

Надо, однако, объясниться. Да, в 1848 г. существовали и сталкивались два социализма: один — социализм Прудона⁹⁰, основанный на умеренном индивидуализме, безвозмездной взаимопомощи; другой, — безымянный, основанный на всеобщей, прогрессивной ассоциации. Ни один из них не мог одержать победу в то время. Такие победы не могут быть делом одного дня. И тот и другой потерпели неудачу. Это были братья-враги. Но, ожесточенно враждуя между собой, эти братья тем не менее сохраняли существенное сходство, указывающее на общность их происхождения, разрешающее им носить одно и то же имя. Оба они вели беспощадную войну с капиталистической тиранией и провозглашали незаконность извлечения выгоды под какой угодно формой: ренты, наемной или арендной платы, премии и т. п.

Они признавали только право труда, но не допускали никакого права за капиталом. Это учение является не только научной истиной, но также и высшей моралью. В самом деле, труд — это человек; капитал — это материал. Только человек действует, капитал не действует. Он служит лишь неподвижным орудием в руках трудящегося. Следовательно, никакая доля продукта труда ему не принадлежит.

Здесь не место опровергать софизмы политической экономии в пользу вознаграждения капитала. Это выходит за рамки моего труда. Достаточно напомнить, что оба вида социализма, борющихся между собой — мютюализм и ассоциация, несмотря на их коренное расхождение, были согласны в главном пункте: о незаконности получения процента с капитала. Конечно, это еще не все. Но пусть спросят у землевладельцев, у финансистов, торговцев и промышленников: мало ли это. Признавая трудности, связанные с вопросом организации труда в обеих социалистических системах, — а ведь именно в этом вопросе и вспыхивает между ними антагонизм, — можно смело высказать мнение, что самая сущность социализма покоится на формуле *незаконности получения процента с капитала*.

Если же кооперация, как похваляются ее основатели и как услужливо повторяют ее газеты, есть благовоспитанная дочь прудонистского социализма, она должна была положить в основу своей организации по меньшей мере тот единственный пункт доктрины Прудона, который делает ее социалистической. Вместо этого кооперация признала формулу *процент на капитал своим божеством*, а капитал своим властелином. Она зиждется на такой же основе, как и всякие коммерческие общества, — на анонимности, соучастии, участии взносами. Почитайте ее уставы, ее отчеты, ее манифесты; тот же финансовый жаргон, ни точкой больше, ни запятой меньше. Публичное

покаяние перед *laissez-faire* и *laissez-passer*⁹¹, полное торжество той беспощадной политической экономии, которая бросает миллионы жертв во всё поглощающее жерло конкуренции... и, можно прибавить, предложения и спроса, ибо есть и в кооперации подсобные работники. *Подсобные!* — слово, стыдливо прикрывающее слово *наемные*. А кто знает, не будут ли многоголовые хозяева более суровыми, чем одноголовые хозяева? Можно ли после этого удивляться мальтузианской нежности к кооперативному младенцу!

Его крестные отцы говорят пролетариям: «Не думайте о правительстве. Вам совершенно не нужна его помощь. Не просите у него подачек из его миллионов. Вы не имеете права на них. Кроме того, они будут скорее вредны вам, чем полезны. Откладывайте копейку за копейкой из вашего тощего кошелька, чтобы создать себе капитал — орудие труда, и тогда вы перестанете быть наемными эксплуатируемыми рабочими, вы станете капиталистами, вы будете получать двойной барыш, сначала от процента на капитал, а затем от рабочей силы, если не будете пользоваться заранее своей долей имущества. Вот верный путь освобождения и благосостояния! Оставьте же правительство в покое и, не добиваясь его вмешательства, пожелайте лишь, чтобы оно само не вмешивалось в ваши дела».

Но как не вмешиваться правительству, если оно представляет государство? Конечно, это был бы прекрасный совет, если бы это не

было насмешкой. Рабочим предлагают создавать на свои гроши *маленькие* ассоциации из десяти, двадцати, тридцати, пятидесяти, ста лиц, погрязнуть в их делах, не спускать глаз с управляющего и заботиться о том, чтобы вложенные деньги приносили прибыль. В действительности же этим их отговаривают совать свой нос в дела *большой* ассоциации, где поглощаются большие суммы, достигающие двух с половиной миллиардов франков.

Неужели можно себе представить, что изъятие из национального производства двух миллиардов франков не имеет значения для благосостояния трудящихся и что им больше не о чем заботиться, как о том, есть ли горы на луне? А употребление этих денег тоже не интересует их? 500 миллионов государственного долга — деньги, неизвестно на что потраченные? 500 миллионов, лишивших шесть тысяч человек работы; 60 миллионов, пожалованных церкви, на которые она будет поддерживать темноту в народе; 25 миллионов — для так называемого народного просвещения, находящегося в руках духовенства, которое в лучшем случае держит народ в полутьме; разве все это не имеет никакого влияния на судьбу масс? Как же смеют сказать им, чтобы они отвернулись от государства и чтобы они рассчитывали только на самих себя?

Я прекрасно знаю, что мне ответят: «Никто не стремится отвлечь рабочих от общественного дела; совсем наоборот, их уговаривают принять в нем активное участие.

Пусть они занимаются политикой,— это их право и обязанность. Но политика — это одно дело, а общественный труд — другое. Требовать от государства хорошего руководства общественными интересами — это хорошо. Требовать же от него денег в своих частных интересах, как это делали рабочие в 48-м году,— это безумие. Нельзя смешивать два вопроса, отличных друг от друга и существенно различных».

«Отличные! Различные!» Тысячу и тысячу раз нет! Это один неразделимый вопрос. Я согласен, что в государственный бюджет не входит отпуск денег ассоциациям трудящихся... И все же! Предположим, что в противоречии с освященными аксиомами официальной политической экономии какие-то авансы будут безвозвратно выданы рабочим обществам. Что представляет собой эта цифра в сотни и тысячи франков перед тысячами миллионов, разбрасываемых пригоршнями по всем большим дорогам Европы, Азии, Африки и Америки? Река и стакан воды! Поднимается громкий крик из-за стакана пролитой воды, и в то же время спокойно взирают, как течет река. А между тем стакан воды оказал какое-то действие в том месте, где он разлился, а река безвозвратно затерялась в море.

Но оставим придирки! Пусть будет исключена из бюджета сумма помощи рабочим ассоциациям. Рабочие вовсе не требуют денег у государства. Наоборот, государство требует у рабочих денег и требует их много под пред-

логом общих интересов. А их частные интересы не страдают от этого кровопускания? Если большая ассоциация забирает их копейки, из чего они смогут составить капитал малых ассоциаций? И если она плохо использует налоговые суммы, это для рабочих еще более губительно, чем тяжелый налог. Плохое использование налоговых сумм может убить их разум, основной источник всякой деятельности.

...Существуют три вида кооперативов: потребительские, кредитные и производственные общества.

Легче всего и проще всего организовать потребительские общества. В них мало чем рискуют. Но они могут принести только лишь незначительные результаты, а иногда могут даже обмануть ожидания. К тому же они возможны только в густо населенных пунктах. В общем это даже не паллиатив, а только забава.

Кредитные общества уже являются опасностью для рабочих: они ослепляют их миражем, увлекают и запутывают их трудными вопросами текущих счетов, сроков платежей, накопления процентов, всей путаницей финансовых комбинаций, где рабочие рискуют погубить себя по неопытности. Эти общества требуют от рабочего образования, что крайне ограничивает круг их членов.

Что же касается производственных обществ, я считаю их самой опасной ловушкой для пролетариата. Понятно, что только очень

небольшое число трудящихся обладает необходимыми для подобных предприятий способностями. Следовательно, в них примут участие только наиболее одаренные из рабочих. На этом пути как удача, так и неудача одинаково принесут несчастье. Неудача — это разорение и упадок духа. Удача — еще хуже; она приводит к разделению рабочих на два слоя: с одной стороны — огромная невежественная масса, покинутая, без поддержки, без надежд, получающая низкую заработную плату; с другой — незначительное меньшинство, умное, озабоченное отныне только своими частными интересами и навсегда отделенное от своих несчастных братьев.

Не хотят ли таким путем снять сливки с народа, отнять у него его естественных защитников, чтобы превратить их в новую касту, в своего рода полубуржуазию, только еще более эгоистичную, потому что, соприкасаясь с деньгами, она становится более подозрительной и более грубо консервативной? Вот последнее слово этого незаконнорожденного средства, которое в колыбели окрестили великим именем: *возрождение социализма*, и которое является его отрицанием, его могилой! Это приманка для народа, чтобы увлечь его в сторону от естественного пути, завести его в тупик, втянуть в какие-то ребяческие спекуляции с единственным результатом — вызвать у несчастного рабочего постоянную лихорадку *прибыли и убытка*, которая погло-

тит всю его жизнь, не оставив ему ни единой мысли об общем деле.

...Хотят освободить народ наперекор правительству путем создания *малых* кооперативных обществ! Химера! Измена, быть может! Народ может выйти из рабства только по буждению *большого* общества, Государства, и пусть осмелится кто-либо утверждать обратное. У государства нет иной законной миссии.

Каков же этот новый тезис, выдвигаемый вопреки опыту и здравому смыслу какой-то мнимой наукой, называющейся политической экономией; странный тезис, согласно которому вся деятельность народа проходит вне его правительства и совершенно независимо от него? Подобная доктрина является самым дерзким опровержением очевидности и истории, а следовательно, глупостью. Хуже того, она безнравственна и преступна.

История громко говорит о том, что в продолжение веков правительства губят или спасают народы, которые живут или умирают по их воле. Добро и зло — всё исходит от них. Прекрасно умея воздать себе честь за одни действия, как же могут правительства не нести ответственности за другие? Они отвечают за всё: за невежество, нищету, за превратные идеи и порчу нравов, за упадок и материальные, духовные и нравственные разрушения. Хлеб для народа в такой же степени зависит от них, как его честь. Поэтому совершенно справедливо, что народ приписывает им свои

страдания. Не в обиду будь сказано господам экономистам, ни в Англии, ни в других странах нельзя съесть кусок хлеба без разрешения правительства. Оно держит нас на привязи. Если нация, обремененная плохим правительством, лишена силы и воли, чтобы сменить его, она начинает агонизировать и постепенно гибнет. Вопрос о правительстве есть вопрос жизни и смерти народа.

Нет ничего более пагубного, чем искоренение этой истины из умов масс и стремление убедить их, что их материальное благополучие не входит в компетенцию государства. Это то, что пыталась сделать кооперация, побуждаемая политической экономией *laissez-passer* и *laissez-faire*, которая хочет, повидимому, чтобы все шло своим порядком даже тогда, когда это невозможно. Политическая экономия пыталась убедить пролетариев, что легко будет шагать со связанными руками и ногами. Иллюзия не может долго длиться. Рабочие увидят, что, когда ноги и руки связаны, а на глазах повязка, двигаться вперед нельзя.

В существующих политических условиях рабочим могут быть полезны только общества взаимопомощи для защиты труда и для борьбы с капиталом. Всякая попытка организации производства была бы ложным шагом и анахронизмом. Такое предприятие имеет шанс на успех только при свободе и просвещении.

Итак, трудящиеся теперь должны следовать по одному пути: они должны объединить уси-

лия, чтобы охранить себя от самодержавия капитала и чтобы добиться:

1. Полной свободы печати, без фискальных препятствий, без драконовских репрессий; свободы собраний и союзов; свободы высказывания.

2. Ежегодного ассигнования суммы в пятьсот миллионов на народное просвещение.

Это главный вопрос, который разрешит судьбу народа. Обучение не должно оставаться таким, как теперь, — насмешкой, гасильником мысли. Оно должно быть не только бесплатным и обязательным, но и полным. Уметь читать и писать или ничего не уметь — это почти одно и то же. Зачем нужно оружие, если нельзя им пользоваться? Надо обучить всех французов, без исключения: французскому языку, арифметике, элементарной геометрии и космографии, рисованию, дать им достаточные познания в геологии, физике и химии. Профессиональное обучение должно быть организовано повсюду в широких масштабах, в сельском хозяйстве, в промышленности и торговле.

Строго воспретить священнослужителям переступать порог школы.

Между пятью и пятнадцатью годами ребенок без труда приобретет все эти знания, а если захотят продлить его обучение по мере возможности, то деньги, потраченные на это, в течение трех лет окупятся огромным ростом продукции в производстве. Если к этой системе обучения прибавить свободу союзов

и печати, то менее чем через десять лет исчезнет эксплуатация и народ станет сам себе хозяином. Тогда можно будет начать говорить о *самоуправлении*. В настоящее время самоуправление — это пасквиль. Его нет даже в Соединенных Штатах, где просвещение масс находится в таком зачаточном состоянии, при котором подобная степень цивилизации невозможна.

Если пролетарии будут упорствовать в своих напрасных усилиях создать не имеющую будущности *кооперацию*, они выкуют себе новые цепи вместо того, чтобы разбить их. Все то, что отвлекает рабочих от государственных преобразований, губительно для них. Первое же, наиболее важное из подобных мероприятий, — это распространение просвещения. Пролетарии не знают, что просвещение — тот же хлеб, что и свобода, и что невежество одновременно и рабство, и нищета. Если бы тем, кому теперь исполнилось двадцать лет, предоставили с 1857 г. широкое образование вместо того, чтобы заставлять их жить, как крепостных, как смиренных наемников, — они сравнялись бы с кем угодно. Просвещение для людей стоит большего, чем пятьдесят Калифорний.

Увы! Оно находится под серьезной угрозой в нашей несчастной стране из-за беззаботности народа, не думающего требовать его полным голосом потому, что не знает ему цены. Роковая слепота! Да, просвещение теряет почву, которую день за днем, шаг за шагом

захватывает клерикализм, подобно кроту, неустанно пробивающий себе дорогу вперед. Церковные школы постепенно воздвигаются на развалинах светских школ. Когда-то у духовенства не было и четвертой части всех школ. Затем оно приобрело треть их, наконец, половину, и этот быстрый рост продолжается, клерикализм продолжает одерживать победы, отмечаемые ежегодно при всеобщем равнодушии. Все, кто богат, яростно помогают ему. Когда клерикализм завершит свое завоевание, когда дело воспитания перейдет целиком в руки духовенства, тогда над Францией опустится ночь и трудящийся увидит, что приносит ему эта ночь, или, вернее, он ничего не увидит, так как в потемках перестают видеть.

Кооперация пришла на помощь врагу и принялась уничтожать Революцию, заменяя ее знамя активом и пассивом. Начиная с 89-го года только идея является силой и спасением пролетариев. Всеми своими победами они обязаны только ей. Формула «Свобода! Равенство! Братство!» обеспечивает блага материальной жизни так же, как моральный прогресс. Она принесет народу благосостояние и достоинство. Пусть же народ не отрекается от идеи, чтобы броситься в спекуляцию. Спекуляция — это голос несправедливости, это голос эксплуататоров, это не голос народа, который погиб бы от нее.

Август 1867.

13. О КООПЕРАТИВЕ

По мысли правительства, кооператив имел ту же цель, что сберегательная касса, а именно — обезоружить и усыпить пролетариат иллюзией благосостояния. Это была более искусная комбинация, хотя и она окончилась неудачей и даже приобрела вполне революционный характер.

Дело было основано не на умалении значения политической экономии, а, наоборот, в строгом применении ее доктрин. Это не стоило государству ни одной копейки, ни одного движения. Сбережения как средство, капитализация как цель, освящение старого порядка и отрицание социализма — такова программа. Сам народ объявил себя покорным слугой и вассалом официальной науки. Он подписывает низложение труда и провозглашает доходность, иначе говоря, верховенство капитала.

Так мечтала реакция и сперва казалось, что ее мечта осуществляется. Женевский конгресс громко возвестил систему чистого экономизма. Всё без государства, ничего через государство. Политический и религиозный индифферентизм. Кооперация, основанная на законном проценте с капитала. Проклятие идеям 48-го года. Осужден Прудон с его борьбой против ростовщичества.

Так говорили в Женеве, от имени кооперативных обществ рабочие делегаты *Международной ассоциации*. И пресса единодушно рукоплескала отречению самого народа от его

прежних революционных безумств. Перед лицом этого торжественного отречения люди, проповедующие равенство, склонили голову. Но потом они подняли ее. Ибо то, что одержало победу в Женеве в 1866 г., заколебалось в Лозанне в 1867 г., рухнуло в Брюсселе в 1868 г. и исчезло в Базеле в 1869 г.⁹² Коммунистическая идея одержала победу, она сокрушила индивидуализм, и в лагере буржуазии ликование уступило место испугу.

1870.

14. СТАЧКА И КООПЕРАЦИЯ

Идея стачки понятна всем; это идея простая — сопротивление гнету. Все могут присоединиться к ней.

Кооперация, в ее различных формах кредитного общества, производственного общества, — сложное дело, которое может привлекать развитых людей, но она пугает людей простых — невежественных. У кооперации едва ли десятки приверженцев, у стачки — десятки тысяч.

В одном случае большинство — в другом редкие исключения. Знамя, привлекающее массы, не предпочтительнее ли знамени, под которым группируются несколько индивидуумов?

Стачка, несмотря на свои неудобства, естественное и доступное средство, в котором могут участвовать все. Кооперация — это средство, доступное только наиболее образованным

людям, а все остальные относятся к нему с недоверием, безразлично или даже вовсе не знают о нем.

Стачка — это единственное поистине народное оружие в борьбе с капиталом.

Опираясь временно на стачку как на средство защиты против гнета капитала, народные массы должны сосредоточить все свои усилия, чтобы добиться политического переустройства, признанного единственно способным провести социальную реформу и установить распределение продуктов труда по справедливости.

Октябрь 1867.

15. РАВНОЦЕННОСТЬ — ЗАКОН ОБМЕНА

...Кровопийцы изменили назначение денег. Деньги, которые должны были служить звеном солидарности, обратились в тяжелую цепь. Каким образом? Простым искажением их принципа.

Каков этот принцип? Обмен между двумя предметами одинаковой ценности. Самое слово *обмен* включает в себе это условие равноценности. Если обменивают два предмета, это означает, что они равноценны.

Сравнивать предметы часто бывает очень затруднительно, почти невозможно. Кроме того, у лиц, производящих торговые операции, в настоящее время нет потребности в обмене. Деньги разрешают оба эти затруднения.

Обмен разделился на два процесса. Сначала продают, затем покупают. Неизменным остается условие равноценности обмениваемых предметов. Деньги, полученные одной рукой по цене проданного товара, должны быть пущены в обращение другой рукой по цене купленного товара той же ценности, независимо от интервала между этими двумя операциями.

Несомненно, что такое равенство имеется не всегда, и даже редко. Но в принципе оно должно существовать. Кто покупатель и кто продавец — в этом легко ошибиться. Но каковы бы ни были различия, за деньгами остается нетронутой их функция — служить мерой ценности, нейтральным орудием обмена. Деньги были получены за предмет, который стоил их, они восстанавливаются в обмен на другой предмет, который также стоит их. Условие равноценности сохранено.

Если же деньги, перехваченные по пути продавцом продукта, возвращаются в обращение только за известную плату, уменьшающую под любым предлогом ценность полученного предмета, если купленный предмет стоит больше, чем проданный предмет, деньги перестают быть средством обмена, становясь орудием грабежа.

Возврат потраченного экию в конце года под видом налога, премии, прибыли, процентов, неважно, под каким названием, — означает получение налога сверх того, что заплачено самим продавцом, означает эксплуатацию

орудия обмена, разрушение его братской функции, превращение феи в гарпию.

Замена ссуды продажей, касается ли это денег или товара, является покушением на социальный закон, основанный на разделении труда и использовании денег.

Август 1867.

16. ПРОГРЕССИВНЫЙ НАЛОГ

...Прогрессивный налог — переходное мероприятие. Противники этого налога обвиняют его в уничтожении единственного источника человеческой деятельности — в уничтожении надежды и возможности приобретения. Приобретать что? Средства эксплуатировать другого.

Цель всякой деятельности — счастье. Но что такое счастье? Каждый дает ему свое определение, и перечень их был бы длинным. Часто говорят, что счастье заключается в удовлетворении своих потребностей. Опять туманное слово. Какие потребности? Здесь открывается безграничное поле. Есть потребности физические и потребности моральные. В физическом отношении желаемой вещью, по преимуществу, является здоровье для себя и своих близких. Но это невозможно без материального благополучия. А благополучие в общем создается лишь умеренностью.

Вовсе нет необходимости, и даже не полезно, быть императором для того, чтобы хоро-

шо себя чувствовать и иметь хороших и крепких детей.

Богатство и власть не являются, следовательно, предметами первой необходимости, но это не мешает им, и в особенности богатству, быть предметом всех вожеланий, движущей силой почти всех человеческих действий.

Почему? Потому что люди боятся рабства и нищеты. Общество состоит из богатых и бедных, из сильных и слабых, эксплуататоров и эксплуатируемых. Надо выбирать между этими двумя категориями. Кто же может колебаться? Уничтожить обе категории — вот что означает истинный прогресс, к которому надо стремиться.

Причиной неравенства служит жадность, порок мозга, а не касты. Кровопийцы созданы природой при помощи социального порядка. Убить их? Бессильная жестокость! Они возродятся на другой день, даже в тот же день. Ультрареволюционный рабочий, как только становится богатым, часто проявляет себя самым жестоким хозяином, самым свирепым консерватором. Пролетариям нечего об этом рассказывать. Они слишком хорошо знакомы с этим явлением.

Скупщики национальных имуществ, которые до 1830 г. были из страха перед реставрацией якобинцами, стали пособниками церкви и полиции, как только оказались в безопасности. Принятые, наконец, в семью тех, кто владеет собственностью, они превратились в настоящих бульдогов по отношению к тем,

кто не владеет ею. Они или их наследники становятся наиболее крепкими столпами реакции. Увы! Люди поднимаются наверх лишь для того, чтобы убрать за собой лестницу.

Зло кроется в жадности, исцелить его можно, только вырвав его с корнем. Если бы еще все люди были вампирами! Не будучи в состоянии пожрать друг друга, они не давали бы друг другу хода. Но вампиры составляют немногочисленную группу, большинство же людей служит им кормом. Невесело!

Вопрос состоит в том, чтобы прежде всего оградить массы от этих пожирателей. Они постепенно исчезнут вследствие изменений в мозгу, зависящих в сильной степени от социальной среды.

В общем люди стремятся к богатству и гонятся за ним из страха перед нищетой и из честолюбия, т. е. для удовлетворения потребности физической и потребности моральной. Богатство не есть необходимость, оно большей частью губительно для здоровья, являющегося основным элементом благополучия человека. Человеку достаточно иметь уверенность в возможности для себя и своих близких прожить без лишений.

Когда богатство не будет единственным средством избежать бедности, когда в то же время оно перестанет служить единственным средством удовлетворения самолюбия, деятельность человека направится к другим целям, например к знанию и к уважению, которое связано с ним. Искусство, литература,

наука станут целью честолюбия. Так как эти отличия не будут даровать привилегий в виде денег или власти, они не будут представлять собой опасности или угрозы.

Но как можно сначала ограничить, а затем обезвредить и уничтожить жадность, эту смертоносную чуму, мало известную в высших интеллектуальных сферах и, наоборот, столь живучую в подонках мира промышленности, финансов и торговли? Уничтожением нищеты и невежества.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Откуда начать? Кто из этих двух гарпий мать, кто дочь? Изучение прошлого, наблюдения как будто говорят о том, что первопричиной является невежество. Это тем не менее опасное заключение, оно может послужить предлогом к отсрочке разрешения социальных вопросов, подобно тому, как оно долго служило предлогом для откладывания эмансипации негров до греческих календ. Наступление должно быть предпринято и должно быть проведено одновременно против обоих этих бастионов зла.

1867.

17. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА

Капиталистическая пресса, бессильная и дискредитированная, ничего не добилась на выборах. Никогда не следует верить ни одному ее слову. За каждой газетой стоит капиталистическая партия, открытый или

притаившийся враг, действующий силой или иезуитскими методами.

Ротшильд с его 1800 миллионами может ежедневно посылать в тюрьму и отдавать прокурорскому надзору десятки редакторов, издателей и писателей. Та самая нищета, которая создана его богатством, предоставляет ему на выбор тысячи голодных, быть может счастливых даже тем, что за тюремным замком они найдут кусок хлеба.

1869.

На том основании, что богатые имеют теперь право издавать газеты без разрешения, газета «Фар де ла Лувр» утверждает, что правительство восстановило свободу печати.

Но беднякам зажимают рот залогом. Отмена гербового сбора только лишь укрепит монополию капитала, дав ему возможность раздавить бедняка низкой ценой газеты. Ибо бедняк имеет возможность издавать свою газету только в провинции, и каждый номер газеты приходит вздорожавшим на четыре сентима, которые стоит пересылка.

Март 1869.

«Фигаро» поносит газету «Интернациональ» и отказывается напечатать ответ на свою ложь. Такова монополия капитала в печати. Залоги, гербовый сбор, непомерные почтовые расходы обеспечивают золотому мешку возможность безнаказанно оскорблять и клеветать

тать. Бедняку зажимают рот, и он должен молчаливо терпеть палочные удары.

Июнь 1870.

18. ПРИМИТИВНЫЙ КОММУНИЗМ

Коммунизм вовсе не бесформенный хаос, как это утверждает Помпери⁹³, не беспорядочное объединение первых веков человечества; коммунизм — это последнее слово науки об обществе, идеал будущего.

Неверно, будто бы коммунизм был когда-то колыбелью какого-нибудь общества и что он свидетельствует о самой низкой ступени в развитии общества. Эти утверждения диаметрально противоположны истине. Вся история человечества постоянно опровергает это.

Ни ессеи, ни моравские братья⁹⁴ не составляли нацию, так же как не составляли ее греческие и латинские монахи. Это были объединения индивидуумов, живших вне реального мира под гнетом религиозных верований, т. е. зараженных самой ужасной чумой.

Во все времена и во всех странах индивидуализм был первичной формой общества. Царство его — царство невежества и дикости. В течение веков он совершенствовался, и этот прогресс всегда был ослаблением его основного принципа. Всякий социальный успех — коммунистическое нововведение.

Коммунизм — лишь предел ассоциации, и никто не спорит теперь, что ассоциация

является верным орудием и показателем прогресса. Как может ассоциация стать прекрасной, достигнуть совершенства, если она остается неполной и презираемой?

Ассоциация распространяется исключительно путем просвещения. Каждый шаг на этом пути есть следствие успехов образования. Всякая победа невежества, наоборот, является ударом по ассоциации. Есть скрытая связь между этими двумя системами идей, и факты с очевидностью свидетельствуют об этом. Коммунизм осуществится только при полном торжестве просвещения. Он будет неизбежным его следствием, его социальным и политическим выражением.

Индивидуализм — ад для индивидуумов. Он совершенно с ними не считается и основан на систематическом их уничтожении. Достаточно бросить взор на современную эпоху и на предшествующие века. Принесение в жертву личности всегда происходит непосредственно по причине преобладания индивидуализма. Он означает уничтожение индивидуумов, тогда как коммунизм означает уважение, гарантию, безопасность каждого человека.

Коммунистические теории существовали во все исторические эпохи. Это понятно. Великие умы умеют угадывать в коммунизме идеал организации общества. Применение его всегда наталкивалось на невежество. Просвещение — это условие *sine qua non*⁹⁵ коммунизма. Коммунизм становится возможным

только через него и является его неизбежным следствием.

Первые христиане пытались установить коммунизм, но потерпели полную неудачу. Эта преждевременная попытка превратилась в бедствие. Она породила одно из наиболее вредных заблуждений человеческого ума — монастыри. Несвоевременно данное лекарство превратилось в яд.

Март 1869.

...Человек появился на земле с очень давних пор, гораздо раньше, чем это думали в старину, и, вероятно, еще раньше, чем это предполагают даже теперь.

Жизнь человека вначале была, без сомнения, животным существованием. Жил он одиноко или в обществе? Выражалась ли вначале взаимопомощь между людьми в форме общности или в форме обмена? Это тайна. Всякая гипотеза по поводу социального состояния примитивного первобытного человечества была бы лишь вымыслом.

Австралийцы, по аналогии, могли бы дать некоторые указания относительно нравов и деятельности этих давно минувших времен.

Если судить по их крайней дикости, можно подумать, что они недавно появились в человеческой семье.

Однако было бы абсурдным преувеличением ставить их наравне с обезьянами или даже ниже обезьян. Обезьяны не обладают речью, а тем более таким замечательным оружием, как

бумеранг,— постоянный объект удивления европейцев. Обезьяны не управляют многочисленными флотилиями пирог.

Австралийцы же обладают всеми этими и, быть может, еще другими признаками прогресса, ускользающими от презрительного и поверхностного наблюдения белых. Этими наблюдениями занимаются туристы, питающие отвращение к грязи и зловонию бедняг и много больше заботящиеся о том, чтобы набросать живописные картины для забавы бездельников, чем заняться антропологическими исследованиями, полезными науке.

Довольно трудно распознать социальную систему негров залива Карпентария. Коммунистическая это система или индивидуалистическая? Они как будто объединены без коммунизма, даже без обмена, лишь для совместной обороны, а не для нужд повседневной жизни.

В самом деле, они не обрабатывают земли, ходят нагими, кровом им служат шалаши из ветвей, устанавливаемые вечером и оставляемые утром. Следовательно, у них нет никакой недвижимой собственности. Они кочевники, они не имеют никакой домашней утвари. Единственное их богатство составляют оружие и инструменты, весьма простые, собственноручно сделанные.

Каннибалы, рыболовы, охотники, в вечной борьбе с голодом, они работают каждый для себя. Однако пироги не создаются сразу. В каких условиях их строят? Строит ли их отдельно каждый или многие сообща? Инте-

ресно было бы это знать, но нам ничего неизвестно. Известно одно, что эти люди живут толпами, племенами, имеют какую-то организацию и вождей, образуют, быть может, совсем примитивное, но все-таки настоящее общество.

Были ли наши предки каменного века более развитыми, или были они хотя бы такими же, как австралийцы? Это неизвестно, но у них имеется, во всяком случае, потомство. Что же касается австралийцев, то с ними счёты покончены. Они встретились с расой, которая никого не щадит. Их пытались заставить заняться обработкой земли, примкнуть к цивилизации белых — смехотворная и глупая попытка, требовавшая от этих несчастных того, чего не мог позволить их организм. Мозг изменяется не сразу, для этого требуется работа веков. В соприкосновении с англичанами австралийские чернокожие погибли так же, как погибли краснокожие в Америке, как погибла зеландская раса, такая прекрасная и такая способная. Грустно.

По жестокой иронии судьбы, все юные народы, детство которых нуждалось в охране и в мягкости для того, чтобы дорасти до зрелого возраста, имели несчастье встретить самую эгоистичную, самую грубую, самую безжалостную, самую лицемерную разновидность белой расы — англо-саксов, которые бесстрастно, без угрызений совести, молча уничтожают все, что встречается на их пути и что препятствует их захватам.

Точные и здравые сведения об обычаях австралийцев могли бы осветить первоначальные условия жизни наших собственных предков.

Апрель 1869.

19. ПОБЕДЫ ИНДУСТРИИ

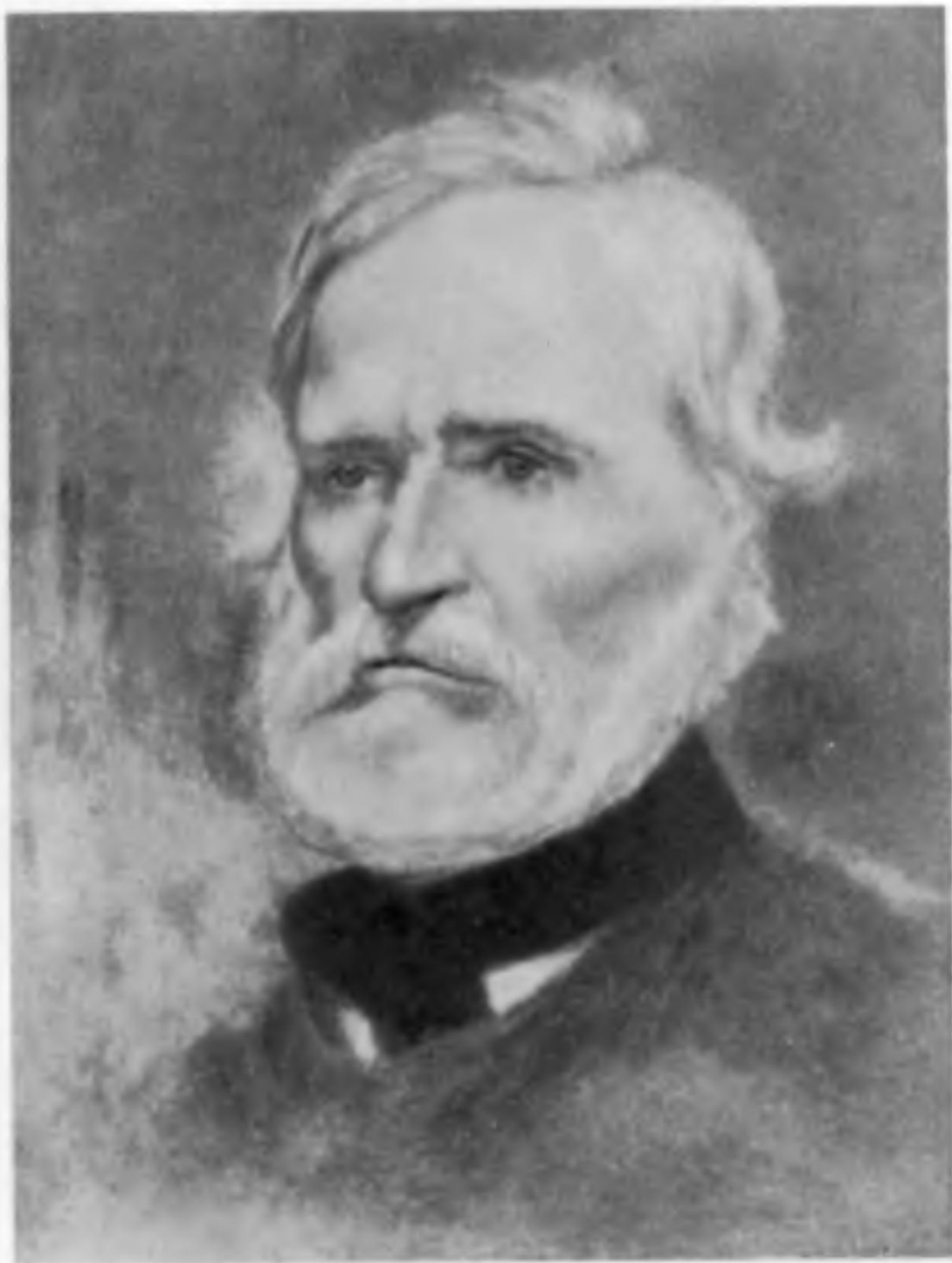
Политическая экономия разглагольствует о прогрессе цивилизации, о ее индустриальных победах, о все усиливающемся развитии материального благополучия и т. п.

Все это не подлежит сомнению. Победы индустрии — дело не капитала, а ума. Бастиа⁹⁶ приписывает капиталу честь в развитии человеческого ума, в успехах образования. Это софизм *cum hoc ergo propter hoc*⁹⁷.

Мысль последовательно создавала идеи, применяемые индустрией. Одним лишь изобретателям принадлежит честь всех этих побед. Капитал же — шершень, который присваивает себе все выгоды. Он оставляет труду ума и рук лишь то, что ему невозможно отнять у них.

Эксплуататор, паразит, душитель — такова роль капитала во все века, и потому, что он присваивает себе всё, его объявляют создателем всего!

Когда в средние века выставляли к позорному столбу смельчака, который носил сорочку, это христианская идея выставляла к позорному столбу языческую идею удовлетворения материальных потребностей.

Огюст Бланки. Портрет работы Эжена Карьера

Вовсе не мысль о равенстве осуждала наслаждение, приобретенное за счет лишений другого.

Все эти победы, создающие благополучие, являются делом ума, а не капитала, который использовал их, который отнял их у большинства в пользу меньшинства.

Июнь 1870.

20. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ БЕЗ МОРАЛИ

Моральное безразличие политической экономии лишает ее какой-либо силы критики. Справедливость — единственный верный критерий в человеческих делах. Для скептика дела эти темны. Он двигается в них ощупью, определяет каждую вещь отдельно, при помощи осязания, но ничего не различает, не замечает ни деталей, ни целого. Это добровольный слепец. Его скептицизм делает его немощным. Нельзя изучать жизненную силу, изменяющуюся и способную к совершенствованию, как инертную и неподвижную материю.

Справедливость — бродило социального тела. Не считаться с нею значит закрывать перед собой перспективу, лишать себя способности понимать вещи. Можно видеть настоящее, но никогда мы не можем увидеть будущего в целом, ни даже отдельных частей его.

Март 1870.

IV

СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»⁹⁸

1. РЕАКЦИЯ

19 сентября 1870 г.

4 сентября перед лицом грозящей гибели республиканцы в единодушном порыве отказались от каких-либо раздоров и предложили Временному правительству свое содействие.

При этом они ставили одно условие — оборону страны от чужеземного захватчика общими силами и до конца.

Однако никто из республиканцев не отказался видеть и думать. Один тревожный вопрос занимал все умы: «Энергично ли защищают родину?»

И каждый прошедший день с грустью отвечал: «Нет!» Напрасно думали отделить борьбу за независимость от борьбы за свободу. Во Франции это одно и то же.

Империя предала родину. Она пала потому, что одной рукой пыталась бороться с внешним врагом, а другою подавляла свободу внутри страны. Ее левая рука парализовала правую. Она погубила нашу армию и по ее вине страна катится в бездну.

Увы! Этот урок не был использован.

После минутного энтузиазма и какого-то призрачного единодушия прискорбный антагонизм возобновился. С каждым днем он становился все более угрожающим. Вновь создавалась августовская ситуация⁹⁹. Временное правительство — лишь плохая подделка Империи.

Правительство в свою очередь больше боится Революции, чем Пруссии, и принимает меры предосторожности против Парижа, прежде чем принять меры против Вильгельма¹⁰⁰. Оно полно подозрений и враждебности к народу.

Кто виновник этого разрыва? Кто первый нарушил условия союза? Он был заключен во имя национальной обороны. Разве не новая власть первая прекратила осуществление этой программы? Она даже и не начинала осуществлять ее.

Ясно, что после 4 сентября интересы Империи и Пруссии тотчас же смешались. Вильгельм и Бонапарт — это два союзника. Больше того. В настоящее время монархия, какою бы она ни была, находится в коалиции с чужеземными захватчиками против Республики, а Республика — это Франция.

Если постыдный мир расчленит нашу территорию или ограбит нацию, кто, кроме неприятеля и вместе с ним, выиграет от этого? Монарх. Во имя монархии Франция будет раздроблена или загнана в тупик.

Если даже было бы несправедливо считать всех монархистов активными пособниками

вторжения чужеземцев, то, разумеется, не следует проявлять такого же снисхождения к чиновникам Империи, вымаливающим места у развращенных властей.

С первого же дня их ярость обрушилась против Республики. Они открыто перешли на сторону врага, они за него ратуют, они вербуют ему сторонников. Бесполезно говорить об их деяниях. Пресса полна рассказов об этих изменах.

Означает ли требование отрешения этих предателей от должности нарушение пакта согласия?

Поддержание их власти республиканцами не означает ли, что последние солидаризируются с преступным использованием этой власти?

Начиная с 4 сентября республиканцы умоляют правительство отставить мэров и мировых судей, это подлое орудие тирании, этих зачинщиков заговоров и дезорганизации!

Правительство остается глухим и немым.

Париж непрестанно требует роспуска и разгона прежней полицейской армии, которая оставила по себе столь кровавую память,— правительство глухо и немо.

Префект полиции в насмешку превратил муниципальных гвардейцев в республиканских гвардейцев и урядников с дубинкой в хранителей порядка. Отныне власти полностью опираются на эту гнусную милицию.

Жалобы, упреки, просьбы, мольба глохнут перед неумолимым и умышленным равноду-

шем. На все это отвечают лишь издевательскими призывами к спокойствию и послушанию. Цинически используются преданность и горе патриотов.

Слово «Союз» стало воинским орудием врагов свободы. Но пусть знают, что для республиканцев согласие не означает покорности контрреволюционерам. Они хотят союза для спасения Республики, а не для ее гибели.

2. 1792—1870

30 октября 1870 г.

Между этими двумя датами интервал всего лишь в восемьдесят лет! Жизнь старца. Но от этой колыбели до этой могилы лежат обыкновенных десять веков. Между этими датами нет никакого сходства. Преемственная духовная связь исчезла. Осталось расовое сходство по крови, но не по сознанию и не по характеру. Традиция не оставила следов. На двух полюсах периода — два знамени: 1792 — энтузиазм, 1870 — спекуляция.

Со всех сторон слышен один вопль: наши отцы 1792 г. не имели ни того количества людей, ни того богатства, ни знаний, какими мы обладаем в настоящее время. Они были героями. Они спасли родину, они сокрушили коалицию монархий. Неужели же мы с такими ресурсами, каких у них не было, погибнем под пятой Пруссии перед лицом всей Европы, которая будет смотреть на нас с улыбкой презрения?

Этот крик становится все более отчаянным: «92-й год! Будемте людьми 92-го года! Или Франция погибнет». Затем этот

нетерпимый припев: «Сплотимся вокруг правительства *Национальной обороны!*»

Наши отцы 92-го года сплотились вокруг революционного правительства, которое попало ногами внутреннего врага — монархизм и вступило в бой с его соучастником — с чужеземным захватчиком.

А вы, вы плачиваетесь вокруг контрреволюционной власти, подвергающей изгнанию республиканцев, являющейся куртизаном роялистов и покорным слугой вторгшегося чужеземца!

Наиболее энергичные осмеливаются сказать: «Надо толкать власть вперед, надо помочь ей в ее слабости, в ее медлительности и все же поддержать ее».

Вы принимаете правительство за какой-то чемодан, который мы тащим с собой в дорогу, потому что в дороге нужен чемодан?

Между тем от багажа зависит скорость нашего хода, это он имеет власть над путешественником.

Народы таковы, какими их делает их правительство. Они живут или умирают только по его воле. Вся их судьба в руках правительства. Странно, что об этом так скоро забыли после двадцати лет власти Бонапарта.

Республика 92-го года безжалостно изгнала приспешников монархии, ее гражданские и военные главные штабы, ее законы, ее нравы, религию, идеи, вплоть до ее костюмов. Стоя на разбросанных обломках

монархии, республика увлекала рвущуюся в бой Францию, и если пруссак подвигался на шаг дальше по земле родины, она не останавливалась перед каким-нибудь 2 ноября¹⁰¹ против внутреннего пруссака.

Республика 1870 года не знает иного врага, кроме республиканцев, она стоит на коленях перед аристократами и духовенством. Она платит пенсии в 20 тысяч франков миллионерам, вдовам подлецов, которые грабили, разоряли и губили страну. Она предает детей иезуитам, граждан — милитаризму. Она приносит будущее в жертву прошлому, демократов — реакционерам; она парализует наши действия, противопоставляет захватчикам только тень сопротивления, выпрашивает у них прощения и милостей, опирается на роялистов, союзников чужеземца, и угрожает революционерам Варфоломеевской ночью.

Зачем говорят нам о 92-м годе в то время, когда кричат: «Хвала правительству *Национальной обороны!*» Это два антипода. 92-й год спас Революцию и основал Республику; Ратуша стремится уничтожить их.

Ей помогают все монархисты, которые кричат: «Да здравствует Республика!» — после того как они в течение двадцати лет разоряли и изгоняли ее, готовясь разорять и изгонять ее с еще большим ожесточением.

Ратуша¹⁰² является знаменем предателей и хамелеонов, людей, угождающих нашим и вашим. обивающих пороги, людей, у которых

наготове статья для газеты любого направления. Все развратные души укрываются под ее сенью, хором подпевают всем ее плутням.

Ратуша — это контрреволюция, она роет могилу Франции.

3. ПЕРЕМИРИЕ И КАПИТУЛЯЦИЯ

5 ноября 1870 г.

В газете «Тан» от 2 ноября мы читаем:

«...Париж стал солдатом, вся Франция марширует, провинция спешит взяться за оружие... Глаза раскрылись, и теперь Франция вновь завоевала уважение Европы и всего мира.

«...Державы поняли. Россия первой решила, что дальнейшее бездействие было бы преступным... Было принято соглашение. В этом соглашении пришли к заключению, что *предварительным условием всякой попытки умиротворения является установление во Франции законного правительства, которому надлежит заключить перемирие; после установления правительства можно предложить перемирие...*»

Трудно яснее раскрыть свои замыслы. Поражение, так скоро понесенное армиями Империи, победоносное движение пруссаков убедило Европу в нашей дряхлости и нашей немогщности.

Короли приветствовали наше падение криками радости.

Когда правительство Национальной обороны взывало к их жалости, они холодно отвечали: «Это нас не касается. Мы ничем не можем помочь вам». Скрестив руки на груди, они ждали, когда придет наш последний час.

Но в то время, когда Ратуша повсюду молила о сочувствии и помощи, Париж поднялся, полный гнева и энтузиазма. Напрасно наши мнимые правители покинули в Бресте морскую артиллерию, в Англии и других местах подаренные ружья; напрасно они воздержались от всяких приготовлений, стали ничтожными, покорными, подчинились врагу,— все равно Париж с каждым днем становился все более грозным. Надо было снабдить его оружием, надо было скрыть свои чувства, свой язык, надо было замаскироваться твердыми и сопротивляющимися под страхом стать непризнанными и покинутыми.

Враг, который мнил сразу войти в трепещущий город, споткнулся об ошетинившиеся штыками городские стены. Время шло в напрасных попытках и кровавых битвах. Ни неспособность начальствующих лиц, ни их злая воля не могли одержать верх над энергией населения.

Уже два месяца пруссаки напрасно теряют время под нашими стенами. Европа в удивлении, а монархи дрожат при слухе о парижском восстании. Они замкнулись в презрительном молчании, в ожидании агонии великой Революционерки.

Но великая Революционерка не агонизирует. Она ошетибилась пятью стами тысяч штыков; она презирает Бисмарка и насмеяется над ним, над голодом и бомбардировкой. Сегодня она отбивает атаки неприятеля, завтра она готовится начать наступление против него. Она негодует на слабость, на бездействие своего правительства, она громко требует ружей, пушек.

Короли трепещут и из страха надевают маску симпатии. Они не вмешивались, когда течение несло Францию к крушению. Они спохватились, когда течение грозит спасти ее, привести ее к победе.

И вот они полны гуманности, благожелательности. Пролитая кровь удручает их. Надо положить конец этим ужасам. А что если Париж сокрушит под своими стенами Вильгельма, поднимет провинцию, похоронит на наших полях немецкие орды и республиканская Франция ринется на монархическую Европу!

Какое бедствие для мира угнетателей! Королевства, аристократия, суеверия, всё вместе погибнет, а народы, поднявшись из тьмы и нищеты, встанут, освещенные ярким солнцем — светом Науки и Равенства! О несчастье! Несчастье! Скорее на помощь ножи и мечу!

Скорее перемирие для того, чтобы Пруссия собрала свои армии вокруг закоренелой бунтовщицы и продиктовала ей закон именем

силы! Скорее мир, пока Бисмарк может его диктовать своей победой, и факт совершится!

Ночь 31 октября¹⁰³ возвратит деспотам надежду и наглость. Те самые парижане, которых они так страшились, побеждены не неприятелем, а предательством. Парижане хотели разрушить заговор, замышляемый в тиши пособниками и соучастниками чужестранца. Они не устояли перед ужасом гражданской войны. Они гибнут от сомнения, которого никогда не знали их гнусные противники, от боязни пролить кровь своих соотечественников.

Пруссак, оказавшийся победителем благодаря помощи штыков реакции, поднимет голову и снова заговорит языком, каким он говорил в Ферьере¹⁰⁴. Революция убавила его наглость, но Революция же допустила, чтобы у нее выхватили ее оружие. Бисмарк¹⁰⁵ перевел дух. Исчезла со сцены чернь, которая вызывала у него страх и близкая победа которой, как он указывал своим союзникам-королям, была бы общей для всех их гибелью.

Самоотверженность подавлена. Эгоизм торжествует. Героический Париж исчез. Остался Париж наживы и сластолюбия, обжорства и притонов.

Не стало Парижа, который заставлял трепетать близкого и далекого неприятеля. Теперь Париж в страхе, Париж боится врага. Он хочет хорошо поесть, ему нужны зрелища, женщины и музыка.

К чорту родину и независимость! Будем пить и есть! К чорту Эльзас и Лотарингию! Да здравствует перемирие и мир любой ценой!

Вильгельм перестал бояться. Он повысит голос. Опять перед ним трусы, которые не хотят борьбы, в особенности, если она приведет к созданию Республики, которую они ненавидят. Отдать Эльзас для того, чтобы вернуть монархию,— это для них золотое дело, они в восторге от игры в поддавки.

Им неважно, дать больше или меньше. Сторгуются быстро. Сколько стоит перемирие? Сколько стоит снятие осады? Сколько стоит позор и гибель Франции?

Демагогия разоружена. Биржа и ризница стали хозяевами. Мы их увидим за работой. Страна погибла, если только какой-нибудь поворот в другую сторону не освободит ее от той и другой чумы.

4. ОТКРЫТЫЙ СОЮЗ РЕАКЦИИ С БИСМАРКОМ

25 ноября 1870 г.

Между орлеанистами и бонапартистами заключен союз.

«Они творят общее дело,— пишет Гамбетта ¹⁰⁶ правительству 18 ноября.— Обе партии требуют созыва Собрания, они яростно толкают к этому».

Этот непримиримый господин Гамбетта начинает свое искупление. Республиканцы помогли ему взобраться наверх. Взобравшись к власти, он оттолкнул республиканцев ногой и предал их врагу, надеясь этим снискать его милость.

Иллюзия! Перебежчиков покупают и продают, но их не принимают, когда они сдаются. Они всегда безрассудно верят, что они приняты. Реакция приступает к составлению списка второй партии изгнанников. Жандармы первой партии будут стоять во главе этого списка. Господин Гамбетта служил кнутом против республиканцев. Пришла его очередь испытать кнут.

Он уже на подозрении. Он проповедует сопротивление. Он провозгласил себя сторонником Базена¹⁰⁷, этого любимца и надежды консерватизма, спасителя общества! Базена, который хотел вместе со своей армией и пруссаками идти против разума и создать анархию!

Предел преступлений Гамбетты в его фразе: «Обе партии требуют созыва Собрания и яростно толкают к этому». Сомнений нет, глава консервативной партии во Франции — Бисмарк. В Париже нет законного правительства, оно в Версале. Бисмарк требует созыва Собрания, он знает, что за него стоят богатые и что богатые — хозяева голосования, их влияние и террор чужестранцев заставят избрать прусское и монархическое Собрание.

Стоит только посмотреть здешние реакционные листки! Не читали ли мы вчера в этих бесстыдных газетах подлый пасквиль, опубликованный в прусском «Монитере» агентом, представляющим их перед королем Вильгельмом? Они называют этот пасквиль важным документом.

Действительно, очень важный документ, так как он воспроизводит клевету, распространяемую самими реакционерами в парижской печати против жертв 21 октября, раскрывая таким образом тайные сношения реакционеров с Бисмарком. В Версале он заставляет их перепечатывать свои гнусности, и реакционеры в этом дошли до такой степени бесстыдства, что выставляют на показ свое

открытое сообщничество с неприятелем, ссылаясь на него как на авторитет в области морали.

Мы видим, что события разворачиваются быстро. Бисмарк и его парижские союзники обвиняют Ратушу в слабости по отношению к разбойникам 31 октября, в том, что она церемонится с ними. Нашим диктаторам остается лишь крепко держаться. Одной ногой они уже стоят в тюрьме, ибо уже теперь реакция имеет в качестве жандармов прусских солдат, а великий северный министр ни в чем не откажет своим добрым друзьям. Пусть только они уступят ему провинции, пришедшиеся ему по вкусу, и они могут руками его полицейских вешать, расстреливать, ссылать сколько им вздумается разбойников, противящихся воле прусского короля и монархистов.

Кто бы этому поверил? Сам господин Жюль Фавр¹⁰⁸, великий поэт, пишущий элегии по поводу создавшегося положения, вскоре станет анархистом, а быть может, и разбойником. Он не выполняет предписаний, на которые ему указывают господин Бисмарк и его парижские и версальские газеты,— созвать Национальное собрание. Он осмеливается сказать, «что надобность расчленить страну и ослабить ее сопротивление в достаточной степени объясняет подобное предписание и упрек в неподчинении ему».

Вот он поэт Ратуши, объявляющий бунт представителям порядка, которых теперь олицетворяет великий канцлер Вильгельма! Он

будет изгнан из прусской прессы Парижа. Он уже изгнан из нее, хотя и не так, как изгоняют старого революционера, но путем вздорной статьи, полной прозрачных угроз.

Не следует забывать, что прусская пресса в Париже — это реакция. Реакция — это общество. А французское общество в настоящее время имеет своим представителем короля Пруссии и своим посредником — его премьер-министра.

Это не означает, конечно, что Франция без ума от Вильгельма. Вовсе нет! Французское общество — это не французская нация. Не будем смешивать эти два различных и враждебных друг другу понятия. Общество — это Капитал; Нация — это Труд, Господин и раб.

Часто говорят: «К чему это деление, этот антагонизм двух неделимых вещей?» Неделимых, верно. Нет господ без рабов; нет рабов без господ. Вопрос будет разрешен так: ни господина, ни раба. Но не надо отступлений! Они сбивают нас. Я уже в другом месте обсуждал этот предмет, к которому всегда испытываю непреодолимое влечение. Не следует увлекаться. Это совсем не подходящий момент. Вернемся к политике.

Ясно, что общество управляет нацией, и притом весьма плохо. Следствием этого являются кувыркания двуликого существа, которые приводят всегда к тому, что это существо опять становится на ноги. Затем снова повторяется то же самое. Происходящее теперь кувыркание осложнено вмешательством тре-

твого лица, которое убивает больного для того, чтобы содрать с него шкуру.

Так как больной, по существу, двуликий, то, согласно обычаю, чужеземный вор обращается к одному из них и предлагает ему за известное вознаграждение свою помощь против другого; предложение принимается. Но другой борец, оскорбленный, отталкивает это обременительное посредничество и склонен продолжать борьбу.

Прусский король, этот разбойник, пришедший со стороны, желанный гость французского высшего общества, которое он хочет вновь поставить на его собственные ноги. Недовольная этим нация гневно отталкивает его. Она устала от его негодного правительства и упорно не хочет прекращать боя, пока не отдубасит захватчиков и не образумит их соучастников.

В успехе нации можно сомневаться. Вначале она имела преимущество. Из-за своей неопытности и умственной слабости она потеряла его. Ее противник — высшее общество — всемогущ. Большинство, для которого препятствием служат невежество и нищета, не может одержать верх над богатством и образованием, составляющими привилегию меньшинства.

Мы являемся свидетелями нового поражения народа. Но эта победа общества будет во сто раз более преступной, чем предшествующие его победы, ибо победитель восторжествует по милости германских разбойников.

Вот чего слепые массы еще не замечают, а когда увидят, будет слишком поздно.

Тем не менее скоро поймут, что победа — это измена и что изменники не долго будут пользоваться ею.

5. ЗАХВАТЧИКИ

5 декабря 1870.

...Не мы призвали немецкие орды. Пусть Вильгельм хоть ежедневно повторяет, что Германия была спровоцирована. Он лжет. Кто этого не знает?

Спровоцировал войну человек, который в течение четырех лет в тайне и в тиши готовял вторжение в нашу страну и ее разорение.

Виновником войны является народ, который объявляет себя высшей расой, а все человечество — естественной ступенью к ней.

Разве французы обижались за это на германскую расу? Их вовсе не занимали ее ярость и проклятия. Они даже не знали о них. Это новое оскорбление в дополнение к воображаемым претензиям этих помешанных.

Да, вся нация ставила западню Франции. Она решила, что Франция — проклятая богом страна, и пришла к нам со скромной претензией Аттилы¹⁰⁹ служить бичом божьим. Эта защитница правосудия всевышнего не погрешила против привычек ей подобных, привычек, свойственных этому ремеслу: утонченностью злодейства. Все мстители бога изверги.

Лицемерие — их первое качество, корень всех остальных. Есть ли что-либо более омерзительное этой гогенцоллернской ловушки? Можно ли было придумать что-нибудь лучшее для того, чтобы заманить жертву? Европа мгновенно это поняла, и, несмотря на зависть, которую мы возбуждаем в ней, она признала виновным Бисмарка.

Но Бисмарк знал своего Бонапарта. Он знал, что Бонапарт ищет любого предлога, чтобы отделаться от Революции. Он протянул ему руку помощи, чтобы утопить его.

Он хотел тем же ударом погубить и Францию, на это рассчитывали и тевтонцы. Несчастные! Они метали громы и молнии против Наполеона III. А разве наши враги не желали нам Наполеона III? Разве не приветствовали они с радостью его декабрьское преступление? ¹¹⁰ Они видели в нем нашу гибель, и когда они били его по голове, они хотели достигнуть этим путем, чтобы он глубже пустил корни на нашей земле.

Вильгельм, человек божий, пошел войной только против Бонапарта, а совсем не против французского народа! Когда же французский народ сбросил этого пройдоху, Вильгельм намеревается снова посадить его на плечи французов! Конечно, как наказание свыше?

Франция чуть не погибла, оставив у руля сотрудников Бонапарта, людей, запятнанных связью с его командованием. Если она избегнет крушения, это будет почти чудом, а между тем внезапный порыв ветра мог бы ее

спасти. Только по глупости подобных кормчих Франция так долго пребывала в крайней опасности.

Пусть же она поднимется, наконец, и пусть в свою очередь расправится с мнимыми защитниками.

Одержанная хотя бы на один день победа внушает победителю такую дерзость, что ее не легко искоренить. Даже в том случае, если против Бисмарка выступит вооруженный народ, он неохотно откажется от своей мечты стать Людовиком XIV, восседающим на версальском троне и говорящим: «Франция — это я». Печальным следствием страха может оказаться и то, что бывшие под его пятой люди, когда им удастся встать на ноги, будут считать, что они дешево отделались, и дадут бандиту скрыться.

Непростительная ошибка, которая может дорого обойтись! Бандиты, подобные Бисмарку и его немцам, — это рецидивисты худшего рода. Если Париж ускользнет от них, они будут говорить, что у них украли Париж. И если население, которое они разорили, отпустит их безнаказанными, почему им не возобновить все сначала?

Эти орды хотели наказать нас за наши вообразимые преступления, которые они придумали из зависти к нам и в оправдание своих вождедений. Их же преступление прозвучало по всему миру. Разве не осмелились их ученые говорить под гром аплодисментов, что или латинская или германская раса

должна погибнуть, ибо их сосуществование несовместимо?

Мы же признаем сосуществование рас, больше того, мы признаем братство всех рас. Те расы, которые кажутся низшими, имеют какой-нибудь особый дар, благодаря которому они займут свое место в слитом воедино обществе. Но когда орда предательски набрасывается на народ, не испытывающий к ней никакой ненависти, и кричит, что она пришла с миссией от бога уничтожить его, то разве этот народ не вправе ответить ей: «Ты раса разбойников, ты должна погибнуть!»

Если же эту орду не истребляют, то по крайней мере ей надо представить счет за ее божественное турне, предложив ей уплатить издержки.

Я хочу верить, что в конце концов, вопреки всему, эта необходимая предосторожность будет принята и наши несчастные провинции будут щедро возмещены за прогулку Аттилы.

V

ИНСТРУКЦИЯ К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ ¹¹¹

Восстание в Париже, организованное старыми приемами, теперь уже не имеет никаких шансов на успех.

В 1830 г. достаточно было одного лишь народного порыва, чтобы свергнуть правительство, застигнутое врасплох и пораженное ужасом перед вооруженным восстанием, этим неслыханным событием, которое оно никоим образом не могло предвидеть.

Это было хорошо для одного раза. Урок был использован правительством, которое осталось монархическим и контрреволюционным, хотя и вышло из недр революции. Оно стало изучать методы уличной войны и вскоре, естественно, приобрело в искусстве ведения такой войны превосходство над неопытным и неорганизованным народом.

Однако, скажут некоторые, в 1848 г. народ победил благодаря методам 1830 г. Пусть так, но не надо иллюзий: февральская победа — лишь случайность. Если бы Луи-Филипп защищался серьезно, победа осталась бы за мундирами.

Тому доказательство июньские дни. Они показали, как губельна была тактика, или, вернее, отсутствие тактики восстания. Никогда

у восстания не было такого прекрасного случая: у него было десять шансов против одного.

С одной стороны, правительство в состоянии полной анархии, войска деморализованы; с другой стороны, восставшие, как один, рабочие, почти уверенные в успехе. Почему же они потерпели поражение? Из-за отсутствия организации. Для того, чтобы понять, в чем причина их неудачи, достаточно изучить их стратегию.

Вспыхнуло восстание. Тотчас же в рабочих кварталах тут и там, наугад, во множестве пунктов строят баррикады.

Пять, десять, двадцать, тридцать, пятьдесят человек, случайно соединившихся, большинство без оружия, начинают опрокидывать экипажи, разбирать мостовые и, чтобы преградить путь движению, нагромождают камни посреди улиц, а еще чаще на перекрестках. Многие из этих заграждений едва ли служили препятствием для кавалерии. Иногда, соорудив несовершенные укрепления, строители покидали их, отправляясь искать оружие и снаряжение.

В июне насчитывали более шестисот баррикад. Но не более тридцати из них вынесли все трудности боя. Другие большей частью не сделали ни одного выстрела. Поэтому становятся понятными знаменитые бюллетени, с треском оповещающие о захвате пятидесяти баррикад, на которых не было ни души.

В то время как одни разбирают мостовые, другие бегут небольшими группами разо-

ружать караулы или отбирать порох и ружья у оружейных мастеров. Все это делается несогласованно, без руководства, по собственному почину каждого.

Постепенно, однако, некоторые баррикады, самые высокие, самые крепкие, лучше всех построенные, привлекают к себе борцов, которые и сосредоточиваются на них. Не расчет, а случай определяет место этих главных укреплений. Только некоторые из них по какому-то военному чутью построены у выходов больших улиц.

В первый период восстания концентрируются и войска. Генералы изучают донесения полиции. До получения определенных данных они не рискуют послать в бой свои отряды, боясь, как бы неудача не деморализовала солдат. Ознакомившись с позициями инсургентов, генералы стягивают полки в разные пункты, которые с этого времени становятся базой военных операций.

Армии стоят в виду одна другой. Здесь с очевидностью обнаружатся недостатки народной тактики, явной причины краха.

Нет общего командования, следовательно, нет руководства, нет даже согласованности между борцами. Каждая баррикада имеет свою особую группу, более или менее многочисленную, но всегда изолированную. Десять ли человек в группе или сто человек, она не поддерживает никакой связи с другими постами. Часто нет даже начальника для руководства защитой, а если и есть, то влияние его

сводится почти к нулю. Бойцы действуют так, как им взбредет в голову: один уходит, другой приходит, одни остаются, другие уходят и возвращаются по своему желанию. Вечером они ложатся спать.

Вследствие этих непрерывных уходов и приходов число присутствующих на баррикаде граждан быстро меняется, уменьшаясь на треть, на половину, а иногда даже на три четверти. Никто ни на кого не может рассчитывать. В результате вскоре возникают неверие в успех и упадок духа.

О том, что происходит в других местах, ничего неизвестно, да это никого и не беспокоит. Циркулируют слухи, то мрачные, то окрашенные в розовый цвет. Стоя у прилавка виноторговца за стаканом вина, бойцы спокойно слушают пушечную и ружейную стрельбу. Никому в голову не приходит оказать помощь осажденным позициям. «Пусть каждый защищает свой пост, и все пойдет хорошо!» — говорят наиболее стойкие. Такое странное суждение объясняется тем, что большинство повстанцев дерется в своем собственном квартале; это основная ошибка, ведущая к губительным последствиям, в том числе, к доносам соседей после поражения.

При такой системе не может не быть поражения. Два или три полка, наступающие на баррикаду, уничтожают немногих ее защитников. Весь бой — повторение одного и того же неизменного маневра. В то время как инсургенты покуривают трубку за кучей камней из

разрушенной мостовой, неприятель последовательно направляет все свои силы на один пункт, затем на другой, на третий, на четвертый и т. д. и таким образом по частям уничтожает восстание.

Народ не заботится о противодействии этому приятному занятию. Каждая группа философски ждет своей очереди и не думает бежать на помощь соседу. Нет! «Он защищает свой пост, нельзя покинуть свой пост».

Вот как гибнут из-за глупости.

Если по причине такой огромной ошибки великое парижское восстание 48-го года было разбито, как стекло, самым жалким правительством, какой же огромной может быть катастрофа, если подобная же глупость повторится при наличии жестокого милитаризма, имеющего теперь в своем распоряжении огромные завоевания науки и искусства, железные дороги, электрический телеграф, нарезные орудия, ружья Шаспо?

Однако из числа новых преимуществ неприятеля надо вычеркнуть, например, стратегические дороги, которые теперь бороздят город во всех направлениях. Их боятся, и напрасно. Не следует беспокоиться из-за них. Они не только не создают новой опасности для восстания, как это думают, но, наоборот, они представляют собой смесь удобств и неудобств для обеих сторон. Хотя войска и двигаются по ним свободно, зато они лишены прикрытия.

Во время ружейной перестрелки по таким улицам нельзя ходить. Кроме того, балконы, являющиеся бастионами в миниатюре, служат позицией для флангового огня, для чего окна не годятся. Наконец, эти длинные прямые аллеи вполне заслуживают названия бульваров¹¹², которым их окрестили. Это действительно настоящие бульвары, образующие естественные оборонительные форты очень большой силы.

Наилучшее оружие в уличной войне — ружье. От пушки больше шума, чем дела. Артиллерия может оказать серьезное действие только пожаром. Но такая жестокость, проявляясь систематически и в больших размерах, может вскоре обратиться против тех, кто ее допускает, и погубить их.

Граната, которую по дурной привычке стали называть бомбой, является второстепенным средством, отличающимся к тому же массой неудобств. Она пожирает много пороха при небольшом эффекте, обращение с нею крайне опасно, а действие ее не распространяется дальше того места, куда она брошена, и взрывается она, только будучи брошенной с высоты окна. Камни мостовой причиняют почти такой же вред и стоят не так дорого. Рабочим незачем терять зря деньги.

Для борьбы внутри домов служат прежде всего револьвер, затем холодное оружие, штык, шпага, сабля и кинжал. В рукопашной схватке пика или восьмифутовое копьё имело бы перевес над штыком.

По сравнению с народом армия имеет два больших преимущества — ружье Шаспо и организацию. Особенно серьезно, даже непреодолимо, последнее преимущество. К счастью, армию можно лишить его, и тогда перевес переходит на сторону восставших.

В гражданских войнах солдаты, за редким исключением, принимают участие с отвращением, по принуждению и соблазняясь водкой. Они не хотели бы участвовать в войне и охотнее смотрят назад, чем вперед. Но железная рука удерживает их. Рабы и жертвы безжалостной дисциплины, лишенные какой-либо привязанности к властям, они повинуются лишь из страха и не способны поэтому ни к малейшей инициативе. Отряд, отрезанный от остальных, — это отряд потерянный. Командиры знают это и потому прежде всего заботятся о поддержании связи между всеми своими отрядами. Это обстоятельство уничтожает часть наличного состава армии.

В рядах народа нет ничего подобного. Там сражаются за идею. Там одни лишь добровольцы, и их движущей силой является энтузиазм, а не страх. Превосходя противника своей преданностью делу, они еще, кроме того, и выше его в умственном отношении. Добровольцы превосходят противника в области морали и даже в физическом отношении, благодаря своей убежденности, энергии, благодаря своим неисчерпаемым возможностям, жизненности их тела и духа. Ни одно войско в

мире не может сравниться с этими отборными людьми.

Чего же недостает этим людям для того, чтобы победить? Им нехватает единства, слаженности, которые делают плодотворными все эти качества, заставляя их содействовать общей цели, тогда как изолированные, эти качества обречены на бессилие. Им нехватает организованности. Без нее нет никаких шансов на успех. Организация — это победа; разрозненность — смерть.

Июнь 1848 г. показал, что эта истина неоспорима. А что было бы теперь? Сражаясь старыми приемами, весь народ погиб бы, если бы войска продолжали сражаться, а они стали бы сражаться до тех пор, пока они видели бы перед собой только нерегулярные силы, без руководства. Наоборот, вид парижской армии в полном порядке, маневрирующей по всем правилам тактики, поразит солдат ужасом и сломит их сопротивление.

Военная организация, в особенности, если ее надо импровизировать на поле боя, — не легкое дело для нашей партии. Для нее необходимо наличие главного верховного командования и, как обычно, офицеры всех чинов. Где взять персонал? Буржуа — революционеры и социалисты — редки, а те немногие, какие имеются, воюют только пером. Эти господа перевертывают мир книгами и газетами; в течение шестнадцати лет они неустанно пачкают несметное количество бумаги, не смотря на всякие неудачи. постигающие их.

Они с лошадиным терпением переносят удила, седло и хлыст и не брыкаются. Фу! Отвечать на удары? Это дело грубиянов.

Эти герои письменного прибора питают к шпаге такое же презрение, как какой-нибудь офицеришка к избитым истинам из газетных статей. Они, повидимому, не понимают, что сила — единственная гарантия свободы, что поработана бывает та страна, где граждане не владеют военным делом и предоставляют эту привилегию какой-то касте или корпорации.

В античных республиках, у греков и римлян, все знали военное дело и все занимались им. Военных по профессии там не знали. Цицерон был генералом, Цезарь был адвокатом. Сменяя тогу на мундир, первый встречный оказывался полковником или капитаном, в совершенстве знающим свое дело. До тех пор пока во Франции не будет того же самого, мы останемся «штафирками» [les Pekins] которых владеющие саблями будут рубить сколько им вздумается.

Тысячи образованных юношей, рабочих и буржуа, содрогаются под ненавистным игом. Но думают ли они взяться за меч, чтобы разрушить его? Нет! Перо, всегда перо, и ничего другого. А почему не то и другое вместе, как того требует долг республиканца? Во времена тирании надо писать, но когда поработанное перо остается бессильным, лучше сражаться. Так нет же! Создают газету, идут в тюрьму, и никому не приходит в голову открыть

книгу о военном искусстве, чтобы в двадцать четыре часа познать ремесло, которое составляет всю силу наших угнетателей и которое даст нам в руки реванш, а их покарает.

Но к чему эти жалобы? Глупая привычка нашего времени хныкать вместо того, чтобы действовать. Теперь мода на иеремиады. Иеремия¹¹³ позирует во всех видах. Он плачет, бичует, догматизирует, командует, гремит, сам же он — бич среди всех бичей. Оставим этих слезливых скоморохов, могильщиков свободы. Долг революционера — борьба всегда, борьба несмотря ни на что, борьба до последнего вздоха.

Нехватает кадров для формирования армии? Так что же, надо создавать их на поле брани, во время военных действий. Из парижского народа придут кадры старых солдат, бывших национальных гвардейцев. То обстоятельство, что их мало, заставит свести до минимума число офицеров и унтер-офицеров; но это неважно, рвение, усердие, ум добровольцев возместят их недостаток.

Главное — организовать во что бы то ни стало. Довольно этих беспорядочных восстаний десятков тысяч не объединившихся между собой людей, действующих наудачу, в беспорядке, без единой мысли о всем восстании в целом, каждый в своем углу, каждый по собственной фантазии! Довольно баррикад, сооруженных вкривь и вкось, зря отнимающих время, загромаждающих улицы и препятствующих движению, необходимому и той

и другой стороне. Республиканцу так же нужна свобода движений, как и войскам.

Не надо бесполезных хождений, беспорядка, криков! Минуты и шаги одинаково ценны. А главное — не закупориваться в своем квартале, как это неизменно делали инсургенты, нанося себе большой вред. Эта мания приводит к поражению, а затем облегчает уничтожение борцов. От этого необходимо излечиться под страхом катастрофы.

Памятник на могиле Бланки работы Далу

КОММЕНТАРИИ

ЛУИ ОГЮСТ БЛАНКИ

Биографический очерк

Долг революционера — борьба всегда, борьба, несмотря ни на что, борьба до последнего вздоха.

О. Б л а н к и Инструкция к вооруженному восстанию.

Луи Огюст Бланки родился 1 февраля 1805 г. в маленьком городке Пюже-Тенье (Приморские Альпы), расположенном в 15 милях от Ниццы. Его отец Доминик Бланки был членом Конвента, жирондистом. Он принял участие в государственном перевороте Бонапарта и в 1800 г. был назначен супрефектом в Пюже-Тенье. Мать Огюста Бланки, София Брионвиль, уроженка Пикардии, отличалась большой красотой и высокими моральными качествами. Огюст Бланки унаследовал ее решительный непреклонный характер. До самой своей смерти мать Бланки проявляла о нем необычайную заботливость. В возрасте 60 лет она принимала деятельное участие в устройстве побега Бланки и его товарищей из тюрьмы Мон-Сен-Мишель, а в возрасте 75 лет приехала на Бель-Иль, где

также помогала ему и его товарищу Казавану в организации побега. Старший брат Огюста Бланки Адольф, известный экономист, в юности был очень близок с Огюстом, придерживаясь тех же политических взглядов, но впоследствии с ним разошелся.

Особенно тесно связан был Бланки со своими сестрами, госпожой Антуан и госпожой Барелье, сыгравшими значительную роль в его жизни. Обе они сочувствовали его революционной деятельности, были неизменно внимательны к нему во время его длительных скитаний по тюрьмам, непрестанно заботились о нем, оказывали ему материальную и моральную поддержку, скрывали его, когда он нелегально проживал в Париже.

Тринадцатилетним мальчиком Огюст Бланки отправился в Париж к старшему брату Адольфу, бывшему в то время преподавателем в пансионе Массэна. В течение шести лет — с 1818 по 1824 г. — юный Бланки учился сначала в пансионе Массэна, а затем в лицее Карла Великого. С жаром и необычайным прилежанием отдавался он наукам, изумляя окружающих своими способностями и рвением. Его брат Адольф в письме к отцу восклицает: «Этот ребенок удивит мир!»

Блестяще окончив лицей, 19-летний Бланки получил место репетитора в семье генерала Компанса, а два года спустя — в пансионе Массэна. С 1824 г. он состоял членом революционной организации карбонариев. В 1827 г. Бланки принимал участие во всех студенче-

ских волнениях и манифестациях и был трижды ранен: два раза саблей, а 19 ноября — на баррикаде на улице Урс — пулей.

1828 и часть 1829 года Бланки посвятил путешествию по югу. Он побывал в Италии, в Испании и в августе 1829 г. вернулся в Париж. Здесь он работал несколько месяцев в качестве стенографа в журнале «Глоб» («Globe»). В этот период Бланки познакомился с учениями Сен-Симона и Фурье.

В июле 1830 г., при первых возгласах протеста против ордонансов Карла X Бланки покинул редакцию журнала и поспешил, по его словам, «взяться за ружье и надеть трехцветную кокарду». В дни июльской революции он в рядах парижского народа боролся против войск Карла X. Опьяненный борьбой, он был уверен в том, что народ одержал победу, что с монархией, под игом которой страдал народ, покончено навсегда. Результаты революции разочаровали Бланки: монархия воскресла в новом виде, вместо Карла X престол занял «король-буржуа» Луи-Филипп.

Тотчас же после революции Бланки вступил в «Общество друзей народа», которым руководил Годфруа Кавеньяк. Общество вело деятельную пропаганду республиканских идей. На его собраниях часто выступал и Бланки. 2 февраля 1832 г. его речь в Обществе случайно слушал Генрих Гейне, назвавший ее «сильной, прямой и гневной речью» против бур-

жуазии. Она была произнесена в присутствии полутора тысяч человек в атмосфере, напоминавшей 1793 год.

В те же первые годы Июльской монархии Бланки принимал активное участие в студенческих манифестациях, и после одной из них, в начале 1831 г., полиция арестовала его и заключила в тюрьму Ла-Форс, откуда он вышел через три недели. Ла-Форс была первой тюрьмой в длинном ряде тюрем, в которых Бланки провел половину своей жизни.

В 1832 г. министр внутренних дел правительства Луи-Филиппа Казимир Перье, имея намерение закрыть «Общество друзей народа» и арестовать его руководителей, добился привлечения Общества к суду по обвинению в нарушении законов о печати, в заговоре против безопасности государства. В январе 1832 г. Бланки, Распайль, Туре, Юбер и другие были арестованы. Это был так называемый «процесс Пятнадцати», который проходил 10—12 января в Сенском суде присяжных. Суд присяжных оправдал обвиняемых, но защитительная речь Бланки дала повод прокурору потребовать наказания Бланки за нарушение общественного спокойствия. Бланки был приговорен к заключению в тюрьму на один год и к штрафу в 200 франков. Он отбывал наказание сначала в Версальской тюрьме, а затем в тюрьме Сен-Пелажи в Париже.

Перенесенные испытания, однако, лишь закалили Бланки. Отбыв заключение, он с новой энергией принялся за пропаганду своих рево-

люционных идей. Одновременно Бланки расширял и углублял свои знания в политических и социальных вопросах, которые больше всего занимали его ум и сердце. В этот период Бланки находился под влиянием старого Буонарроти, друга Бабефа, хранителя и пропагандиста славных традиций «Равных». Известное влияние на Бланки оказал ученый и революционер Распайль. Первые годы Июльской монархии были полны событий революционного значения. Волнения в Париже в сентябре 1831 г., восстание лионских рабочих в ноябре 1831 г., республиканское восстание в Париже в 1832 г., второе восстание лионских рабочих в апреле 1834 г. и отзвуки его в других городах Франции, события в Париже 13—14 апреля, окончившиеся зверской резней на улице Транснонэн,— таков был ряд исторических событий, все больше укреплявших в Бланки его революционные убеждения.

В 1834 г. Бланки женился. Счастливая семейная жизнь, однако, не отвлекла его от общественной деятельности. В 1835 г. при ближайшем участии Бланки было создано тайное «Общество семейств», выдвигавшее в своей программе уже не только политические, но и социальные требования.

Подготавливая восстание, члены Общества организовали в доме № 113 на улице Лурсин изготовление пороха. В марте 1836 г., по доносу, полиция раскрыла «Общество семейств» и арестовала за изготовление пороха 24 его члена, в том числе и Бланки. За уча-

ствие в так называемом «Пороховом заговоре» Бланки 23 октября 1836 г. был приговорен королевским судом к двум годам тюремного заключения и к штрафу в 2 тысячи франков и отправлен в центральную тюрьму Фонтэвро в департаменте Мен-и-Луар.

8 мая 1837 г. по случаю бракосочетания герцога Орлеанского была объявлена амнистия. Бланки не был освобожден, но тюремное заключение было заменено ему ссылкой под надзор полиции в Понтуаз. Он поселился вместе со своей семьей в деревне Жанси, расположенной на живописных берегах Уазы. Время, проведенное в Жанси, — самое спокойное время в личной жизни Бланки. Но и здесь он не переставал думать о событиях, происходивших в стране, о необходимости бороться за власть народа. Он был убежден, что для успеха в этой борьбе основным условием является организация сплоченных и законспирированных групп заговорщиков. Вместо закрытого «Общества семейств» Бланки в 1837 г. создал новое «Общество времен года». Руководителями Общества явились Бланки, Барбес и Мартэн Бернар.

Обстановка в стране в 1839 г. представлялась Бланки подходящей для восстания. Нарастал экономический кризис; усиливалась нужда рабочих масс, росла безработица. К этому присоединился и политический кризис: палата депутатов была распущена, председатель совета министров Моле подал в отставку, Луи-Филиппу не удавалось соста-

вить новый кабинет. В Париже народ волновался.

В начале 1839 г. Бланки возвратился в Париж. Заговорщики полагали, что для вооруженного восстания, для свержения монархии и создания революционного правительства все подготовлено. Хотя оружия было недостаточно, но предполагалось, что его можно будет взять в оружейных магазинах в ходе восстания. Днем выступления было назначено 12 мая, когда городская полиция и часть буржуазии должны были быть отвлечены скачками, а ратуша плохо защищена. В условный час более пятисот вооруженных повстанцев, сосредоточенных на улицах Сен-Дени и Сен-Мартэн, по сигналу Бланки устремились к ратуше и захватили ее. Но вскоре ратушу окружили королевские войска. Неравная борьба, продолжавшаяся около двух дней, окончилась подавлением восстания. Раненый Барбес был захвачен в плен, Бланки удалось скрыться. Но 14 октября, в тот момент, когда он садился в дилижанс, чтобы отправиться в Швейцарию, его арестовали. На состоявшемся в январе 1840 г. процессе Бланки отказался дать показания. Его приговорили к смертной казни, которая была заменена ему, как и Барбесу, пожизненным тюремным заключением. Бланки отправили в крепость Мон-Сен-Мишель (департамент Ламанш) — одну из самых мрачных тюрем Франции, представляющую каменную громаду, слившуюся с естественной скалой, на

которой она стоит. С XVII века этот бывший монастырь-крепость служил государственной тюрьмой.

Семью месяцами раньше в Мон-Сен-Мишель были привезены Барбес, Мартэн Бернар, Дельсад и др. Тюремный режим в Мон-Сен-Мишеле был ужасен: кандалы, побои, пытки, издевательства тюремщиков, грязь, насекомые,— все это доставляло страдания, доводившие некоторых узников до самоубийства, а других до умопомешательства. Бланки вскоре начал думать о побеге.

Перед отправкой в Мон-Сен-Мишель он условился с женой, что она поселится вблизи от тюрьмы, однако ее длительная болезнь помешала осуществлению этого замысла. В течение целого года Бланки ждал ее выздоровления. 31 января 1841 г. Сюзанна-Амелия умерла 26 лет от роду. Бланки очень тяжело пережил смерть жены. По его признанию, призрак жены в течение многих лет ежедневно посещал его. Сына Бланки воспитывала семья его жены в религиозном духе, восстанавливая его против отца.

В январе 1842 г. Бланки, Барбес, Мартэн Бернар и Юбер после длительной подготовки, в которой принимала участие мать Бланки, пытались бежать. Попытка кончилась неудачей, беглецы были схвачены, строгость тюремного режима была усилена.

Тяжелые тюремные условия подточили и без того слабое здоровье Бланки. В 1844 г. после четырехлетнего заточения в тюрьме

Мон-Сен-Мишель Бланки перевезли в Турскую тюрьму, а затем поместили в больницу под строгим надзором. Размещены были по другим тюрьмам и прочие участники майского восстания. На основании диагноза врачей о неизлечимости болезни Бланки Луи-Филипп приказом от 6 декабря 1844 г. помиловал его. Но Бланки дважды категорически отказывался принять помилование из рук короля и 26 декабря открыто заявил об этом в резком письме на имя мэра города Тура. Бланки остался в больнице и в течение 20 месяцев лежал в постели. Только в октябре 1845 г. Бланки встал, и жизнь снова стала возвращаться к нему. В турской больнице Бланки посещали рабочие и политические деятели. Он начал налаживать связи с революционными кругами. Когда в 1846 г. в Туре возникли волнения, вызванные промышленным кризисом, в организации их обвинили местное коммунистическое общество. К суду был привлечен и Бланки, обвиненный в создании этого общества. Бланки перевели в исправительную тюрьму. На суде, который происходил 26—29 апреля 1847 г. в Блуа, Бланки из-за отсутствия улик был оправдан и возвращен в Турскую больницу.

Начавшаяся в феврале 1848 г. революция освободила Бланки из заточения.

25 февраля он появился в Париже. Вокруг него начали группироваться члены тайных обществ, старые и новые его сторонники, революционная молодежь, для которой имя

Бланки звучало как символ борьбы за республику.

В тот же день, 25 февраля, Бланки узнал, что требование пролетарских масс водрузить над ратушей красное знамя вместо трехцветного было отвергнуто Временным правительством. Возмущенные этим событием члены тайных обществ договорились встретиться вечером в зале Прадо, чтобы решить вопрос, как реагировать на действия правительства. Вечером в зале Прадо собравшиеся в количестве нескольких тысяч человек члены тайных обществ и революционная молодежь, вооруженные, готовы были идти на свержение Временного правительства. Но появившийся в зале Бланки в своей речи, с виду спокойной, логически построенной, уговорил собравшихся не идти в ратушу. Он предлагал выждать дальнейших действий правительства, не рисковать, так как власть может перейти к контрреволюции.

В этот вечер в зале Прадо Бланки вместе с Дезами¹ организовал клуб под названием «Центральное республиканское общество».

¹ Теодор Дезами (1803—1850) — французский коммунист-утопист. Дезами был членом «Общества времен года», участником восстания 12 мая 1839 г. Особенно активной была его литературная деятельность в 40-х годах.

Под влиянием идей Морелли, Буонарроти и Фурье Дезами создал свою систему коммунистического общества, изложенную в его труде «Кодекс общности» («Code de la Communauté»).

Здесь отныне главным образом и протекала деятельность Бланки, ставшего председателем и идейным руководителем Общества. Ежедневно в зале Консерватории на улице Бержер, где помещался клуб, Бланки произносил речи, в которых объяснял членам клуба происходящие события, строил планы будущего, призывал их к действию.

В первые дни революции Бланки развил кипучую деятельность. Повсюду — в рабочих предместьях, среди членов клуба — он вербовал себе сторонников, объединял наиболее преданных революции людей. Уже очень скоро Бланки разочаровался в политике Временного правительства; 2 марта он потребовал от правительства решительных действий.

Бланки понимал, что народ не подготовлен к сознательному участию в выборах в Учредительное собрание и что власть в результате таких выборов попадет в руки реакционеров. 7 и 14 марта Бланки выступал в клубе «Центрального республиканского общества» с требованием отсрочки выборов, назначенных на 9 апреля, а 17 марта он организовал мирную, но внушительную демонстрацию под лозунгом отсрочки выборов.

Классовая борьба во Франции все обострялась. Бланки был одним из опаснейших врагов буржуазии, и она это прекрасно понимала. Контрреволюция стремилась любым путем уничтожить влияние Бланки на рабочие массы. Самым гнусным выпадом против

Бланки в этой кампании было появление так называемого документа Ташеро — пасквиля, сфабрикованного полицией. В кратких чертах дело состояло в следующем. Некий беспринципный журналист Ташеро, с одинаковым рвением служивший разным режимам, инспирированный правительством, опубликовал 31 марта 1848 г. в первом номере издававшегося им журнала «Историческое обозрение» («La Revue Rétrospective»), документ, озаглавленный: «Показания **** министру внутренних дел о деле 12 мая 1839 г.». Эти показания были якобы даны 22, 23, 24 октября 1839 г., когда Бланки был арестован по делу 12 мая. Их содержание и характер вели к тому выводу, что это — «показания» Бланки, что он будто бы в эти три встречи с министром выдал членов «Общества семейств» и «Общества времен года», охарактеризовал главных участников этих обществ и, наконец, изложил обстоятельства, приведшие к выступлению 12 мая. Документ не имел подписи и носил все признаки фальшивки, состряпанной по показаниям агентов, пробравшихся в тайные общества. Опубликование документа Ташеро имело явную цель — путем клеветы умалить авторитет и влияние Бланки в революции. 14 апреля Бланки напечатал «Ответ гражданина Огюста Бланки», под которым стояло 50 подписей его друзей. В нем Бланки гневно клеймил авторов документа, доказывая абсурдность возведенной на него клеветы. «Меня, жалкую развалину с разрушенным

здоровьем, одетого в потертое платье, называют продажным!.. Тогда как лакеи Луи-Филиппа, перелинявшие в блестящих республиканских бабочек, порхают на роскошных коврах Ратуши»,—воскликает Бланки и с возмущением заканчивает: «Реакционеры, вы подлецы!»¹

Более четырехсот бывших политических заключенных подписало протест против обвинения Бланки, напечатанный в «Газете трибуналов» от 14 апреля и в газете «Националь» от 15 апреля. К числу выступивших на защиту доброго имени Бланки принадлежал Дезами. Но на сторону клеветников стал бывший товарищ Бланки по революционной деятельности — Арман Барбес².

Как ни тяжел был этот удар, Бланки не прекратил своей революционной деятельности ни на один день.

¹ Г. Жеффруа. Заключенный, стр. 307.

² Арман Барбес (1809—1870) — французский мелкобуржуазный революционер. Вместе с Бланки организовал тайные революционные общества — «Общество семейств» и «Общество времен года», руководил восстанием 12 мая 1839 г. В начале революции 1848 г. был председателем «Клуба революции», был избран в Национальное собрание. В это время Барбес выступал на стороне Временного правительства; в его политической позиции произошел поворот вправо. Барбес примкнул к мелкобуржуазным демократам. Основанная на различии принципиальных позиций вражда Барбеса и Бланки обострялась завистью Барбеса к авторитету Бланки.

16 апреля Бланки был на Марсовом поле среди рабочих, собравшихся для избрания офицеров в штаб национальной гвардии. С Марсова поля рабочие отправились к Раутуше для того, чтобы вручить правительству петицию с требованием «организации труда», «уничтожения эксплуатации человека человеком». Но они были встречены национальными гвардейцами, мобилизованными под предлогом оказания отпора «коммунистическому заговору».

Результаты состоявшихся 23 апреля выборов в Учредительное собрание показали провидательность и политическую прозорливость Бланки, требовавшего их отсрочки. Во многих городах выборы сопровождались баррикадной борьбой рабочих с буржуазией. Особенно сильное столкновение произошло в Руане 27—28 апреля; оно превратилось в резню рабочих, в настоящую «Варфоломеевскую ночь», как писал Бланки в прокламации по поводу этих событий. Бланки обвинял в этой резне правительство, спрашивал его, что это: измена или трусость? «Пролитая кровь народа,— писал он,— не должна, не может остаться неотомщенной».

4 мая открылось Учредительное собрание. Оно узаконило буржуазную республику во Франции; в новом правительстве не оказалось места для представителя рабочих. Народные массы Парижа были разочарованы. Недовольство первыми действиями правительства вылилось в массовой демонстрации

15 мая. Желая оказать давление на политику Временного правительства, рабочие ворвались в зал Учредительного собрания. Они требовали немедленной помощи восставшим полякам. Выступивший в Собрании Бланки не только не был организатором движения, но даже отговаривал своих клубистов от участия в демонстрации, не надеясь на ее успех. В Собрании Бланки требовал оказания помощи полякам, расследования руанской резни и предания суду виновных в ней, а главное, социальных реформ: предоставления работы всем безработным, улучшения положения народных масс.

Из Учредительного собрания, которое было объявлено распущенным, демонстранты двинулись в Ратушу, где было избрано новое правительство, в состав которого вошли Барбес, Распайль, Альбер, Ледрю-Роллен, Луи Блан и др. Бланки в Ратуше не оказалось. Вскоре Ратушу наводнили войска. Они разогнали народ, арестовали Барбеса и Альбера. Бланки удалось скрываться в течение одиннадцати дней, но 26 мая его арестовали и заключили в башню Венсенской тюрьмы.

Вести об июньском восстании парижского пролетариата, потопленном буржуазией в крови, о разгуле белого террора доходили до Бланки, страдавшего в своем заключении от бессилия и бездеятельности. Только 7 марта 1849 г., через девять месяцев после ареста Бланки, Верховный суд выехал в Бурж для

рассмотрения дела участников демонстрации 15 мая.

Ко времени процесса в Бурже Бланки было 42 года. Бледный, худой, совершенно седой, Бланки выглядел стариком. Однако ни тюрьма, ни лишения не поколебали его духа. Как и в 1832 г., на процессе Пятнадцати, Бланки сам защищал себя. Он говорил: «Сражаясь в первых рядах борцов за народное дело, я никогда не получал от врагов открытых ударов. Мои враги действовали всегда из-за угла... И время доказало с очевидностью, что в моем лице эти удары врагов народа поражали революцию. В этом мое оправдание, и я горжусь этим». В день последнего заседания суда разыгралась тягостная сцена столкновения Бланки с Барбесом, который вновь выдвинул против Бланки «документ Ташеро». Отвечая Барбесу, Бланки сказал: «Греция олицетворяла в Геркулесе свои деяния героического периода; реакция взвалила на мою голову позор и злодеяния всякого рода: я Геркулес преступления... Кто только ни бросал в меня грязью или камнем?»

В ответ на обвинение Бланки в том, что он и его друзья намеревались 15 мая разогнать Учредительное собрание, Бланки иронически заметил, что, имея опыт в организации восстаний и заговоров, они действовали бы совсем не так, как действовала демонстрация 15 мая. И Бланки с увлечением развил

перед судом план возможного разгона Собрания.

2 апреля 1849 г. по приговору суда Бланки был осужден на десятилетнее тюремное заключение. Из Венсенской тюрьмы его, как и Барбеса, отправили в тюрьму маленького городка Дулен (департамент Соммы).

В Дуленской тюрьме Бланки оставался в течение 19 месяцев. Здесь, как и всегда, он много читал и писал. 20 октября 1850 г. Бланки и другие политические заключенные по постановлению правительства были переведены из Дулена в Бель-Иль-на-море — остров в Атлантическом океане. По пути в Бель-Иль Бланки в течение короткого времени сидел в парижской тюрьме Мазас.

В Бель-Иле Бланки пробыл в заключении до декабря 1857 г.

В то время в Бель-Ильской тюрьме находилось до 250 политических заключенных. Тюремный режим не был особенно строгим. Заключенные в известное время могли встречаться, беседовать, вместе питаться и т. д. Тут велись горячие споры на политические, философские темы. В тюрьме почти сразу образовались две партии — сторонников Барбеса и сторонников Бланки. Вначале у Бланки было мало приверженцев, а Барбес был окружен людьми, враждебно относившимися к Бланки и травившими его. Бланки даже опасался за свою жизнь. Его предложение Барбесу устроить между ними публичный диспут было отвергнуто последним. Посте-

пенно Бланки привлек на свою сторону бóльшую часть заключенных, главным образом рабочих. Многие из них приходили слушать его лекции по политической экономии.

В феврале 1851 г., к третьей годовщине февральской революции, Бланки написал знаменитый тост лондонским эмигрантам-бланкистам под названием «Обращение к народу» («*Aviŝ au peuple*»). В этом произведении Бланки дал резко отрицательную оценку предательской деятельности Луи Блана, Ледрю-Роллена и других «социалистов» 48-го года. Маркс, живший в то время в Лондоне, разослал перевод этого тоста немецким коммунистам. Это обращение, по мнению Маркса, подводило итоги недавней классовой битвы¹.

В Бель-Иле Бланки много читал, занимался философией, политической экономией, историей, естественными науками и в особенности географией, которую очень любил. Его мать и сестры доставляли ему книги, географические атласы. Бланки писал статьи и рецензии на новые книги, вел переписку с друзьями. Он был в курсе крупных событий, происходивших за стенами тюрьмы. В ноябре 1851 г. в одном из писем к Руже, бывшему заключенному Бель-Ильской тюрьмы, он предсказывал близость государственного переворота во Франции, который действи-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 104. и т. XXI, стр. 171.

тельно произошел 2 декабря 1851 г., а в 1853 г. писал о неизбежности Крымской войны.

Бланки, проведший половину своей жизни в тюрьме, обладал необыкновенной способностью сопротивления тюремным условиям. Удивительно, как этот тщедушный, слабый здоровьем человек выдержал столько испытаний. Обладая редкой силой воли, Бланки, кроме того, умел пренебрегать мелочами жизни, уходить целиком в свой внутренний мир. Бланки выработал для себя жизненный режим, гигиену, которых неукоснительно придерживался. Он всегда занимался гимнастикой, соблюдал определенную диету, ел очень мало мяса, питался по возможности молочными продуктами, овощами и фруктами, не пил вина. В Бель-Иле много времени и труда он отдавал огороду, который он завел под своим окном, и выращивал землянику и овощи.

В конце 1852 г. Бланки задумал бежать. В это время на Бель-Иль приехала его мать с 15-летним сыном Бланки. Мать добыла все нужное для побега. Но министерство узнало об этом из перехваченного письма, которое было переслано в рыбацкой корзине с двойным дном. Бланки перевели в корпус для одиночных заключенных и усилили его охрану.

Все же в 1853 г. Бланки и Казаван — его сосед по камере — снова стали готовиться к побегу. Они собирались бежать в Англию. Был придуман смелый план, выполнение ко-

того требовало, однако, много времени: Бланки и Казаван задумали оставить в камере вместо себя кукол, одетых в их арестантскую одежду и сидящих в обычных для них позах за столом. Но чтобы побег был открыт не сразу, Бланки и Казаван в течение длительного времени приучали стражу к тому, что они не отвечают на вопросы и оклики. В конце концов надзиратели перестали обращать на это внимание. 5 апреля 1853 г. Бланки и Казаван бежали; под проливным дождем добрались они до колодца, спустились по веревкам до воды, просидели там до конца обхода, затем выбрались оттуда, перелезли через забор, бродили всю ночь по острову и, обессиленные, достигли, наконец, заранее намеченного пункта — хижины рыбака, где скрывались до утра на чердаке. Но рыбак, получивший от Бланки и Казавана большую сумму за доставку их на материк, оказался предателем: он донес об их побеге тюремному начальству. Бланки бросили в подвал замка Фуке, оттуда вскоре его перевели обратно в корпус для политических заключенных, но под более строгий надзор.

Осенью 1854 г. был освобожден Барбес, и в тюрьме отношения между враждебными партиями стали менее напряженными. В 1857 г. Бланки вместе с 31 товарищем был перевезен на Корсику, в Корт. Здесь их приветствовала многочисленная толпа.

В корсиканской тюрьме, сырой и душной, Бланки оставался до 2 апреля 1859 г. Затем,

на основании так называемого закона об общественной безопасности 1858 года, он был сослан в Африку, в Маскара. 16 августа 1859 г. по общей амнистии Бланки получил разрешение вернуться в Париж. Но по пути его снова задержали в Тулоне; ему угрожала высылка в Кайенну. Сестре Бланки, госпоже Антуан, удалось, наконец, добиться его освобождения и разрешения вернуться в Париж. Здесь он встретился с сыном, которому тогда было уже 24 года. За время пребывания в тюрьмах Бланки видел сына пять-шесть раз. Это был ограниченный, пустой человек, которому отец был совершенно чужд. Он настолько мало знал и понимал отца, что предложил ему отказаться от политической борьбы и остаться жить с ним сытой мещанской жизнью. В Париже Бланки постигло и другое горе: он узнал, что его рукописи, плод долголетней работы, хранившиеся у матери, были по ее предсмертному распоряжению (она умерла в 1858 г.) сожжены братом Жеромом. Это привело Бланки в отчаяние.

Вскоре после возвращения в Париж Бланки посетил Лондон. Там в это время жило много политических эмигрантов, там же были и его друзья — Лакамбр и Бартелеми. Вернувшись в Париж, Бланки снова отдался революционной деятельности. Он стремился вновь создать революционную партию. Он искусно скрывался от полиции, но полиция гонялась за ним по пятам, и, наконец, ей удалось арестовать его. В июне 1861 г. Бланки

по обвинению в участии в тайном обществе приговорили к четырем годам тюремного заключения. Этот приговор вызвал возмущение в революционных кругах. Маркс и Энгельс, которые высоко ценили Бланки как представителя «самой революционной партии Франции», оказали денежную помощь другу Бланки Денонвилю для напечатания памфлета о гнусном процессе Бланки¹.

Снова Бланки попал в тюрьму Сен-Пелажи, где он уже отбывал наказание в 1832 г. за свою речь на процессе Пятнадцати и в 1835 г. после процесса «Общества семейств». Сен-Пелажи — тюрьма, видевшая в своих стенах множество политических деятелей Франции. В 1793 г. здесь были заключены госпожа Ролан и некоторые жирондисты, в этой тюрьме побывали Беранже, Курье, Марра, Годфруа Кавеньяк, Домье, Ламеннэ, Пиа, инсургенты 1848 года.

Молчаливый и малообщительный, недоверчивый и подозрительный к незнакомым людям, Бланки, однако, привлекал к себе заключенных, из которых иные становились его друзьями, многие — верными последователями. Большие знания, сила индивидуальности, участь почти непрерывно «заключенного», исключительная верность делу революции, резкая критика парламентской республиканской партии — создали ему авторитет, неизменно возраставший.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 25—26.

Наиболее близко сошелся здесь Бланки с Густавом Тридоном, студентами-медиками Вильневом, Клемансо и др. Здесь же он сблизился с Артуром Ранком, который посвятил Бланки свой «Романтический заговор». Ранк стал на некоторое время ревностным бланкистом. В Сен-Пелажи зародилась бланкистская партия.

В 1864 г. Бланки заболел. Его перевезли в Неккеровскую больницу и поместили в отдельную палату под наблюдением полицейского агента. В Неккеровской больнице его посещали друзья. Здесь он познакомился с Шарлем Лонге¹.

В начале 1865 г. Бланки принимал участие в организации журнала «Кандид», редактором которого был Густав Тридон, любимый ученик Бланки. Под псевдонимом Сюзамель (Сюзанна-Амелия — имя его жены) Бланки

¹ Шарль Лонге — французский журналист, участник рабочего движения. В 60-х годах издавал в Париже оппозиционные газеты «Journal des Ecoles» («Школьная газета») и «Rive gauche» («Левый берег»). Обе газеты были запрещены. Лонге эмигрировал в Бельгию, где продолжал издавать газету «Левый берег». В январе 1866 г. был введен в Генеральный совет Интернационала, был делегатом от Франции на Лозаннском, Брюссельском и Гаагском конгрессах. Принимал деятельное участие в Парижской Коммуне. После подавления Коммуны бежал в Англию, откуда вернулся в 1880 г. и примкнул к радикалам. Вместе с Клемансо издавал газету «La Justice» («Справедливость»). Перевел на французский язык труд Маркса «Гражданская война во Франции». Был женат на дочери Маркса.

опубликовал в журнале несколько статей на философские темы и по другим научным вопросам. После выхода восьмого номера журнал был закрыт, а его руководители арестованы.

Бланки задумал бежать из больницы. И здесь он подготовил надзирательниц к своему отсутствию на месте во время ужина, и они перестали обращать внимание на то, что его нет в палате в момент проверки. В обществе своих друзей, студентов Казавана, Ламбена и братьев Левро, Бланки, в светлом парике и широкополой шляпе, свободно прошел мимо полицейского агента, благополучно сел в поезд и уехал в Брюссель.

На следующий день после своего отъезда Бланки отправил во французские газеты открытое письмо: он писал в нем, что провел в тюрьме вместо присужденных ему четырех лет, 4 года и 6 месяцев, т. е. на 12 процентов больше, чем следовало, и что «долг заставляет его отказаться от подарка в 100 дней лишнего заключения». Бланки бежал из опасения, что по окончании срока заключения его сошлют в Кайенну.

В Брюсселе Бланки жил у своего друга доктора Вато. Здесь он завязал новые связи, возобновил старое знакомство с Шарлем Лонге, который издавал в это время в Брюсселе журнал «Левый берег». На Льежском международном студенческом конгрессе в 1865 г. Бланки встретился с Тридоном, по-

знакомился с Полем Лафаргом¹ и с Гранже, который в дальнейшем сделался его ближайшим другом. В эти годы Бланки много писал. Некоторые очерки, написанные им в конце 60-х годов по вопросам философии, политической экономии, социализма, вошли впоследствии в двухтомную «Социальную критику» («Critique sociale»), изданную его последователями после его смерти.

В то же время Бланки продолжал свою переписку с парижскими друзьями. В этот период под руководством Бланки во Франции была создана боевая политическая организация бланкистов, члены которой вербовались по строгому выбору. К 1870 г. число их достигло 2500. Бланки часто тайно не надолго приезжал в Париж. Когда деятельность организации приняла широкие размеры, Бланки оставался иногда в Париже по несколько месяцев.

В 1867—1868 гг. Бланки написал «Инструкцию к вооруженному восстанию», подробно изложив меры, которые надо принять после

¹ Поль Лафарг (1842—1911) — французский социалист, философ и публицист. В молодости увлекался идеями Прудона, а затем Бланки. С 1865 г., после знакомства с Марксом, стал марксистом и всю дальнейшую жизнь посвятил широкому распространению идей марксизма. Вместе с Гедом был основателем французской социалистической партии. Лафарг написал ряд блестящих памфлетов, направленных против капиталистического общества. Из теоретических трудов Лафарга наиболее известны «Экономический детерминизм Маркса», «Язык и революции». Лафарг был женат на дочери Маркса.

революции и установления диктатуры Парижа. Бланки излагает в этой Инструкции и план борьбы, описывает, как и на каких улицах надо строить баррикады, приводит образцы обращений к народу, к армии и т. д.

Друзья Бланки торопили его перейти к открытой борьбе с Империей, считая, что обстановка в стране, общее недовольство режимом обеспечат успех восстанию. Но Бланки был осторожен, он боялся новых неудач. Попытка восстания была предпринята только 12 января 1870 г., в день похорон молодого журналиста Виктора Нуара, убитого одним из членов семьи Наполеона III. Однако и на этот раз попытка не удалась, никакого столкновения толпы с войсками не произошло, несмотря на сильное возбуждение, царившее и в палате, и среди народа.

Франко-прусская война с самого своего начала принесла ряд поражений французской армии и вызвала возмущение народа Империей. Толпы народа, собиравшиеся на площади Согласия, громко выражали свой гнев и возмущение. Бланкисты прониклись уверенностью, что в эти дни будет легко опрокинуть Империю, и срочно вызвали из Брюсселя Бланки. 12 августа он приехал. Восстание было назначено на 14 августа на улице Ла-Виллет, в центре революционного рабочего квартала. Предполагалось захватить казарму на бульваре Ла-Виллет, заpastись в ней оружием и объявить республику. Но и на этот раз попытка не удалась. Многие участ-

ники ее были арестованы, некоторым грозила смертная казнь, но приговор не был приведен в исполнение. После капитуляции 2 сентября Наполеона III в Седане, наступил конец Империи; 4 сентября Франция была объявлена республикой, и в Париже избрано правительство Национальной Обороны, в которое вошли Араго, Кремье, Фавр, Гамбетта, Гарнье-Пажес, Рошфор, Жюль Симон и генерал Трошю.

Сейчас же после революции 4 сентября 1870 г. Бланки основал клуб и газету «Отечество в опасности» («La Patrie en danger»). В первом номере газеты от 7 сентября, не поняв, что буржуазное правительство, контрреволюционное по своему характеру, не в состоянии обеспечить оборону страны, что оно руководствуется не национальными, а узко классовыми интересами,— Бланки призывал оказать правительству полное содействие, ибо перед лицом врага должны умолкнуть все разногласия.

Ближайшие сотрудники Бланки в газете Тридон, Левро, Рельяр, Гранже и Верле, так же как и Бланки, требовали объединения всех сил для защиты отечества. С 7 сентября по 9 декабря 1870 г. вышло всего 89 номеров «Отечества в опасности», и во всех этих номерах Бланки помещал статьи, обращения, прокламации, в которых указывал, как надо вести оборону Парижа, какие принять меры для его спасения, проявляя при

этом глубокий ум, прозорливость и большое знание военного дела.

Развитие событий очень скоро раскрыло Бланки глаза на классовый смысл политики правительства. «В основе внешней войны лежит война внутренняя...», — писал он в своей газете, — капитал предпочитает республике прусского короля. Если он лишится при нем политической власти, у него останется по крайней мере власть социальная... «Реакционеры больше боятся революции, чем Вильгельма и Бисмарка...»

В клубе по вечерам Бланки разъяснял своим слушателям ошибки и преступления правительства, его близорукость и бездеятельность и указывал, какие меры необходимо принять для отражения наступления прусской армии.

На одном собрании национальных гвардейцев, в сентябре, Бланки произнес речь, после которой его избрали командиром 169-го батальона. Однако он недолго оставался на этом посту, так как 19 октября генерал Трошю распустил батальон. В одном из номеров «Отечества в опасности» Бланки писал: «Первым актом обороны должно быть устранение тех, кто делает оборону невозможной». Правительство Национальной Обороны и стоявший во главе вооруженных сил Парижа генерал Трошю показали французскому народу свое истинное лицо — правительства национальной измены. После капитуляции Меца, о чем в Париже узнали 30 ок-

тября, народные массы охватило волнение. Теперь уже самому Парижу также угрожала капитуляция,— необходимо было спасти его. 31 октября народные массы Парижа и батальоны национальной гвардии заполнили Ратушу, арестовали правительство, создали временный комитет, которому было поручено принять меры общественной безопасности и назначить муниципальные выборы. Бланки и его сторонники возглавили движение 31 октября. Бланки был выдвинут кандидатом в новое правительство. Но движение 31 октября также потерпело неудачу, у власти осталось правительство Национальной обороны, давшее обещание не преследовать участников событий 31 октября. Бланки остался в Париже, продолжал издавать свою газету, в которой страстно призывал ко всеобщему вооружению, к защите Парижа, клеймил правительство за бездеятельность. «Законная власть принадлежит тому, кто сопротивляется. Единственным способом голосования в наших руках должны быть пули»,— писал Бланки.

Бланки и его сторонники играли активную роль и в выступлении 22 января 1871 г., имевшем целью свержение «правительства Национальной обороны». Но и это выступление парижского пролетариата было слабо подготовлено. Оно потерпело поражение.

Даже после капитуляции Парижа и заключения перемирия 28 января Бланки все еще надеялся на спасение Франции. На

8 февраля 1871 г. были назначены выборы в Национальное собрание. Имени Бланки не оказалось в списке 43 кандидатов, составленном клубами, комитетами и редакциями журналов. После выборов Бланки решил отправиться в Бордо. Покидая Париж 12 февраля, он написал плакат на 8 столбцах под названием «Последнее слово», в котором резюмировал все написанное им в 89 номерах «Отечества в опасности», говорил о поведении властей во время осады Парижа, о тех мерах, какие необходимо было принять для его защиты, о необходимости эвакуации в провинцию 1 миллиона женщин и детей и замены их миллионом боеспособной провинциальной молодежи, о снабжении Парижа продовольствием, о вооружении его за счет провинциальных арсеналов и т. п. Закончил Бланки свое «Последнее слово» обвинением правительства в измене родине.

Из Бордо Бланки уехал в Лулье (Лотский департамент) к своей племяннице. Ему необходим был отдых от тяжелых парижских переживаний. Но недолго длился отдых Бланки. Вскоре он заболел. А в это время, 9 марта, он был предан суду за участие в событиях 31 октября. Правительство предательски нарушило свое обещание не преследовать участников этого движения. По распоряжению министра юстиции, 17 марта Бланки был арестован в Лулье и прямо с постели, больной, отвезен в госпиталь в Фижак, куда он прибыл 18 марта, в тот день, когда рабочий

класс Парижа захватил власть в свои руки и объявил Коммуну. Извещенный об аресте Бланки, Тьер — палач Парижской Коммуны — воскликнул: «Наконец-то нам попался самый отъявленный разбойник!»¹

20 марта Бланки отправили в Кагорскую тюрьму, где в то время содержались уголовные преступники, в обществе которых Бланки пришлось жить некоторое время, пока его не поместили в камеру для секретных заключенных.

В Париже 26 марта Бланки был избран в члены Парижской Коммуны по двум округам вместе с другими наиболее влиятельными бланкистами: Тридоном, Эдом, Флураном, Риго и др., сыгравшими активную роль в революции 18 марта.

На первых же заседаниях Коммуны Бланки был избран почетным председателем. Среди друзей Бланки, стремившихся освободить его, возникла мысль предложить правительству Тьера обменять Бланки на заложников Коммуны — парижского архиепископа Дарбуа и других. Но переговоры по этому вопросу между доверенным лицом Дарбуа и Тьером, длившиеся больше месяца, ни к чему не привели. Тьер не согласился выпустить Бланки даже в обмен на 74 заложника, заявив при этом, что «возвратить Бланки восстанию было бы равносильно посылке на помощь инсургентам целого армейского корпуса»².

¹ Г. Жеффруа. Заключенный, стр. 270.

² Там же, стр. 264.

После этой неудачи Коммуна вотировала кредит в 50 тысяч франков на организацию побега Бланки из Кагорской тюрьмы. Но Гранже, близкий друг Бланки, которому было поручено это дело, не сумел осуществить его.

22 мая Бланки увезли из Кагорской тюрьмы в замок Торо¹, близ города Морле, куда он прибыл 24 мая. Бланки было 66 лет, здоровье его было расшатано. Между тем режим в замке Торо был жестокий. Камера Бланки была холодная, темная, сырая, помещалась она в подвале. Надзор за ним был установлен крайне строгий, как за «важным политическим заключенным». При малейшей попытке Бланки к бегству коменданту приказано было стрелять в него; во время прогулки его неизменно сопровождала вооруженная стража; лодкам запрещалось причаливать к скале и т. д. Кроме того, в тюрьме вечно стоял шум, мешавший Бланки заниматься или отдыхать; кормили его чрезвычайно плохо. Предоставленный самому себе, Бланки предавался размышлениям. Во время прогулок он изучал небо и море, следил за движением планет. Результатом этих наблюдений явились: астрономическая гипотеза «Вечность звездного мира» и доклад на тему «Причины зодиакального света», который позднее, 8 января 1872 г., был прочитан в Академии Наук,

¹ Замок Торо — крепость, воздвигнутая на скале среди океана.

а 27 января напечатан в газете «Французская республика» («La République française»). В этом же году в Париже была издана и книга Бланки «Вечность звездного мира».

12 ноября 1871 г. Бланки неожиданно перевели в Версальскую тюрьму. В течение двух дней (15—16 февраля 1872 г.), после почти годового предварительного заключения, 4-й военный суд в Версале рассмотрел дело по обвинению Бланки в участии в событиях 31 октября и других выступлениях, а также в «моральном» участии в Коммуне. В это время Бланки было 67 лет. Он был совершенно седым, бледным и на вид тщедушным стариком. Но никакие тюрьмы не сломили духа этого борца. На суде Бланки держался с большим достоинством. В своем последнем слове он опроверг все доводы, выдвинутые против него обвинением, и окончил его следующим заявлением: «Меня судят здесь не за 31 октября. Это самое малое из моих преступлений. Я представляю здесь Республику, которую монархия посадила на скамью подсудимых».

Правительственный комиссар осудил здесь революцию 1789 года, 1830, 1848 годов и 4 сентября. При господстве Республики я буду осужден во имя идей монархии и на основе ее законов».

Несмотря на многочисленные свидетельские показания о существовавшей между бланкистами и правительством договоренности о том, что участники событий 31 октября не

будут подвергаться преследованиям, Бланки единогласно был признан судом виновным и приговорен к ссылке и лишению гражданских прав. По кассации 11 апреля 1872 г. этот приговор был отменен, но затем 6-й военный суд 29 апреля снова приговорил Бланки к ссылке. Предполагалось сослать его в Новую Каледонию, место ссылки участников Коммуны, но официальная врачебная комиссия признала, что Бланки не вынесет длительного путешествия. Осужденный был отправлен в Центральную тюрьму в Клерво (департамент Об, в северной части Франции) на пожизненное заключение.

Клерво — старинное аббатство в Виль-су-ла-Ферте, превращенное в 1789 г. в исправительную тюрьму. Когда Бланки прибыл в Клерво, там находилось 140 политических заключенных, осужденных за участие в Коммуне. Бланки поместили в одиночную камеру в 2 метра длины и 1¹/₂ метра ширины, с узкой щелью вместо окна. Он был изолирован от других заключенных, крайне редко ему разрешались свидания с родными. Одиночество сильно тяготило его; о побеге не могло быть и речи. В холодном помещении тюрьмы Клерво здоровье Бланки было окончательно подорвано, в течение долгих месяцев он не вставал с постели. В дальнейшем его перевели в просторное помещение, но он остался в той же изоляции. Бланки чувствовал себя «заживо погребенным», как он писал своей сестре.

В январе 1878 г. социалистическая газета «L'Egalité» («Равенство») потребовала освобождения Бланки. Его кандидатура была выдвинута на парламентских выборах. В апреле 1879 г. он был избран в Бордо депутатом парламента, получив 6801 голос против 5330, поданных за его противника. Однако палата депутатов не признала законность выборов Бланки. Ожесточенная борьба вокруг его кандидатуры, широкое движение по всей Франции за освобождение «узника» заставили, наконец, правительство амнистировать его 10 июня 1879 г.

Бланки просидел в Клерво восемь лет и три месяца. Это была его последняя тюрьма. В общей сложности он провел в заточении 37 лет. На следующий день после амнистии 74-летний Бланки в сопровождении своей 76-летней сестры вернулся в Париж. А 25 июня он уехал в Бордо, чтобы выразить благодарность своим избирателям и выступить перед ними в связи с предстоявшими новыми выборами. Бланки был встречен жителями Бордо с энтузиазмом. Но во время предвыборной кампании враги Бланки снова использовали клевету Ташеро, и хотя никаких доказательств виновности Бланки ни у кого не было, все же на выборах 14 сентября он получил на 156 голосов меньше своего противника.

Однако и этот удар не ослабил воли Бланки, он был полон энергии, он объехал Францию, выступая на рабочих собраниях.

Рабочие массы восторженно встречали его. В Бордо, Марселе, Тулоне, Лионе, Ницце и других городах в его честь устраивались банкеты.

Летом 1880 г. в Лионе во время избирательной кампании была вновь выставлена кандидатура Бланки, но он не получил большинства. В июне Бланки были возвращены гражданские права. В начале ноября этого года он ездил в Италию в числе делегатов от республиканских комитетов для участия в торжествах в честь Гарибальди.

В конце ноября Бланки вместе со своими друзьями — Гранже, Эдом, Вальяном и другими — основал ежедневную газету «Ни бога, ни господина» («Ni Dieu, ni maître»), и был главным ее редактором. За отсутствием средств газета с 25-го номера превратилась в еженедельный журнал. Кроме редакторской и авторской работы в газете, Бланки написал в это время брошюру «Рабская и угнетенная армия» («Armée esclave et opprimée»). 21 ноября Бланки ездил в сопровождении Гранже в Лилль, где он прочел лекцию перед шеститысячной аудиторией, восторженно, встретившей его.

До самой смерти Бланки, как бы вознаграждая себя за вынужденное длительное молчание в тюрьмах, выступал с речами на рабочих собраниях Парижа. 27 декабря 1880 г. он был на собрании в зале Рагаш, на улице Лекурб, где произнес свою последнюю речь в защиту красного знамени против

трехцветного. Возвратившись домой поздно вечером, Бланки внезапно упал. Пять дней боролся он со смертью. 1 января 1881 г., на 77-м году жизни, он умер.

Похороны Бланки состоялись 5 января. Известие о его смерти потрясло всех французских революционеров. Более 100 тысяч человек шло за его гробом. Со всех концов Франции прогрессивные организации прислали в Париж делегации с венками.

Бланки похоронен на кладбище Пер-Лашез. 9 августа 1885 г. на средства парижских рабочих на его могиле был поставлен памятник работы Далу — бронзовая фигура мертвого Бланки.

ПРИМЕЧАНИЯ *

1. Процесс Пятнадцати. Поводом для обвинения 15 видных деятелей «Общества друзей народа» — Бланки, Распайля, Туре, Жерве, Треля, Юбера, Нелоне и др. послужило опубликование в сборнике «Au peuple» («К народу») ряда статей, проникнутых республиканским духом и изобиловавших резкими нападками на правительство Луи-Филиппа. Подробнее о процессе Пятнадцати см. Биографический очерк, стр. 330.

² Ф и л и п п и к а — резкая, обличительная речь. Это слово возникло вначале как наименование резких речей Демосфена против угрожавшей греческим городам-республикам захватнической политики Филиппа Македонского.

³ П о л ь К у р ь е (1772—1825) — французский политический писатель-памфлетист. Не принадлежа ни к какой партии, он боролся с дворянско-клерикальной реакцией своим острым, беспощадным пером. Памфлеты Поля Курье, несомненно, сыграли известную роль в подготовке июльской революции 1830 г. Наиболее известны его памфлеты: «Peti-

* В данной книге в прямые скобки заключены заглавия, принадлежащие переводчику.

tion aux deux chambres» (1816); «Simple discours de Paul Louis, vigneron de la Chavonnière» (1821); «Pamphlet des pamphlets» (1824).

⁴ Синекура (латин. sine cura — без заботы) — фиктивная, но доходная должность.

⁵ Жиль Блаз — герой одноименного романа французского сатирика и романиста Лесажа (1668—1747). Роман представляет собой сатиру на аристократию и финансовую буржуазию XVIII века.

⁶ Nec plus ultra — латинское выражение, означающее — не больше того, дальше некуда.

⁷ Фиск (латин. fiscus) — императорское казначейство в древнем Риме. По буржуазной юридической терминологии означает казну, имущество государства.

⁸ Panem et circenses (латин.) — хлеба и зрелищ! Этот лозунг у римских писателей характеризует стремления римских люмпен-пролетариев.

⁹ Карлисты — реакционная партия в Испании, возникшая в 1833 г. Карлистами называли легитимистов, сторонников Дон Карлоса, защищавших его права на трон против регентши Христины и ее дочери Изабеллы. Здесь Бланки, очевидно, имеет в виду сторонников Карла X, французских легитимистов

¹⁰ 28 июля 1830 г. — первый день июльской революции 1830 г. во Франции, когда инсургенты захватили городскую гатушу в Париже и водрузили на ней трехцветное знамя.

¹¹ Эти господа заставляли всю Францию сидеть на одном диване — в период Реставрации диваном (le canapé) презрительно называли доктринеров (членов партии конституционалистов-роялистов, во главе с Гизо, Деказом и др.).

Говорили, что партия так малочисленна, что может поместиться на одном диване.

¹² Лион ответил 21-го: Бланки имеет в виду восстание рабочих шелкоткацкой промышленности Лиона, вспыхнувшее 21 ноября 1831 г. и подавленное 3 декабря правительственными войсками.

¹³ Речь 2 февраля 1832 г.— произнесена в собрании, организованном «Обществом друзей народа», к которому принадлежал Бланки.

Текст взят из книги R. Garaudy «Les sources françaises du socialisme scientifique».

¹⁴ Людовик XVIII вознаградил ее Хартией. После низложения Наполеона I во Франции произошла реставрация Бурбонов. В 1814 г. королем Франции под именем Людовика XVIII был провозглашен брат Людовика XVI, граф Прованский. Людовик XVIII был вынужден дать конституцию, получившую название Хартии (4 июня 1814 г.). Хартия превращала Францию в конституционную монархию, в которой власть короля ограничивалась двухпалатным парламентом — палатой пэров и палатой депутатов, — представлявшим интересы землевладельцев и высшего слоя буржуазии. Вследствие высокого имущественного ценза избирательными правами пользовалось не более 100 тысяч человек, а быть избранным имело право всего 15—16 тысяч человек.

¹⁵ Споспобствовал резне 1815—1816 гг.— речь идет о белом терроре во Франции, проводившемся правительством Людовика XVIII после Ста дней (попытка Наполеона вернуть себе власть в марте — июле 1815 г.), во время второй реставрации.

¹⁶ Эшафотам Бори и Бертона: карбо-

нарий генерал Бертон 24 февраля 1822 г. поднял восстание с целью свержения Бурбонов. Восстание было подавлено, а Бертон и некоторые другие карбонарии казнены.

¹⁷ Пришествие Виллеля: Виллель — ультрароялист, возглавлявший французский кабинет министров в 1821—1828 гг.

¹⁸ Сожаление и ужас, охватившие 221 депутата. Бланки имеет в виду депутатов оппозиции во французской палате. В ответ на речь короля Карла X от 2 марта 1830 г. эти депутаты составили адрес, в котором протестовали против действий правительства, не считающегося с «желаниями народа».

¹⁹ Превотальный суд — суд с сокращенной процедурой, установленной в 1815 г. для судопроизводства по политическим преступлениям.

²⁰ Золотая середина (*juste milieu*) — основной принцип партии конституционалистов-роялистов (доктринеров). Эта немногочисленная партия стремилась найти золотую середину между абсолютизмом и демократией, противопоставив идею компромисса революционным традициям.

²¹ Русские установили порядок в Варшаве... — Бланки иронически говорит об установлении «порядка» в Варшаве царскими войсками после подавления ими восстания 1830—1831 гг.

²² Кто варит суп, тот пусть и ест его — см. сноску на стр. 106. Текст помещен в «*Critique sociale*», т. II.

²³ Лионские рабочие недавно испытывали это средство: Бланки имеет в виду

стачку лионских рабочих шелкоткацкой промышленности в апреле 1834 г.

²⁴ Г р а к х и — братья Гракхи, Тиберий и Гай, политические деятели древнего Рима, жившие во II в. до н. э. Гракхи — народные трибуны, проповедывавшие аграрную реформу в интересах народа.

²⁵ К а и н и А в е л ь: существует библейская легенда о том, что старший сын Адама Каин — земледелец убил своего брата — пастуха Авеля.

²⁶ А в е н т и н с к и й х о л м: по преданию, тирания римских патрициев довела плебеев до того, что они удалились на находящуюся недалеко от Рима священную гору Авентин.

²⁷ Н о в ы е Б и а с ы. Биас — греческий философ, один из семи мудрецов, родился около 570 г. до н. э. в Приене. Когда Приена была покорена персидским царем Киросом, жители, убегая от врага, уносили с собой всё самое ценное, что у них было. Один лишь Биас ничего не взял с собой. На вопрос о причине этого, он ответил: «Я всё свое ношу с собой».

²⁸ Е с с е й с к и й п р и н ц и п р а в е н с т в а. Ессеи — еврейская секта, образовавшаяся в начале II в. до н. э. Ессеи жили общинами, имели общий стол, признавали лишь общую собственность, отрицали рабство, занимались земледелием, скотоводством, ремеслами и врачеванием.

²⁹ В Приложениях мы даем документы, относящиеся к тайным обществам конца 1830-х годов. Кто автор этих документов, неизвестно. Но они, несомненно, отражали политические и социальные идеи, которые разделял в эти годы Бланки, игравший в обществах руководящую роль. Текст документов взят нами из книги Ménilhou J. Rapport fait à La Cour

[des Pairs]. Р. 1839. Вопросник для вступающего в «Общество времен года» — структура тайного «Общества времен года» была следующая. Основной клеткой была «неделя», включавшая шесть человек и начальника, который один знал начальников других трех «недель»; четыре «недели» составляли «месяц», образуя группу в 28 человек; начальник этой группы, 29-й человек, один знал начальников двух других месяцев; три месяца составляли «время года», во главе которого стоял начальник, который один знал начальников других времен года. Четыре «времени года» вместе составляли «год», которым управлял начальник, называвшийся «агентом революции». В Париже было три «года», во главе которых стояли Бланки, Барбес и Мартен Бернар, составлявшие тайный триумвират.

³⁰ Речь 25 февраля 1848 г. Текст речи взят из книги: Wassermann. «Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848». Эта речь была произнесена Бланки в клубе Прадо перед 500 революционно настроенными гражданами, готовыми выступить против Временного правительства. На этом собрании клуб был преобразован в «Центральное республиканское общество».

³¹ Нам нужно новое 10 августа: Бланки говорит здесь о революции 10 августа 1792 г., в результате которой во Франции была свергнута монархия.

³² О борьбе за красное знамя. Текст взят из брошюр S. Molinier. Blanqui.

³³ Мы уже не в 93-м году! Речь идет о 1793 г.—годе наивысшего подъема французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

³⁴ Резня на улице Транснонэн — жестокая расправа на улице Транснонэн в Париже в ночь с 13 на 14 апреля 1834 г. с народными массами, восставшими против королевского правительства. Королевские солдаты особенно свирепствовали на улице Транснонэн, где они не только разрушали баррикады, но врывались в дома, убивали жителей.

³⁵ Адрес «Центрального республиканского общества» правительству от 1 марта 1848 г. (из книги Wassermann): этот адрес объединяет ряд резолюций, принятых на заседаниях общества в первые дни революции.

³⁶ Об отсрочке выборов (из книги Wassermann). Кампания за отсрочку выборов в Учредительное собрание, назначенных Временным правительством на 9 апреля, была начата «Центральным республиканским обществом» по инициативе Бланки. Первая петиция, составленная Бланки, была одобрена собранием Общества 6 марта, и 7 марта Бланки представил ее правительству. 14 марта Обществом была принята вторая петиция об отсрочке выборов, так как первая петиция не дала никаких результатов.

³⁷ Демократическим клубам Парижа — манифест Бланки от 25 марта 1848 г. (из книги Wassermann). Идея создания центральной организации клубов принадлежала клубу Революции, руководящую роль в котором играл Барбес. Клуб «Центрального республиканского общества» присоединился к этой идее и разослал демократическим клубам Парижа манифест за подписями Бланки и представителей ряда других клубов.

³⁸ Проект адреса Бланки правительству (из книги Wassermann). Пятнадцать париж-

ских клубов избрали комиссию, в которую вошел и Бланки, для переговоров с правительством об уходе из Парижа войск и об отсрочке выборов. Комиссия, не принятая правительством, направила ему 17 марта адрес. Из двух проектов — Кабе и Бланки — был принят проект адреса Кабе, в котором указывались даты отсрочки выборов национальной гвардии до 5 апреля и в Учредительное собрание до 31 мая, тогда как проект Бланки предлагал отсрочку выборов на неопределенное время.

³⁹ Исповедание веры (из книги Wassermann) было напечатано в газете «Французский курьер» («Courrier français») от 30 марта 1848 г.

⁴⁰ Адрес «Центрального республиканского общества» Временному правительству от 20 апреля 1848 г. (из книги Wassermann). На 20 апреля, во время праздника Братства, Временное правительство назначило смотр легионов Национальной гвардии. Под этим предлогом в Париж были призваны войска, которые должны были и впредь оставаться там для охраны спокойствия и «порядка». Поняв этот маневр правительства, «Центральное республиканское общество» в своем адресе протестовало против ввода войск в Париж.

⁴¹ Адрес от 3 мая 1848 г. о руанских событиях (из книги Wassermann). Классовая борьба между руанскими рабочими и буржуазией обострилась во время выборов, на которых рабочие из-за мошеннических приемов буржуазии потерпели поражение. Рабочие вышли на улицы и стали воздвигать баррикады. Буржуазия ответила кровавыми репрессиями. Против безоружных рабочих были

пущены в ход ружья, пушки. Среди рабочих было много жертв. «Центральное республиканское общество» расклеило печатаемый адрес на стенах парижских домов, социалистические газеты опубликовали его.

⁴² Л о б а р д е м о н Ж.-М. барон — один из самых активных и жестоких проводников политики Ришелье. Ему приписывают слова: «Покажите мне одну строчку письма какого-нибудь человека — и я сумею добиться, чтобы его повесили».

⁴³ О б р а щ е н и е к н а р о д у (фотокопия «Обращения» хранится в Институте Маркса — Энгельса — Ленина в Москве) — тост, который Бланки послал из Бель-Ильской тюрьмы в 1851 г. в Лондон политическим эмигрантам к банкету 24 февраля 1851 г. по поводу третьей годовщины революции 1848 г. Вот как рассказывает об истории с тостом Энгельс: «Бартелими, прикидываясь бланкистом, уговорил Бланки прислать на банкет тост, и Бланки прислал великолепную атаку на все Временное правительство, в том числе на Блана и К^с. Пораженный, как громом, Бартелими доложил об этом документе, и было решено его не оглашать... Мы перевели тост на немецкий язык и распространили его в 30 000 экземпляров в Германии и Англии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 104; см. также т. XXI, стр. 171, 172).

⁴⁴ Л е д р ю - Р о л л е н, Л у и - Б л а н, К р е м ь е и др. — члены Временного правительства в начале революции 1848 г. во Франции.

⁴⁵ Н а л о г в 45 с а н т и м о в: декретом от 16 марта 1848 г. Временное правительство увеличило на 45 сантимов каждый франк четырех прямых

налогов, падавших на крестьян. Налог в 45 сантимов вызвал крайнее недовольство крестьян.

⁴⁶ Комментарий к тосту Бланки от 10 февраля 1851 г. Опубликовано газетой «Патри» («Patrie») 27 февраля 1851 г. тоста Бланки лондонским эмигрантам вызвало бурю протеста среди буржуазных «социалистов» и республиканцев и, наоборот, было восторженно встречено в революционных кругах. В апреле 1851 г. Бланки написал статью, которая служит комментарием к тосту. Статья в копиях имела хождение среди французских социалистов. Бланки в ней не только не отказывается от мыслей, высказанных им в тосте, но еще резче подчеркивает необходимость предостеречь народ от опасности, грозящей ему, если он снова окажет доверие буржуазным «социалистам», еще резче настаивает на полном разрыве революционной партии с буржуазными «социалистами» и республиканцами.

В 1878 г. социалистическая газета «Равенство» («Egalité») в связи с выдвижением кандидатуры Бланки на парламентских выборах, почти полностью напечатала в номере от 16 июня текст комментария под названием: «La comédie des programmes».

⁴⁷ Июньская драма: Бланки имеет в виду поражение пролетариата в июне 1848 г.

⁴⁸ Письмо Майару — пространное политическое письмо, написанное одному из последователей Барбеса, бывшему председателем филиала клуба Революции. За участие в июньских боях Майар был сослан в Африку, откуда ему удалось бежать в Барселону, служившую многим французским республиканцам убежищем от террора, объяввшего

всю Францию после государственного переворота 2 декабря 1851 г.

Майар, искренний республиканец, не обладавший, однако, ясным и определенным мировоззрением.

Печатаемое здесь письмо Бланки Майару было впервые опубликовано во французской газете «Le Cri du Peuple», 1878, 1, 2, 3 октября. В переводе письма Майару сделаны некоторые сокращения.

⁴⁹ Мелкобуржуазный демократ Ледрю-Роллен, в годы, предшествовавшие революции 1848 г., резко выступая против коммунизма, в то же время был склонен прикрывать буржуазную сущность своей политики социалистическими фразами.

⁵⁰ Г и з о Франсуа-Пьер-Гильом (1787—1874) — французский политический деятель и историк. Во время реставрации Бурбонов во Франции выступил на политической арене как умеренный либерал. В 1816—1820 гг. стоял во главе партии конституционалистов-роялистов (см. примечание 11). В начале революции 1830 г. Гизо защищал «адрес 221» (см. примечание 18). Назначенный в августе 1830 г. министром внутренних дел, Гизо стал на позиции крайнего консерватизма, беспощадного подавления республиканских стремлений. Особенно реакционной была его политика в 40-х годах, когда он был министром иностранных дел, а с 1847 г. — премьером.

Как историк Гизо занимает видное место во французской буржуазной историографии. Наиболее известными историческими трудами его являются: «Опыты по истории Франции», «История английской революции», «История цивилизации во Франции».

⁵¹ Первой революции — Бланки говорит

здесь о буржуазной революции 1789—1794 гг. во Франции.

⁵² Монтаньяры, жирондисты — названия партий в Конвенте в период революции 1789—1794 гг. во Франции.

⁵³ Мадзини Джузеппе (1805—1872) — крупнейший деятель так называемого Risorgimento — итальянского национально-освободительного движения, вождь революционной итальянской буржуазии периода борьбы за воссоединение Италии, пламенный боец за свободу и независимость Италии. В 1831 г. он основал тайную организацию «Молодая Италия», а в 1834 г. — всеевропейскую революционную организацию «Молодая Европа». Мадзини не выдвигал программы социальных преобразований, считая, что народ должен бороться за независимость Италии не во имя улучшения своего материального положения, а во имя «высоких идей морально-религиозного характера. «Бог и народ» — таков был девиз Мадзини. Мадзини враждебно относился к социализму.

⁵⁴ Человек, который обвинил социализм в поражении Декабря. Бланки говорит о движении против государственного переворота, совершенного Луи-Бонапартом (Наполеоном III) во Франции 2 декабря 1851 г. «Человек» — Мадзини.

⁵⁵ Леру Пьер (1797—1871) — французский утопический социалист. В начале 30-х годов примыкал к сенсимонистам, затем отошел от них и создал свою теорию, в которой он пытался примирить социализм с выдуманной им религией «Человечества». В 1848 г. Леру был избран в Учредительное, а затем и в Законодательное собрание. Он резко критиковал су-

ществующий общественный строй, но большого политического влияния во время революции не имел.

⁵⁶ Кабе Этьен (1788—1856) — крупный представитель французского утопического коммунизма. Свои идеи коммунистического устройства общества изложил в книге «Путешествие в Икарию» (1840). Кабе пользовался известной популярностью среди рабочих и ремесленников. Он организовал коммунистическую общину в Техасе (Северная Америка), которая была названа Икарией. Затея эта окончилась неудачей. Кабе был противником революционных методов борьбы.

⁵⁷ Тьер Луи-Адольф (1797—1877) — французский государственный деятель, историк, стяжавший позорную славу «палача Парижской Коммуны». В молодости выступал в качестве вождя либерально-буржуазной оппозиции. Во время июльской революции 1830 г. содействовал вступлению Луи-Филиппа на престол. При Июльской монархии занимал министерский пост. Во время июньского восстания в Париже в 1848 г. был сторонником установления диктатуры Кавеньяка. После июньского восстания стал руководителем «партии порядка».

17 февраля 1871 г. Тьер был избран главой исполнительной власти во Франции. Он проводил резко реакционную политику. После провозглашения Парижской Коммуны Тьер бежал в Версаль и начал при поддержке Бисмарка гражданскую войну против революционного Парижа.

⁵⁸ Бланки имеет в виду восстание, вспыхнувшее в некоторых районах Франции после 2 декабря 1851 г.

⁵⁹ Это новое поражение приведет

в Париж Николая. Бланки имеет здесь в виду русского царя Николая I.

⁶⁰ «Социальная критика» — сборник произведений Бланки, изданный в 1885 г. Феликсом Альканом; в сборник вошли статьи Бланки по политическим и социальным вопросам, а также ряд заметок на разные темы.

⁶¹ Обвинительный акт — у Бланки «une catilinaire» (название знаменитых речей Цицерона против Катилины). Катилина (108—62 гг. до н. э.) — римский патриций. Потерпев неудачу на выборах консулов в 64 г., составил заговор («заговор Катилины») с целью силой захватить консульство. Заговор был раскрыт.

⁶² Луидор — французская золотая монета.

⁶³ Пиастр — денежная единица, имеющая различную ценность в разных странах: в Египте и Сирии равняется $\frac{1}{10}$ египетского и сирийского фунта, наиболее ходячая монета в Индо-Китае.

⁶⁴ Гидальго — дворянский титул низшего разряда в средневековой Испании. В настоящее время гидальго называют, в отличие от грандов, небогатых дворян и буржуа.

⁶⁵ Галион — испанское трехмачтовое торговое судно XVII—XVIII вв.

⁶⁶ Цезарь — имеется в виду римский диктатор Юлий Цезарь (101—44 до н. э.).

⁶⁷ Тартюф — лицемер, герой комедии Мольера под тем же названием.

⁶⁸ Лойола Игнатий — основатель ордена иезуитов в Италии в 1537 г.

⁶⁹ Шейлок — персонаж из трагедии Шекспира «Венецианский купец», тип безжалостного займодавца.

⁷⁰ Новая Саланта — утопическая страна, описываемая французским писателем Фенелоном (1651—1715) в его известном произведении «Похождения Телемака».

⁷¹ Сорок бессмертных — речь идет о французских академиках. Сорок — число членов французской академии.

⁷² Оливье Эмиль (1825—1913) — французский политический деятель, член французской академии. Принадлежал в первые годы второй империи к умеренной буржуазной оппозиции; по мере обострения классовой борьбы в стране Оливье стал сближаться с бонапартистами и 2 января 1870 г. был поставлен во главе нового кабинета. Летом 1870 г. «с легким сердцем», по его выражению, объявил Пруссии войну. 9 августа 1870 г. после ряда поражений, понесенных Францией в войне с Пруссией, министерство Оливье, оказавшееся совершенно неспособным справиться с трудностями ведения войны, было отставлено. После падения Империи — 4 сентября 1870 г. — Оливье бежал в Италию.

⁷³ Дюпанлу Феликс-Антуан (1802—1878) — французский церковный и политический деятель, крайний реакционер. Принимал участие в выработке школьного закона Фаллу (1850), отдавшего народное образование в руки духовенства. В 1871 г. был избран в Национальное собрание.

⁷⁴ *Idem* — латинское выражение, означающее «а также», «равным образом».

⁷⁵ Мери́ме Проспер (1803—1870) — знаменитый французский писатель. В начале своей деятельности был романтиком, а затем стал реалистом. Его перу принадлежит ряд ярких художественных произ-

ведений: «Театр Клары Газуль», «Жакерия», «Матео Фальконе», «Коломба», «Кармен» и др. Мериме известен также как переводчик на французский язык произведений Пушкина, Гоголя, Тургенева.

⁷⁶ Л и к у р г — легендарный законодатель древней Спарты. Древние авторы относят время его жизни к VIII в. до н. э. По преданию, Ликург создал все спартанские учреждения, в частности, установил земельные наделы спартамцам. Представители утопического социализма XVII и XVIII вв. считали Ликурга образцом разумного законодателя.

⁷⁷ К о н т Огюст (1798—1857) — французский философ и социолог, основоположник «позитивной» философии и буржуазной позитивистской социологии. Философия истории Конта идеалистическая, в основе ее лежит тезис, что идеи управляют миром и изменяют его. В своей классификации наук он ставит социологию выше всех других наук, считая ее наиболее сложной наукой. В области политики система Конта («социальная статика») реакционна, проповедует необходимость «умерить антагонизм классов, создать равновесие в капиталистическом обществе».

Важнейшие труды О. Конта: «Курс позитивной философии» (1830—1842), «Система позитивной политики, или Трактат социологии, устанавливающей религию человечества» (1851—1854), «Позитивный катехизис или Краткое изложение всемирной религии» (1852).

⁷⁸ М о н т а л а м б е р (1810—1870) — публицист и политический деятель, ревностный защитник католицизма.

⁷⁹ «М о н и т е р» — официальный орган французского правительства.

⁸⁰ Второй том «Социальной критики» состоит из мелких заметок Бланки. Мы даем в настоящем издании наиболее характерные из них с некоторыми сокращениями.

⁸¹ Р а д е ц к и й Иосиф-Венцель (1766—1858) — граф, австрийский полководец. Во время революции 1848 г. в Италии вел операции против Пьемонта, Ломбардии и Венеции. Его войска в этих операциях отличались крайней жестокостью.

⁸² Г а й н а у Юлиус-Якоб (1784—1853) — австрийский фельдмаршал, запятнал себя жестокой расправой при подавлении революции 1848 г. в Италии (в Брешии, Ферраре и других местах). В мае 1849 г. учинил расправу с венгерской революцией, жестоко преследовал участников революционного движения. За свои зверства Гайнау получил прозвище «брешианской гиены», «кровопийцы» и др. Когда в 1850 г. Гайнау путешествовал по Европе, рабочие устраивали против него враждебные демонстрации.

⁸³ С и м е о н Столпник (356—459 гг. до н. э.) — христианский аскет. По преданию, в течение 40 лет пребывал на небольшой открытой со всех сторон площадке на столбе.

⁸⁴ Ф и в а и д с к и е монахи — Фиваиды — пустыни в Верхнем Египте, начиная с III века служили местом уединения первых христианских отшельников.

⁸⁵ Коммунизм и прудонизм — под коммунизмом Бланки понимает здесь не революционный коммунизм, сторонником которого он себя считал, а «коммунистический утопизм», нашедший свое наиболее яркое выражение в «Икарии» Кабе.

⁸⁶ Анфантен, Бартеlemi Проспер (1796—1864) — французский утопист, последователь Сен-Симона.

Совместно с Базаром, а после разрыва с ним, единолично возглавлял «сен-симонистскую школу». В период его руководства сен-симонизм выродился в религиозную секту.

⁸⁷ П р у д о н Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный социалист, один из основателей анархизма. Громкую известность доставила Прудону опубликованная им в 1840 г. книга «Что такое собственность», в которой он заявляет, что «собственность — это кража». В своей главной экономической работе «Философия нищеты» Прудон полностью раскрыл в анализе общественных отношений всю антинаучность и утопизм своего мелкобуржуазного общественного идеала. Ответом на эту работу Прудона является блестящая работа Маркса «Нищета философии», в которой он подвергает резкой и глубокой критике реакционную мелкобуржуазную идеологию Прудона.

Прудон ратовал за «социальную ликвидацию» без революции и без диктатуры пролетариата. В революционных событиях 1848 г. он занял колеблющуюся позицию. Вообще колебания и неустойчивость в политических взглядах присущи Прудону на всем протяжении его литературной и практической деятельности, направленной на защиту интересов мелкой буржуазии. «...Прудону, — писал Маркс, — принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 31).

⁸⁸ М а л ь т у с — буржуазный экономист, английский священник, ярый противник трудящихся масс, доказывавший, что нищета рабочего класса в условиях капитализма якобы является следствием роста наро-

донаселения. Согласно антинаучному и реакционному учению Мальтуса население растет в геометрической прогрессии, тогда как средства существования возрастают лишь в арифметической. Бланки, говоря о Мальтусе, имеет в виду вообще буржуазную политическую экономию (см. «Мальтус и К^о», стр. 262).

⁸⁹ *R a s a* (сирийское) — оскорбительное, бранное слово, встречается в Евангелии.

⁹⁰ «Социализм Прудона» и дальше: характерно, что Бланки не понимает всей глубины пропасти, отделяющей учение Прудона от революционного коммунизма.

⁹¹ *Laissez-faire* и *laissez-passer* — французское выражение, означающее: «предоставьте каждому делать, что он хочет». Это — основной принцип французских буржуазных экономистов XVIII века, выражающий свободу экономической деятельности.

⁹² То, что одержало победу в Женеве в 1866 г., заколебалось в Лозанне в 1867 г., рухнуло в Брюсселе в 1868 г. и исчезло в Базеле в 1869 г.—Бланки говорит здесь о конгрессах I Интернационала, происходивших в названных городах.

На конгрессе в Женеве прудонисты требовали, чтобы Интернационал стал международным кооперативным объединением и ограничил свои задачи изучением условий, при которых кооперативный строй мог бы мирным путем заменить капиталистическую систему. После ожесточенных споров конгресс согласился с Марксом и признал, что кооперативное движение только одно из средств преобразования общества и само по себе бессильно покончить с капитализмом. На конгрессе в Лозанне (2—8 сентября

1867 г.) была принята резолюция, гласящая, что социальное освобождение трудящихся неотделимо от их политического освобождения.

В центре работы конгресса в Брюсселе (6—19 сентября 1868 г.) стоял вопрос о собственности, в частности, о земельной собственности. Принятая на конгрессе резолюция указывала, что тенденции экономического развития требуют перехода к крупному производству и что вследствие этого не только земля, но и все рудники, шахты, леса, железные дороги и т. п. должны быть обращены в коллективную собственность.

На конгрессе I Интернационала в Базеле (6—11 сентября 1869 г.) было подтверждено решение Брюссельского конгресса о необходимости отмены частной собственности на землю. На конгрессе была осуждена проповедь Бакунина о воздержании рабочих от политики.

⁹³ Помпери Эдуард де — французский публицист-фурьерист. Современник Бланки. В 40-х годах был деятельным сотрудником французской социалистической прессы.

⁹⁴ Моравские братья — связанная с анабаптизмом секта, возникшая в Чехии в середине XVI в. Крайняя группа моравских братьев проповедовала полную общность имуществ. Учение секты представляло собой мирный религиозный коммунизм. В XVI—XVII вв. их общины пользовались широкой известностью как образец общности имуществ.

⁹⁵ *Sine qua non* — латинское выражение, означающее неперемное условие.

⁹⁶ Бастиа Фредерик (1801—1850) — французский экономист, вульгаризатор буржуазной политической экономии. Его главные сочинения: «Кобден и

Лига», «Экономические софизмы», «Экономические гармонии». Бастиа горячо защищал идеи экономического либерализма против протекционистов и социалистов.

⁹⁷ *Сum hoc, ergo hoc* — латинское выражение, означающее: вместе с этим, следовательно, вследствие этого.

⁹⁸ «Отечество в опасности» («*La Patrie en danger*») — газета, основанная Бланки после революции 1870 г. «Отечество в опасности» просуществовала с 7 сентября по 8 декабря, всего вышло 89 номеров. Бланки писал в каждом номере. Статьи Бланки в газете «Отечество в опасности» изданы отдельной книгой. В данном издании помещены некоторые из этих статей.

⁹⁹ Вновь создавалась августовская ситуация. Бланки имеет в виду выступление бланкистов 14 августа 1870 г. на улице Ла-Виллетт, имевшее целью восстановление во Франции республики. Выступление окончилось неудачей вследствие его несвоевременности и неорганизованности. Бланки считает, что и теперь, после падения Империи, сложилась ситуация, требующая борьбы против правительства Национальной обороны.

¹⁰⁰ Вильгельм — прусский король Вильгельм I (1797—1888), провозглашенный 18 января 1871 г. германским императором.

¹⁰¹ Она не останавливалась перед каким-нибудь 2 ноября: повидимому, Бланки ошибочно называет так события 2—6 сентября 1792 г. в Париже, когда под влиянием известий, полученных 2 сентября о падении Вердена и о роялистских волнениях в Вандее, плебейскими массами Парижа были

произведены массовые казни заключенных в тюрьмах врагов народа — не присягнувших конституции священников, аристократов, фальшивомонетчиков и др.

¹⁰² Р а т у ш а — под «Ратушей» Бланки подразумевает правительство Национальной обороны, помещавшееся в городской ратуше Парижа.

¹⁰³ Н о ч ь 31 о к т я б р я — Бланки говорит здесь о восстании 31 октября 1870 г., поднятом бланкистами с целью свергнуть правительство Национальной обороны. Восстание 31 октября потерпело неудачу. Оставшееся у власти правительство обязалось не преследовать участников восстания 31 октября. Но оно коварно нарушило свое обещание: в 1871 г. Бланки был арестован и брошен в тюрьму, а в 1872 г. осужден за участие в этом выступлении.

¹⁰⁴ Я з ы к о м... Ф е р ь е р ы — Бланки подразумевает свидание французского министра иностранных дел Жюля Фавра с Бисмарком в деревне Ферьере, департамента Сен-и-Марн, 19—22 сентября 1870 г. Фавр требовал сохранения целостности Франции. Бисмарк настаивал на присоединении к Германии Эльзаса и Восточной Лотарингии. Переговоры ни к чему не привели.

¹⁰⁵ Б и с м а р к Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898) — князь, известный государственный деятель Пруссии и Германии, дипломат, ярый приверженец монархии. Главный вдохновитель франко-прусской войны, он стал готовиться к ней еще с 1867 г. С 1871 г., после разгрома Франции, Бисмарк — канцлер Германской империи.

¹⁰⁶ Г а м б е т т а Леон-Мишель (1838—1882) — французский политический деятель. Отличался большим ораторским талантом. В начале своей деятель-

ности называл себя демократом. Во время франко-прусской войны после свержения Империи ему было поручено дело национальной обороны. Гамбетта отказался признать мирные условия Бисмарка (март 1871 г.) и удалился в Испанию.

После Парижской Коммуны Гамбетта — вождь республиканской партии, проводник политики умеренности, политики оппортунизма. В 1881 г. на избирательном собрании в Бельвиле призывал рабочих к отказу от классовой борьбы, к установлению классовой гармонии.

¹⁰⁷ Б а з е н Ашиль-Франсуа (1811—1888) — французский реакционный военный деятель, маршал Франции. 27 октября 1870 г. изменнически сдал пруссакам Мец и открыл им путь на Париж. После сдачи Меца вел переговоры с прусским командованием об удушении республики во Франции и о восстановлении монархии.

¹⁰⁸ Ф а в р Жюль (1809—1880) — французский политический деятель. В начале своей деятельности примыкал к умеренно-республиканскому крылу буржуазии, после революции 1848 г. был членом Учредительного и Законодательного собрания. После падения Империи 4 сентября 1870 г. был министром иностранных дел в правительстве Национальной обороны, вел переговоры с Бисмарком о мире. Жюль Фавр принимал деятельное участие в подавлении Парижской Коммуны и в организации белого террора после ее поражения.

¹⁰⁹ А т т и л а — вождь племени гуннов (царствовал с 433 по 453 г. н. э.), прозванный «бичом Божиим». Совершил ряд опустошительных походов на территорию Восточной Римской империи и Ирана,

затем устремился на Запад и разорил ряд городов северной Галлии. Этими набегами Аттила расширил свое государство до огромных размеров и образовал сильный союз народностей. Аттила был грозой всей Европы и сам говорил, что там, где ступила нога его лошади, трава не будет расти.

¹¹⁰ Декабрьское преступление — см. примечание 54.

¹¹¹ Инструкция к вооруженному восстанию. В данном издании приводится первая, общая часть составленной в 1868 г. Бланки инструкции к вооруженному восстанию («Instruction pour une prise d'armes»). Полный текст Инструкции хранится в Национальной библиотеке в Париже. Перевод сделан с текста, напечатанного в журнале «La Pensée», 1948, № 19.

¹¹² Бульвар — первоначально вал, насыпь за городскими стенами. Во Франции в XV—XVI вв. служил защитой от неприятельской артиллерии. Впоследствии на крепостных валах устраивались обсаженные деревьями аллеи, служившие местом прогулок.

В настоящее время во Франции бульваром называется вообще широкая улица, обсаженная деревьями. В Париже насчитывается свыше 80 бульваров.

¹¹³ Иеремия — один из легендарных пророков. Принято считать, что он жил приблизительно в 628—586 гг. до н. э. В дошедшей до нас книге, названной его именем, большую часть составляют скорбные и обличительные речи («иеремиады»), составленные в эпоху вавилонского плена и после плена.

СОЧИНЕНИЯ Л. О. БЛАНКИ

- Défense du citoyen Aug. Blanqui devant la cour
d'Assises. Paris, 1832.
- Réponse du citoyen Aug. Blanqui. Paris, 1848.
- Avis au peuple. «La Patrie», 1851, 27 février.
- Pages inédites (1848—1852). «Révolution de 1848»,
1925, т. 23, № 111, р. 541—558.
- Lettre au Maillard (1852). «Le Cri du Peuple», 1878,
1, 2, 3 octobre.
- Instruction pour une prise d'armes. [Первая часть на-
печатана в журнале «La Pensée», 1848, № 19.
- La Patrie en danger. Paris, 1871. [Перепечатка статей
из газеты «La Patrie en danger».]
- Un dernier mot. Paris, 1871.
- Eternité par les astres. Paris, 1872.
- La comédie des programmes. «Egalité» 1878, 16 juin.
- L'Armée esclave et opprimée. Paris, 1880.
- Ni Dieu, ni Maître, Paris, 1880.
- Critique sociale. T. I—II. Paris, 1885

ЛИТЕРАТУРА О БЛАНКИ

- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 161.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 81, 305, 329, 495.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 59—60, 225—226.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 91—92.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 171—172, 414.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 25—26.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 165—166, 384.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 92—94, 104, 331, 395, 545.
- К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., 1948, т. I, стр. 189—190, 218, 442, 597.
- В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 181.
- В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 360.
- В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 437.
- В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 129.
- В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 29.
- И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 314.
- Жеффруа Г. Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. Изд. 2. М.—Л., 1925.

- Зеваэс А. Огюст Бланки. Пб., 1922.
- Bourgin G. et Ferrier M. 1848. Paris, 1948.
[Альбом. Иконография Бланки.]
- Bruhat J. Les journées de Février 1848, Paris, 1948.
- Da Costa Ch. Les Blanquistes. Paris, 1912.
- Dommanget M. Auguste Blanqui à Belle-Île (1850—1857). Paris, 1936.
- Dommanget M. Blanqui, la guerre de 1870 et la Commune. Paris, 1947.
- Dommanget M. Un drame politique en 1848 (Blanqui et le document Taschereau). Paris, 1948.
- Dautry J. Histoire de la révolution de 1848 en France. Paris, 1948.
- Flotte B. Blanqui et les otages en 1871. (Documents historiques). Paris, 1885.
- Garaudy R. Les sources françaises du socialisme scientifique. Paris. 1948.
- Geffroy G. L'Enfermé. Paris, 1897.
- Girard F. Histoire du mont Saint-Michel. Paris, 1849.
- Jaurès J. Blanqui. In: Jaurès J. Oeuvres, T. III. Études socialistes. 1, 1888—1897. Paris, 1931.
- Molinier S. Blanqui. Paris, 1948 (Centenaire de la Révolution 1848).
- Marty A. Quelques aspects de l'activité de Blanqui. «Cahier du communisme», 1951, № 4, p. 391—415.
- Mason E. S. Blanqui and communism. «Political Science Quarterly», 1929, vol. XLIV, № 4.
- Perreux J. Au temps des Sociétés secrètes. Paris, 1935.
- Postgate R. W. The prisoner L. A. Blanqui. In: Postgate R. W. Out of the past. London. [1922].
- Postgate R. W. How to Make a Revolution. London, 1934.
- Stewart N. Blanqui. A biography. London, 1939.

Tchernoff I. Le parti Républicain sous la monarchie de juillet. Paris, 1901.

Wassermann. S. Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848. Paris, 1913.

Zévaes A. Auguste Blanqui. Patriote et socialiste français. Paris, 1920.

Zévaes A. Une Révolution manquée: l'Insurrection du 12 mai. Paris 1933.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
26	2 сн.	Письмо к Ватта	Письмо к Ватто
28	8 сн.	отмежеваются	отмежевы- ваются
53	14-13 сн.	без просвещения!	без просвещения!»
53	7 сн.	Свобода значит	«Свобода значит
304	6 сн.	21 октября	31 октября
309	2-1 сн.	утонченностью злодейства	утонченности злодейства

Л. О. Бланки. Избранные произведения